

Historical and Social Educational Ideas

TOM 8 № 2 Part 1

2016

Web version address: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea's» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Ideas*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE
EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:

ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

E.V. Shturba,
Doctor in History, Professor.

Research Supervisor:

T. Khalilov

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web layout Designer:

A. Litvinov

Editor for the English Wording:

T. Khalilov

Proofreader:

A.F.Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's»
Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social Educational Ideas

ТОМ 8 № 2 Часть 1

2016

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ
НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор

Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

**Редактор электронной
версии**

А.М. Литвинов

**Редактор англоязычных
текстов**

Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: 8 861 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

E d i t o r i a l C o u n c i l

Editorial Board Chairman

Volkov Yuriy G., Honored Scientist of Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Head of Department of Sociology, Political Sciences and Law
Rostov-on-Don, Russia

Abramov Valeriy P., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, Head of Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University
Krasnodar, Russia

Astanina Larisa V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education
Moscow, Russia

Biryukov Pavel N., Doctor of Law, Professor, Head of Department of International and European Law, Voronezh State University
Voronezh, Russia

Bugay Nikolay F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow, Russia

Bunimovich-Mendrazitsky Svetlana Yu., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Mathematical and Biological Sciences, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University,
Tel-Aviv, Israel

Vashchenko Aleksandr N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Right. Bulletin of Volgograd Institute of Business»
Volgograd, Russia

Gardabkhadze Iryna A., Associate Professor, Professor, Fashion Design Department, Kiev National University of Culture and Arts
Kiev, Ukraine

Krystyna Gomolka, Professor, Doctor of Science, Department of Economic Sciences and Management, Gdansk Polytechnic University
Gdansk, Poland

Grushevsky Sergey P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar, Russia

Dohnal Josef, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University in Trnava (Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University, Brno (Czech Republic)
Brno, Slovak Republic

Р е д а к ц и о н н ы й С о в е т

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член академии социальных наук России, заведующий кафедрой социологии, политологии и права (ИППК ЮФУ)
Ростов на Дону, Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (КубГУ)
Краснодар, Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ректор, Московский Институт Современного Академического Образования (МИСАО)
Москва, Россия

Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета
Воронеж, Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва, Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философских наук, доктор математики - биологических наук, профессор кафедры «Компьютерные науки и Математика». Ариэльский Университет
Тель – Авив, Израиль.

Вашенко Александр Николаевич, доктор экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса, главной редактор журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»
Волгоград, Россия

Гардабхадзе Ирина Анатольевна, доцент, профессор кафедры дизайна одежды Киевского Национального Университета Культуры и Искусств (КНУКИМ)
Киев, Украина

Гомулка Кристина, профессор, доктор наук, факультет Менеджмента и экономики Гданьского политехнического университета,
Гданьск, Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий Кубанского государственного университета (КубГУ)
Краснодар, Россия

Dohnal Josef, кандидат философских наук, доцент Кафедры русистики Философского факультета Университета им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава (Словацкая Республика), Институт славистики Философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чешская Республика)
Брно, Чешская Республика

Nevskiy Sergei A., Doctor of Law, Professor, National Research Institute of Russian Ministry of Interior Affairs, Chief Researcher
Moscow, Russia

Pusko Vitaly S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Political Sciences, Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russia

Ratushnyak Valery N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist Worker of Kuban, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Head of Department of Pre-Revolutionary Russian History, Kuban State University
Krasnodar, Russia

Spulber Diana PhD in Methodology of Research in Psychology, Scientific Advisor at Unesco Chair University of Genoa, lecturer at Link Campus University Rome and University of Genoa,
Genoa, Italy

Toktosunova Adash I., Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant of Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek, Kyrgyzstan

Alessandro Figus-Professor of International Relations and European union law, he is Chairman of the Link Campus University Erasmus Department; Since 2005 is Visiting Professor at Paris I Sorbonne-Pantheon University; journalist freelance.
Genova, Italy

Tsygankov Andrei P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Departments of Political Science and International Relations.
San Francisco State University (USA)
San Francisco (USA)

Chepel Tatyana L., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Member of Academy of Forecasting (Russian branch of International Academy of Futurology Research)
Novosibirsk, Russia

Yarychev Nasrudi Uvaysovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head. Department of Theory and History of Social Work, "Chechen State University."
Grozny, Russia

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Москва, Россия

Пуско Виталий Станиславович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана
Москва, Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, заведующий кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (КубГУ)
Краснодар, Россия

Spulber Diana, кандидат Методология исследований в психологии, научный советник, кафедра ЮНЕСКО Университета Генуи, преподаватель Link Campus University Риме и Университет Генуи,
Генуя, Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, профессор Восточного университета им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) от Кыргызской Республики.
Бишкек, Кыргызстан

Alessandro Figus- профессор международных отношений и европейского права, является председателем отделения Эразмус Link Campus University. С 2005 года - приглашенный профессор в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна. Внештатный журналист.
Генуя, Италия

Цыганков Андрей Павлович, доктор философии, профессор, профессор международных отношений и политических наук университета Сан-Франциско (США)
Сан-Франциско (США)

Чепель Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного педагогического университета, действительный член Академии прогнозирования (Российское отделение Международной академии исследования будущего)
Новосибирск, Россия

Ярычев Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социальной работы, "Чеченский государственный университет".
Грозный, Россия

E d i t o r i a l B o a r d
Editor-in-chief

Sturba Evgeny V., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State
University

Krasnodar, Russia

Bederkhanova Vera P., Doctor of Pedagogic Sciences, Pro-
fessor, Head of Department of Social Work, Psychology and
Higher Education Pedagogy, Kuban State University

Krasnodar, Russia

Grebennikova Veronika M., Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology,
Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Dean,
Kuban State University

Krasnodar, Russia

Zotov Sergei N., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor, Professor of Department of Literature, Chekhov
Taganrog Institute (Rostov State University of Economics
branch)

Taganrog, Russia

Kasyanov Valeriy V. Doctor of Sociological Sciences, Doctor
of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Histo-
ry, Kuban State University

Krasnodar, Russia

Mikeroва Galina Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Profes-
sor, Head of Department of Primary School, Kuban State Uni-
versity, Honored Teacher of the Russian Federation, Corre-
sponding Member of Russian Academy of Natural Sciences

Krasnodar, Russia

Popov Mikhail Yu., Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University
of Russian Ministry of Internal Affairs

Krasnodar, Russia

Turitsyn, Igor V., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Eco-
nomic Sciences, Professor, Department of Russian History,
Moscow Pedagogical University, President of History, Econom-
ics and Law Research Institute (HELRI). Chief editor of Scien-
tific Journal «Contemporary Scientific Idea»

Moscow, Russia

Faktorovich Alexander L., Doctor of Philological Sciences,
Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass
Communications, Kuban State University

Krasnodar, Russia

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я
Главный редактор

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук,
профессор, профессор Кафедры педагогики и психологии
Кубанского государственного университета

Краснодар, Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук,
профессор, заведующая кафедрой социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования Кубанского
государственного университета (КубГУ)

Краснодар, Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогиче-
ских наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и
психологии, декан факультета педагогики, психологии и
коммуникативистики, Кубанского государственного универ-
ситета (КубГУ)

Краснодар, Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ
ВПО «Ростовский государственный экономический универ-
ситет (РИНХ)»

Таганрог, Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических
наук, доктор исторических наук, профессор. заведующий
кафедрой истории России, Кубанского государственного
университета (КубГУ).

Краснодар, Россия

Микерова Галина Жоршовна, доктор педагогических наук,
профессор, заведующая кафедры педагогики и методики
начального образования Кубанского государственного уни-
верситета им. В.И. Ленина, президент НИИ истории, экономики и
права. Заслуженный учитель РФ, член-корреспондент
Российской Академии Естествознания

Краснодар, Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Краснодар, Россия

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры
отечественной истории Московского педагогического универ-
ситета им. В.И. Ленина, президент НИИ истории, экономики и
права. Главный редактор научного журнала «Современная
научная мысль»

Москва, Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических
наук, профессор кафедры истории и правового регулирова-
ния массовых коммуникаций Кубанского государственного
университета, (КубГУ)

Краснодар, Россия

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
<i>International conference</i>	<i>Международная конференция</i>
ZOU Lihui, Ussuriysk, Russia LEICHENKO O. F., PECHERITSA V. F., Vladivostok, Russia INTERNATIONAL RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FRAMEWORK OF THE UNITED NATIONS (UN) AND THE REGIONAL SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)	13 ЦЗОУ Лихуэй, г. Уссурийск, Россия ЛЕЙЧЕНКО О. Ф., ПЕЧЕРИЦА В. Ф., г. Владивосток, Россия МЕЖДУНАРОДНОЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ООН) И РЕГИОНАЛЬНОЙ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)
SHTURBA E. V., MAKHALKINA M. A., Krasnodar, Russia TERRITORIAL ENCLAVES OF FORMER USSR IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY.	26 ШТУРБА Е. В., МАХАЛКИНА М. А., г. Краснодар, Россия ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АНКЛАВЫ БЫВШЕГО СССР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
<i>Historical Sciences</i>	<i>Исторические науки</i>
FEDINA I. M., Krasnodar, Russia LAND REGULATION IN KUBAN IN THE 1920s	39 ФЕДИНА И. М., г. Краснодар, Россия РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ В 1920-е ГОДЫ
KHOTKO S. Kh., Maykop, Russia CIRCASSIAN PRINCIPALITIES IN THE XIV-XV CENTURIES: FORMATION AND INTERRELATION WITH SUB-ETHNIC GROUPS	46 ХОТКО С. Х., г. Майкоп, Россия ЧЕРКЕССКИЕ КНЯЖЕСТВА В XIV–XV ВЕКАХ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ С СУБЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ
<i>Sociological and Humanities Sciences</i>	<i>Социологические и гуманитарные науки</i>
ARTYUKH A. A., St. Petersburg, Russia RADICAL POETIZATION. RETHINKING THE FINAL SLOW MOTION SCENE IN BONNIE AND CLYDE	61 АРТЮХ А. А., г. Санкт-Петербург, Россия РАДИКАЛЬНАЯ ПОЭТИЗАЦИЯ. ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ФИНАЛЬНУЮ СЦЕНУ РАПИДНОЙ СЪЕМКИ В ФИЛЬМЕ «БОННИ И КЛАЙД»
BARABASH V. V., DUDINA G. S., Moscow, Russia REPRESENTATION OF THE EU-RUSSIAN ENERGY RELATIONS: COVERAGE OF THE NORD-STREAM PIPELINE'S CONSTRUCTION IN GERMAN QUALITY MEDIA	70 БАРАБАШ В. В., ДУДИНА Г. С., г. Москва, Россия РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЕС-РОССИЯ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ: ОСВЕЩЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЗОПРОВОДА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК» В НЕМЕЦКИХ КАЧЕСТВЕННЫХ СМИ
VELIKIY P. P., Saratov, Russia MIGRANTS FROM THE COUNTRIES OF SOUTH- EASTERN REGIONS IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE	76 ВЕЛИКИЙ П. П., г. Саратов Россия МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ
KHALILOV T.A., Krasnodar, Russia EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT AND CORPORATIVE BUSINESS POLITICAL COOPERATION IN POST-SOVIET RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS	87 ХАЛИЛОВ Т. А., г. Краснодар, Россия ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И КОРПОРАТИВНОГО БИЗНЕСА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
<i>Education and Pedagogical Sciences</i>	<i>Образование и педагогические науки</i>
GREBENNIKOVA V.M., MOTSAI L.S., Krasnodar, Russia SPULBER D., Genoa, Italy PROFESSIONAL AND SOCIAL ADAPTATION IN OLD AGE	97 ГРЕБЕННИКОВА В.М., МОЦАРЬ Л. С., г.Краснодар, Россия SPULBER D., Генуя, Италия ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ
DOHNAL Josef, Brno, Slovak Republic STUDENTS' MOTIVATION AT THE UNIVERSITY LEVEL (AN ESSAY BASED ON EXPERIENCE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING)	109 DOHNAL J., г. Брно, Чешская Республика МОТИВАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СТУДЕНТОВ (ЭССЕ, ОСНОВАННОЕ НА ОПЫТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ)

TEREGULOV F. Sh., Ufa, Russia ABOUT SOCIAL HERITAGE AND SOCIAL GENOME	114	ТЕРЕГУЛОВ Ф.Ш., г. Уфа, Россия ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ НАСЛЕДОВАНИИ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНОМ
SHTURBA V. A., Krasnodar, Russia EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON	124	ШТУРБА В. А., г. Краснодар, Россия ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
SHULZHENKO M. Yu., POPOVSKAYA V. B., Krasnodar, Russia COGNITIVE BASIS OF MENTAL PROCESSES OF CONSCIOUSNESS	127	ШУЛЬЖЕНКО М. Ю., ПОПОВСКАЯ В. Б. г. Краснодар, Россия КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СОЗНАНИЯ
Chronicle, events, facts		Хроника, события, факты
PAVLOVSKY Gleb O., Moscow, Russia RUSSIA 1917-2016: DESIGN VERSUS INSTITUTION?	137	ПАВЛОВСКИЙ Г. О., г. Москва, Россия РОССИЯ 1917-2016 ГОДОВ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВМЕСТО УЧРЕЖДЕНИЯ?
Information	139	Информация

Dear Colleagues!

The editorial board of Science Journal "Historical and Social-Educational Ideas" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals.

The theme of the Conference - "RUSSIAN NATIONAL SECURITY: History, Modernity and Perspectives".

The Conference is held during 2016.

The shape of the material is free.

To participate in the Conference are invited candidates, graduate students, university professors, scientific community.

The editorial board is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal and to send it to the authors.

The editorial staff will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно - практической конференции.

Тема конференции – «Национальная безопасность России: история, современность и перспективы».

Конференция проводится в течение 2016 года.

Форма подачи материала свободная.

К участию в конференции приглашаются соискатели, аспиранты, преподаватели вузов, научная общественность.

Редакция журнала обязуется бесплатно публиковать материалы конференции на страницах своего журнала и разослать его авторам.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

*С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор Е.В. Штурба*

**International Distant Conference of the Academic People
and Professionals**

**"RUSSIAN NATIONAL SECURITY:
History, Modernity and Perspectives"**

**Международная заочная
научно-практическая конференция:**

**«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

UDC 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-13-25

ЦЗОУ Лихуэй,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Уссурийск, Россия
Zouli2864@mail.ru

ZOU Lihui,
Far Eastern Federal University,
Ussuriysk, Russia
Zouli2864@mail.ru

ЛЕЙЧЕНКО Ольга Федоровна,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет проф-
союзов, Владивостокский филиал,
г. Владивосток, Россия
9089746434@mail.ru

LEICHENKO Olga F.,
Saint-Petersburg University of Humanities,
Vladivostok Branch,
Vladivostok, Russia
9089746434@mail.ru

ПЕЧЕРИЦА Владимир Федорович,
Дальневосточный федеральный университет,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет проф-
союзов, Владивостокский филиал,
г. Владивосток, Россия
prof.pecheritsa@gmail.com

PECHERITSA Vladimir F.,
Far Eastern Federal University of Humanities,
Saint-Petersburg University of Humanities,
Vladivostok Branch,
Vladivostok, Russia
prof.pecheritsa@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ РОССИЙСКО- КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ Организации Объединенных Наций (ООН) и Региональной Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)

INTERNATIONAL RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FRAMEWORK OF THE UNITED NATIONS (UN) AND THE REGIONAL SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)

После окончания «холодной войны» в мировой политике и экономике произошли изменения. После международного финансового кризиса 2008 года необходимость реформирования миропорядка становится все более очевидной. Тем не менее, экономически развитые страны традиционно прочно удерживают старый миропорядок, настаивают на том, что все демократические правила, принятые западными странами, необходимо соблюдать всем странам. Россия и Китай в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН много делают в рамках этой организации для того, чтобы укрепить международный мир и международную безопасность. Государства-члены ООН должны путем широких и демократических консультаций, с учетом интересов и озабоченностей всех сторон, стремиться найти «всеобъемлющий» вариант решения, добиться единства мнений в максимальной степени. Китай готов поддерживать контакты со всеми сторонами, прилагать с ними общие усилия, продвигать развитие процесса реформы Совета безопасности в направлении, которое благоприятствовало бы сохранению общих интересов ООН и сплоченности государств ее членов. Китай и Россия поддерживают рациональные и необходимые реформы Совета безопасности ООН, направленные на повышение его авторитета и эффективности работы, а также более строгое выполнение его обязательств по обеспечению мира и безопасности на планете. Как важные члены (ШОС), Китай и Россия представляют собой ведущие силы по содействию становлению многополярного мира и демократизации международных отношений, имея широкие общие интересы в продвижении реформ глобальной финансовой системы для увеличения представительности быстроразвивающихся стран. Китайская сторона оказывает поддержку России в борьбе против терроризма и сепаратизма, а Россия оказывает свою поддержку КНР в вопросах, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном. Стороны прилагают совместные усилия в содействии политическому разрешению кризисов.

The changes in the world politics and economy occur after the end of the "cold war". After the 2008 international financial crisis, the need for reforming of the world order is becoming increasingly apparent. However, the economically well-developed countries traditionally firmly hold the old world order, insist that all democratic rules has adopted by the western countries, are must comply with all the countries. Russia and China as permanent members of the UN Security Council do a lot within the organization in order to strengthen international peace and international security. UN Member States should, by means of the broad and democratic consultations, taking into consideration the interests and concerns of all sides to look forward for finding a "comprehensive" version of the solution to achieve a consensus as much as possible. China is ready to maintain contacts with all sides to apply common efforts to promote the development of the Security Council reforming process in a direction that would have favored the preservation of the common interests of the United States and the cohesion of its members. China and Russia support rational and necessary reforms of the UN Security Council that are aimed at enhancing its authority and efficiency, as well as a more strict implementation of its obligations under the peace and security on the planet. As important members (SCO), China and Russia are the leading force for promoting a multipolar world and democratization of international relationships, with broad common interests in promoting the reform of the global financial system to increase the representativeness of fast developing countries. China supports Russia in the fight against terrorism and separatism, while Russia supports China in the questions, which are connected with Taiwan, Tibet and Xinjiang. The sides apply the joint efforts for the facilitating the political resolution of the crises.

Ключевые слова: «холодная война», Организация Объединенных наций, новый миропорядок, реформа Совета Безопасности ООН, международные проблемы, процессы глобализации, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое сообщество, Организация Договора о коллективной безопасности.

Keywords: the «cold war», the United Nations, a new world order, the reform of the UN Security Council, international issues, globalization, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Eurasian Economic Community, the Organization of the Collective Security Treaty

После окончания «холодной войны» в мировой политике и экономической архитектонике произошли изменения. Страны с формирующимся рынком расширяют сферы влияния. Особенно после международного финансового кризиса 2008 г. необходимость реформирования миро-

порядка становится все более очевидной. Тем не менее экономически развитые страны традиционно прочно удерживают старый миропорядок, настаивают на том, что все демократические правила, принятые западными странами, необходимо соблюдать всем странам. На основе этого выборочно не выполняются даже резолюции Совета безопасности ООН.

В связи с полномочиями, предоставленными Уставом ООН и ее уникальным международным характером, организация может принимать решения по вопросам, стоящим перед человечеством в XXI в., таким как мир и безопасность, изменение климата, устойчивое развитие, права человека, разоружение, терроризм, гуманитарные и чрезвычайные ситуации, гендерное равенство, управление, производство продовольствия и многое другое.

ООН предоставляет площадку, где представители каждой страны могут выразить свои взгляды в Генеральной Ассамблее, Совете Безопасности, Экономическом и Социальном Совете и других органах и комитетах. Оказывая содействие в налаживании диалога между государствами-членами и в проведении переговоров, она становится механизмом, при помощи которого правительства разных стран находят точки соприкосновения и сообща решают проблемы.

В целях международного мира и безопасности принимаются эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений спокойствия мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права; происходит улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира; развиваются дружественные отношения между нациями на основе уважения принципов равноправия и самоопределения народов, а также принимаются другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира [19, с. 118].

Россия и Китай в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН много делают в рамках этой организации для того, чтобы укрепить международный мир и безопасность. Заместитель генерального секретаря ООН по экономическим и социальным делам Шан Цзукан заявил: «Я уверен, что почти каждый в ООН может ощутить рост влияния Китая» [3]. Две страны пытаются найти общеприемлемые компромиссы на ключевых реформенных направлениях, включая Совет Безопасности ООН, постоянными членами которого они являются, и Устав ООН. По мнению А. Денисова, посла РФ в КНР, взаимодействие между двумя странами по самому широкому кругу международных вопросов оказывает благотворное воздействие на атмосферу и во всем мире, и в АТР [7].

1) Китай и Россия приняли совместное участие в реформе Совета Безопасности ООН.

Как великие державы, чтобы подтвердить этот статус, и Пекин, и Москва будут в максимально возможных пределах расширять круг своих интересов, ответственности, участвуя в выработке главных направлений реформы ООН, особенно в реформировании Совета Безопасности и пересмотре Устава организации. При реформировании Совета Безопасности ООН необходимо в первую очередь увеличить представительство развивающихся стран, в особенности африканских. «Внешняя политика Китая» пишет, что КНР выступает за подготовку содержательной программы реформ путем проведения демократических переговоров, благодаря которым проект подобных трансформаций получит всеобщую максимально широкую поддержку [2, с. 328].

Совет безопасности ООН является органом с минимальным числом членов и максимальными полномочиями несет первостепенную ответственность за охрану мира и стабильности на планете. Реформы Совета Безопасности являются важной составной частью реформ ООН и затрагивают пять кардинальных вопросов: расширение Совета безопасности, право вето, методы работы, географическое представительство и взаимодействие между Совбезом и другими органами ООН [10].

Вышеуказанные вопросы требуют разработки комплексного варианта решения, основанного на единстве мнений по широкому кругу вопросов, достигнутом странами-членами Объединенных наций. Действительно, в проблеме реформирования СБ ООН члены международного сообщества уже достигли единства мнений. Однако такие действия, как погоня за быстрыми успехами, предварительное объявление результатов или принудительное содействие разработке незрелых проектов будут идти наперекор первоначальному намерению проводить реформы, отрицательно скажутся на сплоченности членов ООН, причинят ущерб процессу реформ и не будут отвечать интересам ни одной из сторон. Полное понимание реформ СБ ООН способствует достижению цели реформирования – «повышению его демократичности, справедливости, прозрачности, эффективности и подотчетности».

В самом деле, расширение членского состава Совета безопасности является лишь одним из представленных вариантов. Если воспринимать проведение реформы Совета Безопасности как наилучшую возможность «приоритетного приобретения членства» для некоторых стран, то

это, несомненно, отдаст сам процесс реформирования от целей и ведущих принципов. Полное понимание реформ Совета Безопасности также содействует поддержанию интересов ООН в целом и сплоченности между государствами-членами в самом широком масштабе.

Учрежденная в 1993 г. рабочая группа по вопросам, связанным с реформами Совета Безопасности, до сих пор не смогла прийти к единству мнений ни по одному проекту или концепции как раз из-за серьезных разногласий между странами-членами ООН в вопросе конкретного варианта реформирования, иными словами, ни один проект или ни одна концепция не получают достаточной поддержки большинства. А те проекты реформ, что вызывают довольно большой спор, осложняют и без того уже сложный процесс реформирования Совета Безопасности.

История и опыт показывают, что стремление к быстрому успеху в сложных обстоятельствах не идет на пользу общему положению реформ Совета Безопасности. Процесс реформирования очень сложный, и чем он сложнее, тем больше становится необходимость для членов Совета вносить предложения, делиться опытом и активизировать консультации. Только с помощью широких консультаций, проводимых на демократической основе с учетом интересов всех сторон, можно найти комплексное решение этого вопроса и достичь высокой степени консенсуса.

Китайский ученый Фань Лии отмечает: что касается реформы Совета Безопасности ООН, то китайская сторона подчеркивает, что государства-члены ООН должны путем широких и демократических консультаций, с учетом интересов и озабоченностей всех сторон, стремиться найти «всеобъемлющий» вариант решения, добиться единства мнений в максимальной степени. Китай готов поддерживать контакты со всеми сторонами, прилагать с ними общие усилия, продвигать процесс развития реформы Совета Безопасности в направлении, которое благоприятствовало бы сохранению общих интересов ООН и сплоченности государств – ее членов [16, с. 148].

Китайский ученый Ли Дуян пишет, что реформа Совета Безопасности касается будущей роли ООН и общих интересов входящих в нее стран, поэтому этот вопрос должен решаться всеми странами-членами Совета Безопасности путем демократического согласования. Он вновь подтвердил готовность китайской стороны продолжать оказывать поддержку реформе СБ ООН [8, с. 14].

Российский исследователь В.М. Сергеев отмечает: чтобы обязательно решить «недопредставленности» в ООН, надо реформировать Совет Безопасности ООН [14].

Китайский ученый Хоу Лицзюань отмечает, что позиции Китая и России в вопросе о роли ООН и связанные с этим представления двух государств о реформе Организации определяют начальный, но, несомненно, важный и решающий этап в более грандиозном проекте, предполагающем дальнейшее структурирование международных отношений согласно ориентирам их развития [17, с. 114].

Таким образом, Китай и Россия поддерживают рациональные и необходимые реформы Совета Безопасности ООН, направленные на повышение его авторитета и эффективности работы, а также более строгое выполнение его обязательств по обеспечению мира и безопасности на планете. Реформы должны быть нацелены в первую очередь на увеличение представительства развивающихся стран, в особенности стран Африки, в СБ ООН, а также должны позволить большему количеству стран, включая средние и малые, получить шанс поочередно вступать в Совет Безопасности и участвовать в принятии решений.

2) Китай и Россия оказывают помощь друг другу в рамках ООН по международным проблемам.

Россия и Китай – постоянные члены Совета Безопасности ООН, и без их весомого и авторитетного голоса не может быть решена ни одна из насущных проблем современности.

Возникновение за последние годы на глобальном и региональном уровнях новых острых международных проблем, вызовов и угроз предопределили появление у России и Китая множества новых точек соприкосновения и сфер реального сотрудничества. Плодотворное двустороннее партнерство в международных делах базируется на сходстве национальных интересов России и Китая, совпадении подходов Москвы и Пекина к узловым глобальным проблемам – будущему мироустройству, стратегической стабильности, главенствующей роли ООН и т.д.

В условиях попыток использовать процессы глобализации для получения односторонних экономических и геополитических преимуществ особое значение приобретает отстаивание Россией и Китаем принципов многосторонности в международных делах, уважения суверенитета государств, права народов на самостоятельный выбор пути развития.

Две страны обладают и таким ценным в современном мире качеством, как взаимная цивилизационная и политико-идеологическая толерантность.

В вопросах, затрагивающих ключевые интересы, обе стороны оказывают друг другу решительную поддержку.

Китайская сторона оказывает поддержку России в борьбе против терроризма и сепаратизма, а Россия оказывает свою решительную поддержку КНР в вопросах, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном.

Стороны также приложили совместные усилия в содействии политическому разрешению сирийского кризиса, в борьбе с Эболой и таким образом внесли важный вклад в обеспечение мира и спокойствия на планете.

Ярким примером является эффективное взаимодействие двух стран в поиске путей мирного урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Обе страны выступают за продолжение шестисторонних переговоров, конечной целью которых является обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, сопровождаемое предоставлением гарантий безопасности и созданием условий для успешного социально-экономического развития всех государств региона.

С идентичных позиций Москва и Пекин рассматривают проблемы Афганистана. Эта страна должна стать суверенной, демократической и процветающей, свободной от терроризма и наркотиков, живущей в мире и согласии со своими соседями и всем международным сообществом.

Как и многие другие государства мира, Россия и Китай озабочены продолжающейся эскалацией насилия в Ираке и подчеркивают важность скорейшей стабилизации обстановки через развитие внутрииракского диалога, сориентированного на достижение общенационального консенсуса по основным параметрам будущего устройства этой страны. По мнению Москвы и Пекина, дополнительную динамику усилиям по посткризисному восстановлению Ирака могло бы придать проведение представительной международной конференции.

Директор Китайского института по изучению международных проблем Цюй Син пишет, что Китай и Россия, будучи постоянными членами СБ ООН, занимают одинаковые позиции, достигнув глубокого взаимопонимания по ряду международных вопросов [20].

Например, в отношении сирийской проблемы и Китай, и Россия не считают подходящим навязывание своей воли посредством нанесения военных ударов, поэтому они применили свое право вето при голосовании в Совете Безопасности ООН.

Что касается иранской ядерной проблемы, обе страны выступают за ее решение путем переговоров и консультаций, считая, что санкции не являются основополагающим методом.

По поводу ситуации на Корейском полуострове Китай и Россия, выступающие против того, чтобы северокорейская сторона обладала ядерным оружием, единодушно проголосовали в Совете Безопасности ООН за введение санкций против КНДР. Тем не менее они выступают за разрешение этой проблемы путем возобновления шестисторонних переговоров.

Китай и Россия призывают все страны строго соблюдать Устав ООН и искать эффективные способы защиты мира и безопасности в новой международной обстановке.

В реальности во всем этом отражается новая концепция безопасности, которая сводится к тому, чтобы обеспечить безопасность путем взаимодействия и координации позиций [4].

3) Сотрудничество России и КНР в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Региональной организацией, формирующейся на основе китайско-российского стратегического сотрудничества, является международная Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана [15].

Россия обратила внимание на формирование ШОС при международной ситуации после окончания холодной войны. В «Совместном заявлении глав КНР и РФ о встрече в Москве», подписанном китайскими и российскими руководителями государств в июне 2009 г., содержится раздел о двустороннем сотрудничестве в Центральной Азии и ШОС, что говорит о глубоком влиянии этой организации на китайско-российские отношения в Центральной Азии.

ШОС поддерживает международное сотрудничество между Китаем и Россией, продвигает многополярную модель мира, новые политические концепции безопасности, улучшает стратегическое положение стран, а также положила историческое начало китайско-российским отношениям в Центральной Азии. Это вклад двух стран для защиты регионального и международного мира. [21, с. 38].

В качестве приоритетных направлений сотрудничества выбраны укрепление взаимного доверия, поддержание безопасности, содействие развитию, улучшение жизни населения и активизация обменов. Общей целью организации является создание гармоничного региона,

обеспечение продолжительного мира, стимулирование совместного развития, передача традиций дружбы из поколения в поколение.

Начинают постепенно формироваться многоуровневые встречи в различных областях: премьер-министров на ежегодных саммитах, государственных ведомств по иностранным делам, обороне, торговле, транспорту, безопасности, образованию, культуре, правоохранительных органов, в том числе обмен визитами неправительственных организаций и учреждений. Сотрудничество в области безопасности имеет наибольшее количество достижений: заключены важнейшие международные договоры, проводятся совместные военные учения, координируются действия по противодействию международному терроризму. Все государства – члены ШОС подвергаются или подвергались атакам международных террористов. В связи с выводом международных сил из Афганистана эта угроза может усилиться. Отдельные важные темы в этом блоке вопросов – борьба с наркотрафиком, информационная безопасность, проблемы нелегальной миграции.

Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян во время участия на 12-й встрече глав правительств стран – членов ШОС в Ташкенте (Узбекистан) с премьер-министром России Д.А. Медведевым отметил, что ШОС – важная платформа для проведения китайско-российского стратегического сотрудничества, в рамках которой стороны должны сохранять тесные контакты, а также содействовать развитию ШОС в целях достижения новых успехов в сферах обеспечения безопасности и проведения практического сотрудничества. Следует совместно защищать мир, стабильность и развитие в регионе и во всем мире.

Д.А. Медведев заявил, что Российская сторона намерена углубить сотрудничество в области безопасности, а также укрепить взаимодействие в рамках ШОС, чтобы содействовать стабильности и процветанию в Центральной Азии [9].

Китайский специалист Ван Тао пишет, что ШОС в совместной деятельности, через ряд деклараций, заявлений, соглашений, конвенций, договоров, образовал большой консенсус и понимание. Эта организация образует согласованные механизмы политических норм, которые становятся важным принципом отношений между государствами-членами. Эти принципы, применимые также для китайско-российских отношений, материальных или нематериальных, институциональных и неинституциональных, играют регулирующую роль для двусторонних отношений. Надо сказать, что ШОС внесла дополнительный вклад в китайско-российские отношения, для соблюдения возможности обеим странам играть активную роль [1, с. 46].

ШОС для китайско-российских отношений способна обеспечить «буфер», имеющий двойную роль: обеспечивать механизм для упорядоченного разрешения проблем и функцию координации противоречий. В некотором смысле, ШОС – общий механизм для координации и компромисса, может получить выражение идей и интересов всех сторон и адаптировать друг к другу. Российская «Независимая газета» прокомментировала: «Совпадение интересов Китая и России в том, что регион должен самостоятельно обеспечивать свою стабильность, и безопасность без вмешательства внешних сил создает хорошие предпосылки для взаимодействия в этой стратегической области» [6]. В соответствии с прогнозами, ШОС позволит влиять на окружающее пространство Центральной Азии, а Евразийское экономическое сообщество и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, или «Ташкентский пакт») [12] этого не может.

Для Китая и России ШОС является важным местом институционального влияния.

Институционально в ШОС Россия и Китай имеют равное право голоса в экономических расчетах. Мнения и предложения России высоко ценятся.

Однако существуют различия Китая и России в вопросах сотрудничества (являющиеся нормальным явлением) по следующим причинам. У стран неодинаковые исторические связи с Центральной Азией, но главное то, что обе политические позиции в Центральной Азии также отличаются. Центральная Азия, раньше являвшаяся частью Советского Союза, – это особая область для России, их отношения связаны историческим и политическим комплексом, к которому не относились чужие страны, он был назван «Комплексом Империи». В связи с этим комплексом другие крупные страны при действии в Центральной Азии, наталкиваются на инстинктивное сопротивление России, запретные зоны. Так как исторический комплекс – просто проблема менталитета, это вопрос политики, политического позиционирования.

Решение проблем безопасности напрямую связано с вопросом дальнейшего расширения ШОС. По мнению политолога Ю. Тавровского, «если действительно дело дойдет до расширения ШОС и включения в ее ряды таких стран, как Пакистан, Индия, Афганистан, Иран, то это будет организация, близкая по значимости Евросоюзу» [5, с. 19].

Китайско-советское военное сотрудничество в 50-х гг. прошлого века было именно таким, ничем не отличающимся от нынешнего НАТО. Поскольку государственная мощь КНР постоянно растет, внутри России беспокоятся, что при углублении двусторонних отношений возрастет

влияние Китая, неприсоединение КНР и РФ к блокам будет способствовать стабильному развитию двусторонних отношений. Однако ежегодно в рамках ШОС Китай и Россия периодически проводят наземные антитеррористические военные учения, а с 2012 г. – еще и совместные маневры на море.

Россия заинтересована, прежде всего, в военно-политическом взаимодействии в рамках ШОС, в борьбе с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом. С 2003 г. функционирует Региональная антитеррористическая структура (РАТС).

В 2012 г. КНР и РФ впервые провели учения под кодом «Морское взаимодействие-2012», которые стали первыми совместными маневрами в море вне ШОС. Актуальность военно-политического сотрудничества в ШОС возрастает на фоне событий в Афганистане, который в 2014 г. покинула большая часть натовских войск. В 2014 г. на территории Китая прошли самые масштабные антитеррористические учения Вооруженных сил ШОС. Всего в них приняли участие свыше 7 тыс. военнослужащих и почти 500 единиц военной техники, включая самолеты, вертолеты, танки, боевые машины и др. По мнению эксперта по международным проблемам, руководителя китайского блог-портала Ма Сяолинь, данные китайско-российские учения отличаются тем, что впервые изменился код маневров. Предстоящие учения перекликаются с «отношениями всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства», которые установлены между КНР и РФ, особенные двусторонние связи вновь подтвердились и углубились в военной области. Стороны путем совместных учений повысят способности противодействия новым вызовам и угрозам на море, а также координационные способности, будут продвигать защиту мира и стабильности в АТР и на планете.

Стратегические консультации и военное сотрудничество Китая и России не нацелены на какую-то горячую точку в каком-то регионе. Скорее всего, их сотрудничество отражает целостную тенденцию Китая и России по усилению и развитию сотрудничества в региональных и международных делах. Цзян И отметил, что пафос российской стороны, проявленный в данном совместном учении, связан со стратегией России в АТР. Стороны увеличивают количество совместных учений, более того, углубляется степень согласованности действий, не следует пренебрегать этой тенденцией. Политика неприсоединения к блокам Китая и России по-прежнему обладает практическим и гибким воздействием в антитерроризме и геополитической безопасности. Некоторые западные ученые анализируют интересы Китая и России в рамках ШОС с идеологической точки зрения. Они полагают, что «политические режимы государств-членов ШОС обладают схожими чертами, такими как, например, высокая централизация власти. Государства-члены ШОС преследуют цель по обеспечению стабильности своих политических режимов при помощи ШОС» [19].

Для Китая Шанхайская организация сотрудничества является самым важным и даже единственным многосторонним механизмом в Центральной Азии. Ни один другой механизм не может заменить его важность для Китая. Китайская сторона добросовестно исполняет обязанности председательствующей в ШОС страны, активно реализовывая договоренности, достигнутые главами государств-членов, стремительно развивая сотрудничество ШОС в сферах политики, безопасности, экономики, а также в гуманитарной и дипломатической сферах, благодаря чему организация успешно развивается, совершенствуется ее механизм, постоянно повышается международный авторитет.

Для России это не так, поскольку помимо ШОС есть Евразийское экономическое сообщество и Организация Договора о коллективной безопасности. Два механизма являются доминирующими и основными для России, работающими в Центральной Азии. Шанхайская организация сотрудничества и они не обязательно противоречат друг другу и претендуют на эксклюзивность, на самом деле, они являются партнерами. Тем не менее Россия не хочет идти по пути объединения границ их пространства с сотрудничеством ШОС.

Итак, Китай и Россия, как постоянные члены Совбеза ООН, несут особую ответственность за мир и безопасность во всем мире и пытаются найти общеприемлемые компромиссы по основным реформенным направлениям в ООН: расширение Совета безопасности, право вето, методы работы, географическое представительство и взаимодействие между Совбезом и другими органами ООН.

Как важные члены ШОС, Китай и Россия представляют собой ведущие силы по содействию становлению многополярного мира и демократизации международных отношений, имея широкие общие интересы в продвижении реформ глобальной финансовой системы для увеличения представительности быстроразвивающихся стран. Китайская сторона оказывает поддержку России в борьбе против терроризма и сепаратизма, а Россия оказывает свою поддержку КНР в вопросах, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном. Стороны прилагают совместные усилия в содействии политическому разрешению кризисов в таких странах, как Сирия, Афганистан, Ирак, в борьбе с Эболой,

В то же время Россия и Китай подвергаются критике со стороны западных ученых за высокую централизацию власти и обеспечение стабильности своих политических режимов при помощи ШОС.

Также необходимо отметить, что организация ШОС для Китая является наиболее важным многосторонним механизмом в Центральной Азии. Для России это не так, поскольку помимо ШОС Россия имеет Евразийское экономическое сообщество и Организацию Договора о коллективной безопасности.

Однако Китай и Россия, как две влиятельные мировые державы и постоянные члены Совета Безопасности ООН, и дальше намерены поддерживать общение и согласованность в таких острых мировых и региональных проблемах, чтобы играть важную стабилизирующую роль в установлении мира и безопасности в регионе и даже во всем мире. Пекин и Москва нуждаются в дальнейшем углублении стратегического взаимодействия по международным делам, что не только отвечает исконным интересам двух стран, но и соответствует задаче создания нового справедливого и рационального миропорядка.

INTERNATIONAL RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FRAMEWORK OF THE UNITED NATIONS (UN) AND THE REGIONAL SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)

After the 'cold war' the world policy and economic architectonics have changed. Countries with emerging markets extend their influence. Especially, after the international financial crisis in 2008 a necessity of world order reformation becomes more and more apparent. Nevertheless, economically developed countries keep a firm hold on the old world order and insist that all the countries are bound to adhere to every democratic rule adopted by the Western countries. For this reason, even some resolutions of the UN Security Council are not selectively implemented.

Due to the powers granted by the UN by its Charter and its unique internationality, the organization is able to solve the problems that the humanity has faced in the XXI century, such as peace and security, climate change, sustainable development, human rights, disarmament, terrorism, humanitarian crises and emergencies, gender equality, management, food production and many others.

UN provides a space where representatives of each country can express their views at the **General Assembly, Security Council, Economic and Social Council** and other agencies and committees. By promoting a dialogue between member states and assisting at negotiations it becomes a machine that governments of different countries use to find common ground and solve problems in cooperation.

To ensure the world peace and security they take effective actions collectively preventing and eliminating a threat to peace and suppressing the acts of war or other disturbances of peace with peaceful means in accordance with the principles of justice and international law, settling international disputes and situations that can lead to peace breaking. Friendly relations between nations are developed based on respect to the principle of people equality and self-determination, and other proper measures are taken to strengthen the universal peace [19, p. 118].

Russia and China, as permanent members of the UN Security Council (UN SC), do a lot of work within this organization to strengthen the international peace and international security. As Sha Zukun, the UN Under-Secretary-General for Economic and Social Affairs, said, "I am sure that almost each member of the UN can feel the growing influence of China" [3]. The two countries try to find acceptable compromises for the key directions for reform, including the UN Security Council, of which they are permanent members, and UN Charter. As A. Denisov, the Russian Federation (RF) ambassador in the People's Republic of China (PRC), thinks, cooperation between the two countries in respect to the widest range of international concerns benefits the climate, both in Asia-Pacific region and in the whole world.

1) China and Russia participated jointly in the reform of the UN Security Council.

As the great powers, to affirm this status. both Beijing and Moscow will widen their range of interests and responsibility to maximum, participating in the development of the main directions of the UN reform, especially in reforming the Security Council and amending the organization's Charter. When reforming the UN Security Council, priority should be given to increasing the representation of developing countries, in particular African countries. *China's Foreign Policy* reports that the PRC is in favor of preparing the contents of the reform program by democratic negotiations that will allow for the project of such transformations to gain general widest support [2, c.328].

The UN Security Council is an agency with the least of members and the greatest powers; it bears major responsibility for peace protection and stability on the planet. Reforms of the Security Council are important part of reforms of the UN and they touch upon five crucial issues: enlarging the Security Council, the veto, working methods, regional representation and interaction between the Security Council and other UN agencies [10].

The above issues need a complex solution that would be based on unanimity of views on a wide range of problems reached by the UN member countries. Indeed, the members of international community have already reached unanimity of opinions in respect to reforming of the UN SC. However, such actions as rush toward quick fix, preliminary announcement of results or compulsive promotion of unprepared projects will conflict with the original intention to implement reforms, take adverse effect on solidarity of the UN members, harm the reform process and contradict the interests of each party. Thorough understanding of the UN SC reforms promotes the goal of reforming – “enhancing its democratism, justice, transparency, effectiveness, and accountability”.

Indeed, increasing the Security Council membership is but one of the options presented. If the reform is seen as the best opportunity for some countries to “obtain the membership in priority”, this will, undoubtedly, alienate the reform process from its goals and guiding principles. Thorough understanding of the Security Council reforms promotes the UN's interests in general and solidarity among the member states in the largest scale.

The reason why the Security Council reform working group established in 1993 hasn't still reached the unanimity of opinions on any project or conception in view of grave differences between the UN member countries when it comes to the reform details, in other words, none of the projects or conceptions receives sufficient support from the majority. And the reform projects that give rise to major disputes aggravate the already complicated Security Council reform process.

The history and experience demonstrate that aspiration for quick success in complex circumstances doesn't benefit the general progress of the Security Council reforms. The reforming is very complicated, and the more complicated it is, the more it is necessary for the Council members to make propositions, share their experience and intensify consultations. Only through extensive consultations carried out on the basis of democracy and accounting for the interests of each party we can find a complex solution of this issue and reach high degree of consensus.

Chinese scholar Fan Li points out that as to the reform of the UN Security Council, China emphasizes that by extensive and democratic consultations, accounting for the interests and concerns of each party, the UN member states should try to find the “comprehensive” solution, reach unanimity of opinions at maximum. China is ready to keep in touch with every party, make joint efforts with them, promote the Security Council reform process into the direction that would contribute to maintaining the common interests of the UN and solidarity of the member states [16, p. 148].

Chinese scholar Li Duniang writes that the reform of the Security Council deals with the role of the UN in the future and the common interests of its member countries, which is why this problem should be solved by all the Security Council member countries through democratic negotiations. He reaffirmed the readiness of China to keep supporting the UN SC reform [8, c.14].

Russian researcher V. M. Sergeev notices that to necessarily remove the “under-representations” at the UN, the UN Security Council should be reformed [14].

Chinese Scholar Hou Lijuan points out that the stands of China and Russia on the role of the UN and the two states' ideas for the organization reform connected with that determine the initial, but, undoubtedly, important and crucial step in a greater project presuming further structuring of international relations in accordance with the guidelines of their development [17, c.114].

Consequently, China and Russia support rational and necessary reforms of the UN Security Council, aimed at increasing its authority and effectiveness of work, as well as more exact implementation of its responsibilities to ensure peace and security on the planet. The reforms should be aimed, in priority, at increasing the UN SC representation of developing countries, in particular African countries, as well as allow more countries, including medium and small ones, to have a chance to enter the Security Council in turns and participate in decision-making.

2) China and Russia assist each other within the UN in international problems.

Russia and China are permanent members of the UN Security Council, and without their influential and authoritative say no important issue of modernity can be solved.

New burning international issues, challenges and threats emerged in recent years on global and regional levels have predetermined the occurrence of many new areas of common ground and spheres of practical cooperation. Profitable bilateral partnership in international affairs is based on similarity of the national interests of Russia and China, concurrence of the Moscow's and Beijing's approaches to the central global issues: future world order, strategic stability, dominating position of the UN, etc.

In the context of attempts of using globalization processes to gain unilateral economical and geopolitical advantages, Russia and China's assertion of multilateralism in international affairs, respect to state sovereignty, right of the peoples to choose the path of development independently assume special significance.

The two countries also have such a quality, valuable in the modern world, as mutual civilizational, political and ideological tolerance.

Both parties absolutely support each other in the issues addressing their key interests.

The Chinese counterpart supports Russia in combating terrorism and separatism, and Russia renders its strong support to the PRC in issues connected with Taiwan, Tibet and Xinjiang.

By making joint efforts to promote political settlement of the Syria crisis, combat Ebola the parties made an important contribution into the securing of peace and balance in the world.

A perfect example is effective collaboration of the two countries in a search for the ways of peaceful settlement of the situation on the Korean peninsula. Both countries vote for continuation of six-party negotiations, the final objective of which is status of denuclearization of the Korean peninsula accompanied by providing safeguards and creating conditions for successful social and economic development of all the states in the region.

Moscow and Beijing esteem the problems of Afghanistan from the same viewpoints. This country should become independent, democratic and prosperous, free from terrorism and narcotics, living in peace and harmony with its neighbors and all the international community.

As many other world's nations, Russia and China are concerned with continuing violence escalation in Iraq and stress the importance of speedy stabilization of the situation through the development of an intra-Iraq dialogue oriented at building a national consensus on the main parameters of this country's future constitution. In Moscow and Beijing's opinion, additional dynamics to the Iraq post-crisis recovery efforts can be given by a representational international conference.

The director of China International Issues Research Institute Qu Xing writes that, as permanent members of the UN SC, China and Russia have adopted identical positions having reached profound understanding in a number of international issues [20].

For example, in respect to the Syrian conflict both China and Russia do not find it suitable to impose their will with military strikes, and this is why they exercised their veto at the UN SC voting.

As for Iran nuclear issue, both countries are in favor of its solving by negotiations and consultations considering sanctions not a pivotal method.

Regarding the situation on the Korean peninsula, China and Russia arguing against North Korea to have the nuclear weapon unanimously voted at the UN Security Council for sanctions against the Democratic People's Republic of Korea (DPRK). Nevertheless, they are in favor of this problem to be solved by resuming six-party negotiations.

China and Russia urge all countries to observe the UN Charter strictly and to search effective methods of world protection and security in the new political situation.

In reality, in this situation the new security conception is reflected and this conception amounts to securing by means of cooperation and coordination of the positions [4].

3) Cooperation of Russia and the PRC in the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

The international Shanghai Cooperation Organization (SCO), founded in 2001 by the leaders of China, Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, is a regional organization, which is forming on the basis of Chinese-Russian strategic cooperation [15].

Russia made a point of the SCO forming in the international situation after the end of the cold war. "The joint statement of the PRC and RF leaders on the Moscow meeting" signed by the China's and Russia's leaders in June, 2009, contains a part about bilateral cooperation in Central Asia and the SCO, and it indicates a profound influence of this organization on the Chinese-Russian relations in Central Asia.

The SCO supports international cooperation between China and Russia, promotes a multipolar world model, new political bases of security, improves the strategic conditions of countries and it laid the historical foundation of the Chinese-Russian relations in Central Asia. It is an input of the two countries to the regional and international peace. [21, p. 38].

Strengthening of mutual trust, maintenance of security, development assistance, people's lives improvement and promotion of exchanges were chosen as focus areas of the cooperation. Creation of the harmonious region, guarantee of lasting peace, stimulation of cooperative development, transfer of friendship traditions from generation to generation are the common goals of organization.

Multilevel meetings in different areas begin to form gradually: meetings of prime-ministers during annual summit meetings, state departments of foreign affairs, defense, trading, transport, security, law enforcement authorities, education, culture, including exchanges of nongovernmental organizations and institutions. There are most achievements in cooperation in security area: important international treaties are made, joint war games are held, actions against international terrorism are coordinated. All SCO member states have met and keep meeting attacks of international terrorists. Due to withdrawal of international forces out of Afghanistan this danger can increase. There are several important themes in this block of issues: combating drug traffic, information security, problems connected with illegal migration.

Premier of the State Council of the PRC Li Keqiang during the 12th meeting of the SCO member states' political executives in Tashkent (Uzbekistan) with the prime-minister of Russia D. A. Medvedev mentioned that the SCO is an important platform for Chinese-Russian strategic cooperation and the parties should keep close contacts within this organization and encourage development of the SCO to

achieve new success in the area of security provision and practical cooperation. It is necessary to protect peace, stability and development in the region and all over the world collectively.

D. A. Medvedev declared that the Russian counterpart intended to deepen cooperation in security area and to strengthen cooperation within the SCO to support stability and prosperity in Central Asia [9].

Chinese expert Wang Tao writes that by joining forces, through variety of declarations, announces, agreements, conventions, contracts the SCO has obtained broad consensus and gained understanding. This organization forms concerted mechanisms of political regulations which become important principle of relationships between the member states. These principles, which can be applied also for Chinese-Russian relations, financial or nonfinancial, institutional and non-institutional ones, have regulative role for the bilateral relationship. It is necessary to say that the SCO has made an additional contribution into the Chinese-Russian relations, to maintain the opportunity for both parties to play an active role [1, p.46].

The SCO is able to guarantee a "buffer" playing a double role for Chinese-Russian relations: to produce a mechanism for peaceful resolution of problems and a function of contradictions coordination. In a certain sense, the SCO is a common mechanism for coordination and compromise; it can get formulation of ideas and interests of all the parties and adapt them to each other. Russian *Nezavisimaya Gazeta* made a comment: "China and Russia interests coincide in the fact that the region should independently ensure its stability and security without interference of external forces, and it creates opportunities for cooperation in this strategic area" [6]. According to some forecasts, the SOC will enable to influence on the environment of Central Asia, while Eurasian Economic Community and Collective Security Treaty Organization (CSTO or "Tashkent Treaty") [12] will not.

The SCO is an important place of institutional influence for China and Russia.

Institutionally, in the SCO Russia and China have equal say in economic calculations. Opinions and proposals of Russia are highly valued.

However, there are differences between China and Russia related to their cooperation. And it is a normal occurrence due to the following reasons. The countries have different historical ties with Central Asia, but above all both political positions in Central Asia are also different. Central Asia, which was formerly a part of the Soviet Union, is a special region for Russia, their relations are associated with historical and political complex which was named the "Complex of Imperia" and other countries were not parts of it. Due to this complex other large countries acting in Central Asia run into instinctive opposition of Russia, prohibited areas. Historical complex is just a set of mind problem; it is a question of politics and political positioning.

Solving of security problems is directly connected to the issue of the SCO's further extension. Political expert Yu. Tavrovsky thinks: "If it comes to the point that the SCO will extend and such countries as Pakistan, India, Afghanistan, Iran will become its members, this organization will be similar in its importance to the European Union" [5, p. 19].

Chinese-Soviet military cooperation during the 50s of the past century was precisely that, and nowadays NATO is the same. As national power of the PRC rises permanently, Russia is anxious that, in case of deepening the bilateral relations, China's influence will raise, nonalignment policy of the PRC and RF will promote the stable development of the bilateral relations. However, Russia and China hold a ground antiterrorist war games annually within the SCO, since 2012 they hold combined maneuvers at sea.

Russia is interested first of all in military and political cooperation within the SCO, combating extremism, separatism and terrorism. Since 2003 the Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) functions.

In 2012 the PRC and RF held an exercise coded as "Sea cooperation-2012" which was the first combined maneuvers at sea out of the SCO. The importance of military and political cooperation in the SCO increases against the background of events in Afghanistan, which was left by the most of NATO forces in 2014. In 2014 the most extensive anti-terrorist exercise of the SCO forces was held in the territory of China. More than 7000 of military men and almost 500 units of military equipment, including planes, helicopters, tanks, military vehicles and so on took part in this exercise. In an opinion of an international problems expert, head of Chinese blog portal Ma Xiaolin, this Chinese-Russian war games are notable for the first changing of the maneuver code. Coming games coincide with "cooperation of comprehensive strategic communication and partnership" that is established between the PRC and RF, special intercommunications were proved and deepened in military area again. By combined war games the parties will increase capability of actions against new challenges and threats at sea, coordination skills, will promote defense of peace and stability in Asia-Pacific and all over the world.

Strategic consultations and military cooperation of China and Russia are not aimed at any trouble spot in any region. More likely, their cooperation reflects the comprehensive tendency of China and Russia connected with strengthening and development of cooperation in regional and international affairs. Jiang Yi noticed that the pathos of the Russian counterpart manifested in this combined war

game is related to the Russian strategy in APR. The parties increase the quantity of combined war games, moreover, the degree of their concurrence is deepened and this tendency should not be neglected. The nonalignment policy of China and Russia still has practical and flexible effect in anti-terrorism and geopolitical security. Some northern scientists analyze interests of China and Russia within the SCO from the ideological standpoint. They consider that "political regimes of the SCO members have analogous traits, such as, for example, greater concentration of power. The SCO members have an aim to guarantee stability of their political regimes with the help of the SCO" [19].

The Shanghai Cooperation Organization is the most important and even the only multilateral mechanism for China in Central Asia. No other mechanism can replace it for China. The Chinese counterpart carefully discharges the functions of the presiding state in the SCO, actively realizing agreements reached by the heads of the SCO members, actively developing cooperation of the SCO in politics, security, economy, humanitarian and diplomatic areas, and due to these actions the organization is successfully developing, its mechanism is improving and international authority is increasing.

It is not so important for Russia, as far as there are Eurasian Economic Community and Collective Security Treaty Organization besides the SCO. The two mechanisms acting in Central Asia are dominant and main for Russia. The SCO and they do not necessarily contradict one another and don't claim to be exclusive, in reality they are partners. Nevertheless, Russia doesn't want to wend the way of boarders uniting with the SCO cooperation.

So, China and Russia, as permanent members of the United Nations Security Council, bear special responsibility for peace and security all over the world and try to find acceptable compromises related to the main reform directions in the UN: extension of the Security Council, the veto, working methods, geographical representation and communication between the Security Council and other United Nation agencies.

As important SCO members, China and Russia are leading forces in supporting of polycentric world formation and democratization of international relations, having broad common interests in promoting of global financial system reforms to increase representatively of rapidly developing economies. Chinese counterpart supports Russia in combating terrorism and separatism, and Russia supports the PRC in issues related to Taiwan, Tibet and Xinjiang. The parties cooperate in supporting of political crisis resolution in such countries as Syria, Afghanistan, Iraq, in combating Ebola.

At the same time Russia and China come under criticism of west scientists for greater concentration of power and providing of their political regimes stability with help of the SCO.

It is also necessary to say that for China the SCO is the most important multilateral mechanism in Central Asia. It is not so important for Russia, as far as there are Eurasian Economic Community and Collective Security Treaty Organization besides the SCO.

However China and Russia as two world powers and permanent members of the United Nations Security Council intent to communicate and support concurrence in such grave world and regional problems to play important stabilizing role in peace and security making in the region and all over the world. Beijing and Moscow need the further deepening of strategic cooperation in international affairs, and it not only meets the interests of the two countries, but corresponds to the aim of the creation of a new fair and rational world order.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ван Тао. Китайско-российские отношения на фоне сотрудничества в северо-восточной Азии // Научный журнал Хецэ. – 2014. – № 6. – С. 46-47.
2. Внешняя политика Китая. – Пекин: Знания мира, 2008. – С. 328.
3. Встреча члена Госсовета КНР Дай Бинго с генсеком ООН [Электронный ресурс] <http://russian.people.com.cn/31520/6562224.html> 26.12.2008.
4. Для китайско-российских отношений характерны высокий уровень, стратегическая значимость и успешность взаимодействия [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0519/c31521-8729356.html>
5. Куреев А.А. Политика КНР в рамках ШОС и группы БРИКС // Современный Китай в системе международных отношений. – М.: КРАСАНД, 2012. – С. 19.
6. Князев А. Саммит ШОС не обещает особых сюрпризов [Электронный ресурс] // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2015-06-29/11_shos.html [дата обращения: 29.06.2015].
7. Комментарий: Китай и Россия – важные силы в обеспечении мира и стабильности во всем мире [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0509/c95181-8889654.html>
8. Ли Дуянь. Реформа ООН: положение, вызовы и перспективы // Современный мир. – 2015. – № 10. – С. 14.
9. Ли Кэцян на встрече с Д. Медведевым призвал приложить совместные усилия к развитию китайско-российских отношений и развитию ШОС. 2013/11/30 [Электронный ресурс] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zegx/t1109850.htm>
10. Ли Юйбо. После XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая: понимание и практики внешней политики Китая // Научный журнал «Наблюдение и мысль». – 2014. – № 2.
11. Лю Ин. Анализ Российско-китайского Стратегического интереса в ШОС // Диплом университета Нань чан. 27.05.2013. – С. 24-25.

12. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/spravka/20120515/648945336.html>
13. Семкина Е.В. Проблемы и перспективы российско-китайского сотрудничества в ШОС // Актуальные проблемы современных международных отношений. – С. 119-121.
14. Сергеев В.М. О реформе Совета Безопасности ООН // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – Вып. 1 (13). – 2006. – М.: МГИМО (У) МИД России.
15. Суздальцев А. После вступления Индии и Пакистана в ШОС в Азии сформируется новая структура безопасности. Политком.ru (10.07.2015) [Электронный ресурс].
16. Фань Ли. Реформы ООН в международном миропорядке // Закон и общество. – 2011. – № 21. – С. 148.
17. Хоу Лицзюань. Сотрудничество России и Китая в рамках ООН. Вестн. моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 5. – С. 114.
18. Цзян И. Отношения между Китаем и Россией в новом веке // Издательство всемирного знания. – 2006. – С. 118.
19. Там же. – С. 113-114.
20. Цю Ся. Изменяющемуся миру нужен более совершенный и справедливый международный порядок -- китайские эксперты. // На сайте Жэньминь [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0305/c95181-8857447.html> [Дата обращения 05.03.2015].
21. Чжао Хуашэн. ШОС в китайско-российских отношениях // Мир и развитие. – 2010. – № 2. – С. 38-39.

REFERENCES

1. Wang Tao. China-Russian relationships against the background of cooperation in Northeast Asia. [Van Tao. Kitaysko-rossiyskie otnosheniya na fone sotrudnichestva v severo-vostochnoy Azii.]. Scientific journal Hetse.2014. №6. P.46-47. (in Chinese)
2. China's foreign policy. [Vneshnyaya politika Kitaya. Pekin. Izdatel'stvo «Znaniya mira», 2008. p. 328]. Beijing. Publisher "Knowledge of the world", 2008. p. 328. (in Chinese)
3. The meeting of the State Council member Dai Bingguo with UN Secretary General. [Vstrecha chlena Gossoveta KNR Day Bingo s gensekom OON]. Available at: <http://russian.people.com.cn/31520/6562224.html> 26.12.2008. (in Russ.)
4. The China-Russian relations are characterized by a high level, the strategic importance of cooperation and success. [Dlya kitaysko-rossiyskikh otnosheniy kharakterny vysokiy uroven', strategicheskaya znachimost' i uspehnost' vzaimodeystviya.]. Available at: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0519/c31521-8729356.html>. (in Russ.)
5. Kireev AA China's policy in the framework of the SCO and BRICS group. Modern China in the international system. [Politika KNR v ramkakh ShOS i gruppy BRIKS. Sovremennyy Kitay v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy]. M.: KRASAND, 2012. p. 19. (in Russ.)
6. Knyazev SCO summit does not promise any surprises. [Knyazev A. Sammit ShOS ne obeshchaet osobykh syurprizov. Nezavisimaya gazeta. Available at: http://www.ng.ru/dipkurer/2015-06-29/11_shos.html [accessed: 29.06.2015] (in Russ.)
7. Commentary: China and Russia - important force in ensuring peace and stability around the world. Available at: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0509/c95181-8889654.html> [Kommentariy: Kitay i Rossiya -- vazhnye sily v obespechenii mira i stabil'nosti vo vsem mire]
8. Lee Dong Yang. Reform of the UN: situation, challenges and perspectives. [Li Dunyan. Reform OON: polozhenie, vyzovy i perspektivy.]. Modern mir. 2015. №10. p.14 (in Chinese)
9. Li Keqiang at the meeting with Dmitry Medvedev urged to make joint efforts to the development of China-Russian relations and the development of the SCO 2013/11/30. [Li Ketsyan na vstreche s D. Medvedevym prizval prilozhit' sovmestnyye usiliya k razvitiyu kitaysko-rossiyskikh otnosheniy i razvitiyu ShOS 2013/11/30]. Available at: <http://ru.china-embassy.org/rus/zegx/t1109850.htm> (in Russ.)
10. Lee Yuybo. After the XVI National Congress of the Communist Party of China's understanding and practice of China's foreign policy LLC. [Li Yuybo. Posle XVI Vsekitayskogo s'ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya ponimanie i praktiki vneshney politiki OON Kitaya. /Nauchnyy zhurnal «Nablyudeniye i mysl'». 2014. №2.]. Scientific journal "The observation and thought." 2014. №2. (in Chinese)
11. Liu Ying. Analysis of the Russian-Chinese strategic interest in the SCO. [Lyu In. Analiz Rossiysko-kitayskogo Strategicheskogo interesa v ShOS. Diplom universiteta Nan' chan .27.05.2013 .p. 24-25]. University Diploma Nan chang .27.05.2013 .p. 24-25 (in Chinese)
12. The Organization of the Collective Security Treaty (CSTO). [Organizatsiya Dogovora o kolektivnoy bezopasnosti (ODKB)]. Available at: <http://ria.ru/spravka/20120515/648945336.html> (in Russ.)
13. Semkina EV Problems and prospects for Russian-Chinese cooperation in the SCO. Actual problems of modern international relations. p.119-121 [Semkina E.V. Problemy i perspektivy rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva v ShOS. Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy. p.119-121] (in Russ.)
14. Sergeyev V.M. About the reform of the UN Security Council. Policy Briefs on the MGIMO International Research Scientific Coordinating Board (U) MFA Russia. Vol. 1 (13), 2006. - M.: MGIMO (University) MFA Russia. [Sergeev V.M. O reforme Soveta Bezopasnosti OON. Analiticheskie zapiski Nauchno-kordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii. Vyp. 1 (13), 2006. - M.: MGIMO (U) MID Rossii] (in Russ.)
15. Suzdal'tsev A. "After the entrance of India and Pakistan to the SCO the new security structure has formed in Asia." [Suzdal'tsev A. «Posle vstupleniya Indii i Pakistana v ShOS v Azii sformiruetsya novaya struktura bezopasnosti».] Politkom.ru (accessed: 10 July 2015. (in Russ.)
16. Fan Lee. UN Reforms in the international world order. [Fan' Lii. Reformy OON v mezhdunarodnom miroporyadke.]. Law and Society. - 2011. №21. P.148 (in Chinese)
17. Hou Li Juan. Cooperation between Russia and China within the framework of OUN. VESTN.MOSK. Univ.Alb. 12. Political science. 2010. No. 5. P.114 [Khou Litszyuan'. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v ramkakh OON. VESTN.MOSK. UNTA. SER. 12. Politicheskie nauki. 2010. NO. 5. p. 114] (in Russ.)

18. Jiang I. The relationship between China and Russia in the new century. [Tszyan I. Otnosheniya mezhdu Kitaem i Ros-siye v novom veke]. Publisher universal knowledge=Izdatel'stvo vsemirnogo znaniya. 2006. p.118] (in Chinef)
19. Jiang I. The relationship between China and Russia in the new century. [Tszyan I. Otnosheniya mezhdu Kitaem i Ros-siye v novom veke]. Izdatel'stvo vsemirnogo znaniya. 2006.p.113-114] (in Chinef)
20. Qiu Xia. Changes in the world are need a better and equitable international order - Chinese experts. Home People. [Tsyu Sya. Izmenyayushchemusya miru nuzhen bolee sovershennyy i spravedlivyy mezhdunarodnyy poryadok -- kitayskie eksperty. Na sayt Zhen'min']. Available at: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0305/c95181-8857447.html> [accessed: 05.03.2015] (in Russ.)
21. Zhao Huasheng. SCO in China-Russian relations. [Chzhao Khuashen. ShOS v Kitaysko-rossiyskikh otnosheniyakh]. World and razvitie.=Mir i razvitie. 2010. No.2. p. 38-39 (inChinef)

Информация об авторе

Цзоу Лихуэй, аспирантка, кафедра философии и социально-гуманитарного образования, Школа педагогики, Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск, Россия
Zouli2864@mail.ru

Лейченко Ольга Федоровна, кандидат политических наук, доцент кафедры Публичного права Владивостокского филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», г. Владивосток, Россия
9089746434@mail.ru

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Владивостокского филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», г. Владивосток, Россия
prof.pecheritsa@gmail.com

Получена: 04.03.2016

Для цитирования статьи: Цзоу Лихуэй, Лейченко О. Ф., ПЕЧЕРИЦА В. Ф.. Международное Российско-Китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 2. Часть 1. с.13-25.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-13-25.
[русс; англ]

Information about the author

Zou Lihui, Postgraduate Student, Department of philosophy and social and humanitarian education, School of pedagogical sciences, Far Eastern Federal University, Ussuriysk, Russia, Zouli2864@mail.ru

Leichenko Olga F., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg University of Humanities, Vladivostok Branch, Vladivostok, Russia

9089746434@mail.ru

Pecheritsa Vladimir F., Doctor of Historical Sciences, Professor, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Head, Department of History and Theory of State and Law, Saint-Petersburg University of Humanities, Vladivostok Branch, Vladivostok, Russia,

prof.pecheritsa@gmail.com

Received: 4th March 2016

For article citation: Zou L., Leichenko O.F., Pecheritsa V.F. International Russian-Chinese cooperation in the framework of the United Nations (UN) and the regional Shanghai Cooperation Organization (SCO). Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. no. 2. Vol. 1. p.13-25.
doi 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-13-25. [ru; en]

UDC 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-26-36

SHTURBA Evgeny V.,
Kuban State University, Scientific Journal "Historical and
Social-Educational Ideas",
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

MAKHALKINA Maria A.,
Krasnodar Mounting College,
Krasnodar, Russia
espero_tu_carta@mail.ru

ШТУРБА Евгений Викторович,
Кубанский государственный университет,
научный журнал «Историческая и социально-
образовательная мысль»
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

МАХАЛКИНА Мария Александровна,
Краснодарский монтажный техникум,
г. Краснодар, Россия
espero_tu_carta@mail.ru

TERRITORIAL ENCLAVES OF FORMER USSR IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

The article examines Russia's relations with the territories of post-Soviet, Pro-Russian oriented in its political, economic and socio-cultural areas of development. Analyzes the military capabilities of these enclave regions from the point of view of creating arcs of safety in Eastern Europe and the Caucasus with the aim of countering NATO expansion to the East. The issue of national security has consistently revealed during the study of external threats to Russia in the early 1990s, the consequences of the USSR collapse, and conceptual approaches to the formation of a new foreign policy course of Russia. Examines the military-political situation in Transnistria, Abkhazia, South Ossetia, and the breakaway territories of Ukraine from the position of loyalty to Russian politics. The participation of Russia in conflict resolution in the post-Soviet space is given to explain the position that the government took in terms of constitutional crisis, draws a parallel with public sentiment and support for the breakaway territories by broad segments of the population, including Russian Cossacks. The authors analyzes the concept of soft power from the point of view of impact on migration flows and ethnic diasporas, the conclusion is that the instrument has not been used and utilized to the full extent that did little possible Russia's influence on the political and humanitarian processes in the world and particular countries of post-Soviet space. The diplomatic efforts of Russia on normalization of relations in the self-proclaimed and partially recognized republics of the former USSR has shown that before the military intervention of Georgia in South Ossetia in 2008, Russia supported the international legal principle of territorial integrity of States.

Keywords: post-Soviet space, foreign policy, external threats, national security, national interests, Transnistria, South Ossetia, Abkhazia, Luhansk People's Republic, Donetsk People's Republic

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АНКЛАВЫ БЫВШЕГО СССР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются взаимоотношения России с территориями постсоветского пространства, пророссийски ориентированными в своем политическом, экономическом и социокультурном направлениях развития. Анализируется военный потенциал этих анклавных регионов с точки зрения создания дуги безопасности в Восточной Европе и на Кавказе с целью противостояния расширению НАТО на Восток. Проблема национальной безопасности последовательно раскрывается в ходе изучения внешних угроз России в начале 1990-х гг., последствий распада СССР, концептуальных подходов к формированию нового внешнеполитического курса России. Анализируется военно-политическая ситуация в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, а также самопровозглашенных территориях Украины с позиции лояльности к российской политике. Участие России в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве приводится с целью объяснения той позиции, которую власти заняли в условиях конституционного кризиса, проводится параллель с общественными настроениями и поддержкой самопровозглашенных территорий широкими слоями населения, в том числе российского казачества. В статье анализируется понятие мягкой силы с точки зрения воздействия на миграционные потоки и национальные диаспоры, делается вывод о том, что данный инструмент влияния не был использован и действовал в полном объеме, что сделало мало возможным влияние России на политические и гуманитарные процессы в мире и конкретных странах постсоветского пространства. Дипломатические усилия России по нормализации отношений в самопровозглашенных и частично признанных республиках бывшего СССР показали, что до военного вмешательства Грузии в Южной Осетии в 2008 г. Россия поддерживала международно-правовой принцип территориальной целостности государств.

Ключевые слова: постсоветское пространство, внешняя политика, внешние угрозы, национальная безопасность, национальные интересы, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, ДНР, ЛНР

TERRITORIAL ENCLAVES OF FORMER USSR IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

The collapse of the USSR in 1991 led to a number of important geopolitical consequences, which significantly influenced at the policies of Russia's national security. Especially important in this context was the issue acquired conceptual design of Russian foreign policy based on national interest, specifying concepts of its.

The aim of this article is to analyze the relations between Russia and the territorial enclaves in the former Soviet Union space in the context of national security.

National security problem is relevant and controversial today. The traditional understanding of the concept suggests protection from aggression by external enemies of the state.

National security is intended to provide the citizens for the normal conditions of the existence, to defend their lives, freedom and property against any attacks. Geopolitical dimension of national security involves the protection and preservation of the sovereignty and territorial integrity of nation.

Following to the ideas of security means a series of measures, among which are the strengthening of the role of the state in modern international relations; protection of national interests; preservation of military and political sovereignty; the designation of regions that are subject to the vital interests of the country.

Russia's national security system is determined by its geopolitical position and determines the role and place of the Russian state in the modern world.

In the analysis of the current international situation should take into account the totality of external domestic and cross-border threats that directly affect the national security of Russia.

The most significant external threats to Russia after the collapse of the Soviet Union included: demonstration of military forces near the borders of Russia, as well as exercises with provocative purposes; presence near the border of Russia hotbeds of armed conflict; discrimination and the suppression of the human rights, freedoms and legal interests of Russian citizens in foreign countries; instability and weakness of state institutions in the neighboring countries, etc.

Occupying a vast area, with outlets to the sea, as well as having a system of space, air and sea navigation, Russia held a rare potential for active and effective participation in international processes and the impact on the global political changes in general. At the same time the value of the territory, diverse and multi-faceted nature of the contact with other countries made it difficult to use the available funds for the development and retention of the space in the interests of national security. Therefore, an important aspect for the study began territorial units of the former USSR, which are currently not part of Russia, however, implement a sustainable policy of cooperation on the basis of historical, religious and socio-cultural community development.

From the end of the Cold War finished a confrontation between two ideological systems, and Russia became the legal successor of the Soviet Union, including in international relations. After it remains a permanent seat in the UN Security Council, as well as a number of other international organizations. Russia also retained the second largest after the US nuclear missile potential.

The negative consequences of the collapse of the superpower were the next: the loss of a large area, the collapse of the missile defense system, debt of the former USSR. Navy had lost bases in the Baltic States, Ukraine, and Georgia.

In this connection with the withdrawal of Soviet troops from the territories of the Baltic States and Germany broke up the military infrastructure, which includes military bases, airports, machinery, warehouses.

The formation of new national interests occurred in the conditions of an updated foreign policy doctrine and flirting with the West. There is an urgent need to rethink the role of Russia in the current geopolitical configuration. Debunking the ideas of communism led to the loss of the national idea, which could not affect the public consciousness of Russian people.

One of the key issues was the preservation of territorial integrity. An important aspect of ensuring security in the early 1990s. acquired factor of the state border: the lack of legislation designed borders led to a significant number of territorial disputes both in Russia and in the CIS countries. A resulted in a very serious armed conflicts, in which Russia could not remain indifferent to the power of historical responsibility for the peoples living there, in some cases unresolved borders within the CIS in terms of ethno-political tensions rise.

In the first stages of its existence, Russia has paid insufficient attention to the post-Soviet space, focusing on solving the internal problems in a constitutional crisis.

However, awareness of the need to form around Russia holistic social and economic, has led to the adjustment of foreign policy priorities of the military-strategic and transport space.

This goal is expected to be realized through close cooperation within the Commonwealth of Independent States (CIS) – integration association, which would contribute to “development and strengthening of friendship relations, good neighborhood, inter-ethnic harmony, trust, mutual understanding and mutually beneficial cooperation between the Member States” [1].

At the stage of development of a new foreign policy with regard to neighboring countries, until recently were in close cooperation with each other, it has not been paid attention to such an important component of methods of influence, as a soft power. The essence of this policy is to create an effective image of the country through a number of methods, among which include the political public relations, the possibility of using Russian language, which until recently has been the primary means of communication in all the Union republics, the prospects for the development of tourism, sports, education, culture space, etc.

With the help of impact on migration flows and ethnic diasporas, which are also an important component of the environment of soft power, it would be possible to achieve common goals and mu-

tual interest, trust, and on this basis to create the possibility of Russia's influence on the political and humanitarian processes in the world and specific countries of former Soviet Union.

However, soft power in the early 1990s. was not adopted by Russian politicians for a number of reasons, including unstable economic situation, the crisis between the legislative and executive authorities, social unrest. In addition, new political elite was not formed, which would be in a position for a short time to rebuild the political course of the state in line with de-ideologization and lack of great power ambitions.

Assessment of the political development of contemporary Russia has identified a factor of close cooperation with a number of post-Soviet regions with similar socio-cultural, religious, geopolitical characteristics. Particular attention was paid to a number of enclave territories in which the pro-Russian sentiments have developed since the Soviet collapse. The changing contours of world order and conditions of national security' new threats formation support for these regions has acquired strategic importance for Russia's foreign policy.

One of such territorial enclaves with high sympathies toward Russia is the Pridnestrovian Moldavian Republic.

A Brief History of the official opposition of Moldovan authorities and Pridnestrovians, which resulted in armed conflict, allow us to understand the causes of PMR orientation in the direction of Russia and to evaluate the importance of maintaining Russia's military presence in the region.

Once in Chisinau, August 27, 1991 was approved the Declaration of Independence of the Republic of Moldova. Supreme Council of Transnistria decided to transfer to its subordination of all state bodies of the Left Bank, and on December 1 of the same year in the Transnistria Region held presidential elections and a referendum on the independence of the Transnistria Region from Moldova.

One of the main causes of conflict confrontation of Moldova with Transnistria became the language factor and the infringement of the human rights of Russian-speaking population.

The armed stage of the Moldovan-Transnistrian conflict started in the spring of 1992. Official Russian authorities were in favor of the territorial integrity of Moldova and the solution to the problem by political means.

But with the rise of the constitutional crisis in the Russian Supreme Council of the Russian Federation expressed support for the people of Pridnestrovie in the issue of secession from Moldova, on the basis of the right to self-determination. On the side of the breakaway Republic's military made the 14th Field Army, by the command of General A. Lebed, stationed at that time in Transnistria.

Significant support of Pridnestrovians made Russian Cossacks, pointing to the Republic its volunteers. Since the beginning of the conflict in Transnistria, Kuban Cossacks, condemning the military action in the PMR, made an appeal to the Moldovan President M. Snegur. They urged the Republic's leadership to stop the armed conflict, saying the threat to call the Cossack forces to action "in providing assistance to the brothers in Transnistria" [2].

The official status of Cossack units in Transnistria was first given the order of K. Kobets, Executing Minister of Defense in 1991. The document stated that "Russian Cossacks – until legislative solution of this issue – is recognized as a real combat unit of the RSFSR State Committee for Defense Issues" [3].

Supporters of Transnistrian independence had already drawn the attention of the Russian authorities on important geo-strategic position of the region in terms of NATO expansion to the east and the reduction in Russia after the Soviet collapse. In particular, it was emphasized that if Moldova will continue its policy aimed at union with Romania, Transnistria will be able to exercise the right to self-determination and to develop their own state without regard to Moldova.

The result of the Moldovan-Transnistrian conflict was the signing of a series of diplomatic arrangements, the establishment of the Joint Control Commission, the emergence of the conflict zone, the combined peacekeeping forces, including Russian peacekeepers.

After decades, the status of Transnistria continues to be the subject of political discussion, with the participation of the EU and the US as observers. It remains unchanged loyalty and devotion to Russia of Transnistrian authorities.

Operational Group of Russian Forces (OGRF) (which replaced the 14th combined-arms army), numbering according to various estimates from 1000 to 1500, is locating in the PMR. As part of OGRF remain two separate motorized rifle battalion, security and service battalion, a helicopter detachment, several support units [4]. Their main task is to peacemaking in the region. Separately, Russian troops in Transnistria ensure the protection of the military warehouses in the area of Kolbasna village. There are more than 2,500 wagons of ammunition, more than 100 tanks T-64, about 150 armored combat vehicles, etc.

Thus, the Russian military promote peace in the Region, preventing the escalation of the armed conflict in Transnistria, as well as contribute to curb the expansion of NATO to the East.

Referring to the problems of Russian-Ukrainian relations in the period from 1991 to the present time, we should consider the consequences of the political crisis-2014, which led to a resurgence of separatism in the south-eastern regions of contemporary Ukraine. The structure of Ukrainian geographic south-east area to the 2014 entrance Autonomous Republic of Crimea, Sevastopol, Donetsk, Dnepropetrovsk, Zaporozh'ie, Luhansk, Mykolaiv, Odessa, Kharkov, and Kherson Regions. Areas characterized by development of the agricultural and industrial sectors of the economy, with the dominant Russian culture and language. Geographically, most of these areas, except for the Crimea, belong to the Novorossia.

In terms of economic factors the south-eastern regions of Ukraine have traditionally been more developed as the basis of their potential is the sector with significant export potential.

After the collapse of the Soviet Union in the new independent Ukraine has started a course on tough ukrainization. The actual ban on the use of the Russian language in the courts, ousting the Russian-speaking component of the film distribution and media, squeezing the Russian language from the sphere of higher education, and inappropriate in all respects translated Russian names into Ukrainian voter lists led to increased hostility Russian-speaking population of the state in Ukrainian authorities.

One of the priorities of official Kyiv in the early 1990s. was announced a strategy of accelerated Euro-Atlantic integration, which involved Ukraine's entry into NATO. This is directly contrary to the bilateral Russian-Ukrainian agreements enshrined in the Treaty of Friendship, Cooperation and Partnership of 1997.

According to this document, the parties agreed to build their relations on the positions of the strategic partnership and pledged to refuse to participate or support any action that could harm the security of other countries [5].

Tensions between Russia and Ukraine escalated as anti-Russian Ukraine's accession to GUAM bloc, orange coalition election victory in 2004, growths permanent "gas conflict".

The open support of Georgia by Ukraine in the August 2008 conflict has exacerbated the already tense dialogue. Ukraine has become a key supplier of arms and military equipment to Georgia. But the head of state V. Yushchenko spoke out against Russia's recognition of Abkhazia and the South Ossetia. This position of Ukraine meets US and European partners' sentiment at the time.

The aggravation of the political crisis in Ukraine in 2014 and the change of power system in the state caused a negative reaction from Russia. The legitimacy of the new government was set by the Russian side in doubt. One of the main reasons was the adoption of legislation aimed at restricting the rights of Russian-speaking population of Ukraine.

March 1, 2014, Russian President introduced to the Council of the Federation appeal, in which it was proposed to use the Russian Armed Forces on the territory of Ukraine. "...The resolution was adopted on the same day, and provided for the right of the President to use Russian troops on the territory of Ukraine "to the normalization of the social-political situation in the country" [6].

For a short time it was proclaimed the independence of the Republic of Crimea and Sevastopol, signed agreements on their entry into Russia.

In the spring of 2014 proclaimed the independence of Ukraine Luhansk People's Republic and Donetsk People's Republic. Referendums were held in the territories under their control, adopted Constitutions, according to which the republics proclaimed sovereign states and subjects of international law.

According to the logic of the situation in Transnistria, the breakaway territories of South-East of Ukraine can establish close relations with Russia in all aspects of cooperation. Nominally, there will form a single pro-Russian space from Kharkov and Luhansk to Transnistria and Gagauzia, focused on the merging of military, economic, social and cultural potentials with Russia.

From the first months of opposition DNR and LNR Ukrainian armed forces of a significant number of volunteers from among Russian citizens, as well as the Cossacks, went to the war zone to support the breakaway territories. So, for example, Ataman of unofficial Don Cossacks N. Kozitsin assumed command of the National Guard Cossack in Ukraine, announcing the mobilization of volunteer to protect civilians in the south-east of Ukraine.

Analyzing the situation in Ukraine, the last two years, it should be noted that the most important territorial gains for the Russian steel Crimea and Sevastopol with rich climatic resources and bases for the Navy. This strengthened the geopolitical position of Russia in Europe and the Black Sea Region.

The national security of Russia in the Caucasus towards the end of the past – the beginning of this century evolved given the close historical and cultural ties with the region. To date, Russia has every reason to maintain a special relationship with all the countries of the South Caucasus, including the new ones, "unrecognized" Republics of Abkhazia and the South Ossetia, have received official recognition in 2008.

In Russia at the end of the 1990s. developed justifiable concerns about the creation of the perimeter of its borders "sanitary" cordon of hostile and focused mainly on the US states, whose policy is

violated to the existing military-political balance and created would be significant challenges, including the military, from the point of view of the Russian security.

In the context of the emergence of new threats to Russia's national interests, new, targeted, including those formulated for the achievement of stability in the Caucasus Region. This is, first and foremost, to ensure the security of Russia's borders in connection with the changing situation in the neighboring countries; preventing the development of Chechen separatism, relying on the support of some of the South-Caucasian republics; prevention interventions in the region of neighboring countries and military-political blocs that aim to contribute to the settlement of armed conflicts and consolidate the situation in the South Caucasus.

With Russia in the early 1990s., the position with regard to ethnic and national conflicts in Abkhazia and the South Ossetia was to support Georgia's territorial integrity. However, the general public supported the rebel republic in the fight for independence. On the side of the Georgian autonomies liked the Russian legislature in the face of the Supreme Council of Deputies.

The outcome of the confrontation in the South Ossetia and Georgia in the early 1990s. was the signing Dagosmys agreements providing for a cease-fire and the establishment of the Joint Control Commission. Until August 2008 war security in the country provided the mixed peacekeeping force composed of Russian, Georgian and Ossetian battalions. The status of the republic has remained a subject of debate for Georgia and international mediation. The basic assistance in economic reconstruction of the Region was provided by Russian.

About the close relationship between Russia and the South Ossetia after the open phase of the armed conflict also witnessed the fact of mass obtaining Russian citizenship by residents of the South Ossetia, as well as a significant number of Russian citizens who hold key political positions in the breakaway Republic.

Kuban Cossacks, representatives of the Confederation of Caucasus Mountain Peoples, volunteers from all over Russia came to Abkhazia to support this local regime in the war of 1992-1993. The unspoken help to the Republic was provided by the Russian military: at the beginning of the war in Abkhazia in the area stationed 171st Fighter Wing of the Su-27 in service, as well as military and Seismological Laboratory in Lower Esher.

Over a long period of political and diplomatic dialogue between Russia and Georgia to resolve the conflicts in the South Ossetia and Abkhazia from the side of Georgian President made repeated attempts to internationalize the process. Offering the US role as the main mediator in the peace-making, Georgia has sought to displace Russia from the political influence zone in the region. However, it does not fully succeed.

The results of the August 2008 crisis helped to strengthen Russia's geopolitical role in the Caucasus Region. The logical after the protection of the population from the actual genocide was the recognition of the independence of Abkhazia and the South Ossetia by analogy with the precedent of Kosovo that year.

From a moral point of view, Moscow has demonstrated the hard foreign policy and a willingness to confront the West in supporting the post-Soviet territories.

To date, the stability in the region, supported by the forces of the Russian military presence. Since 2009, the Russian military contingent in Abkhazia is up to 4 thousand people [7]. The main points are based former peacekeeping objects and a military airfield in Bombora City, part of the seaport in Ochamchira City. The country deployed 7th joint military base of the Russian armed forces.

In the South Ossetia is a similar largest grouping of troops. The main targets are the former location of the territory of the Russian peacekeepers in Tskhinval, the cantonment and an air base in Java City, and the airfield in Kurt Village.

In addition, in the South Caucasus continues to be the 102nd Russian military base in Gyumri. It is there the group was transferred to the headquarters of Russian troops in the Caucasus from Georgia in 2006-2007. This military facility has 5000th contingent and technically equipped with S-300 and MiG-29.

In general, describing the importance of maintaining the Russian presence in the Caucasus, it should be noted that this space is permanently integrated into the Russian reality, which manifests itself in the form of the existence of numerous diasporas, economic, cultural, migration processes. Confronting to the spread of US influence in the region is designed to prevent access to the energy resources of the Caspian Region. And the preservation of strategic partnership with Armenia in the presence of a permanent military presence in Abkhazia and the South Ossetia will also affect the strengthening of Russian positions in the region.

The meaning and purpose of contemporary Russian policy in Eastern Europe and the Caucasus could become a process of moving Eurasian values based on the Orthodox understanding of the meaning of life orientation and move away from individualism and position of double standards. It is

necessary to prevent the imposition of Western European understanding of religious and ethical values system of other countries, existing post-Soviet space.

In general, it should be noted that the contact interaction of a number of post-Soviet territories with Russia, friendly policy and strong economic, social-cultural and military ties contribute to stability in these regions and prevent conflict potential to expand.

Interaction with friendly minded areas in the Eastern European and Caucasus areas, including non-recognized and partially recognized autonomy could strengthen Russia's military position. It is necessary to clearly define the area of the Russian military-strategic space and prevent the appearance in it of the armed forces of third states, as well as the entry of certain parts of this space in the anti-Russian military-political blocs and alliances.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АНКЛАВЫ БЫВШЕГО СССР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Распад СССР в 1991 г. привел к ряду важных геополитических последствий, которые существенно образом повлияли на политику национальной безопасности России. Особую важность в этом контексте приобрела проблема концептуального оформления внешней политики России с учетом конкретизации понятий национального интереса, а также новых угроз для безопасности государства.

Целью данной статьи является анализ взаимоотношений России с территориальными анклавами на постсоветском пространстве в контексте национальной безопасности.

Проблема национальной безопасности на сегодняшний день является актуальной и дискуссионной. Традиционное понимание этого понятия предполагает защиту от агрессии со стороны внешних врагов государства.

Национальная безопасность призвана обеспечить гражданам нормальные условия для существования, защищать их жизнь, свободы и собственность от любых посягательств. Геополитическое измерение национальной безопасности подразумевает защиту и сохранение суверенитета и территориальной целостности страны.

Следование идеям обеспечения безопасности означает ряд мер, среди которых можно выделить укрепление роли государства в современных международных отношениях; защиту национальных интересов; сохранение военно-политического суверенитета; обозначение регионов, на которые распространяются жизненно важные интересы страны.

Система национальной безопасности России определяется ее геополитическим положением и детерминирует роль и место Российского государства в современном мире.

При анализе современной международной обстановки следует учитывать совокупность внешних, внутренних и трансграничных угроз, которые прямым образом влияют на национальную безопасность России.

К наиболее существенным внешним угрозам в России после распада СССР относились: демонстрация военной силы вблизи границ РФ, а также проведение учений с провокационными целями; наличие вблизи границы РФ очагов вооруженных конфликтов; дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан РФ в зарубежных государствах; нестабильность и слабость государственных институтов в приграничных странах и т.д.

Занимая огромное пространство, имея выходы к морям, а также обладая системой космической, воздушной, морской навигации, Россия владела редким потенциалом для активного и эффективного участия в международных процессах и воздействия на глобальные политические изменения в целом. В то же время величина территории, многообразный и разноплановый характер соприкосновения с другими государствами затрудняли использование имеющихся средств для освоения и удержания пространства в интересах национальной безопасности. Поэтому важным аспектом для изучения стали территориальные единицы бывшего СССР, которые на сегодняшний день не входят в состав России, однако реализуют устойчивую политику сотрудничества на основе исторической, конфессиональной и социокультурной общности развития.

С окончанием холодной войны завершилось противостояние двух идеологических систем и Россия стала правопреемницей Советского Союза, в том числе и в международных отношениях. За ней осталось постоянное членство в Совете Безопасности ООН, а также в ряде других международных организаций. Россия также сохранила второй по размерам после США ракетно-ядерный потенциал.

Негативных последствий распада сверхдержавы было больше: потеря значительной территории, распад единой системы противоракетной обороны, долговые обязательства бывшего СССР. Военно-морской флот утратил базы в странах Прибалтики, на Украине, в Грузии.

В связи с выводом советских войск с территорий Прибалтики и Германии распалась военная инфраструктура, включавшая в себя военные базы, аэродромы, технику, склады.

Формирование новых национальных интересов происходило в условиях становления обновленной внешнеполитической доктрины и заигрывания с Западом. Возникла острая необходимость переосмыслить роль России в современной геополитической конфигурации. Развенчание идей коммунизма привело к утрате национальной идеи, что не могло не сказаться на общественном сознании российского народа.

Одной из ключевых проблем стало сохранение территориальной целостности. Важный аспект обеспечения безопасности в начале 1990-х гг. приобрел фактор государственной границы: отсутствие законодательно оформленных границ привело к значительному количеству территориальных споров как внутри России, так и в ближнем зарубежье. А в ряде случаев неурегулированные границы внутри новых независимых государств в условиях нарастания этнополитической напряженности вылились в весьма серьезные вооруженные конфликты, к которым Россия не могла оставаться безучастной в силу исторической ответственности за проживающие там народы.

На первых этапах своего существования Россия уделяла недостаточное внимание постсоветскому пространству, концентрируясь на решении внутривнутриполитических проблем в условиях конституционного кризиса.

Однако осознание необходимости сформировать вокруг России целостное социально-экономическое, военно-стратегическое и транспортное пространство привело к корректировке внешнеполитических ориентиров.

Эту цель предполагалось реализовать через тесное взаимодействие внутри Содружества Независимых Государств (СНГ) – интеграционного объединения, которое бы способствовало «развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами» [1].

Оценка политического развития современной России выявила фактор тесного взаимодействия с рядом постсоветских регионов, близких по социокультурным, конфессиональным, геополитическим характеристикам. Особое внимание было уделено ряду анклавных территорий, в которых сложились пророссийские настроения с момента распада СССР. В условиях смены контуров миропорядка и складывания новых угроз для национальной безопасности поддержка данных регионов приобрела стратегическую важность для внешней политики России.

Одним из таких территориальных анклавов с высокими симпатиями по отношению к России является Приднестровская Молдавская Республика (ПМР).

Краткая история противостояния официальных молдавских властей и приднестровцев, вылившаяся в вооруженный конфликт, позволяет понять причины ориентации ПМР в российском направлении, а также оценить важность сохранения военного присутствия России в регионе.

После того, как в Кишиневе 27 августа 1991 г. была утверждена Декларация о независимости Республики Молдова, Верховный Совет Приднестровья принял решение о переводе в свое подчинение всех государственных органов Левобережья, а 1 декабря того же года в Приднестровском регионе прошли президентские выборы и референдум о независимости ПМР от Молдавии.

Одной из основных причин конфликтного противостояния Молдавии с Приднестровьем стал языковой фактор и ущемление прав русскоязычного населения.

С весны 1992 г. началась вооруженная стадия молдо-приднестровского конфликта. Официальные российские власти выступили за территориальную целостность Молдавии и решение проблемы политическим путем.

Однако в условиях нарастания конституционного кризиса в России Верховный Совет РФ выразил поддержку народу Приднестровья в вопросе отделения от Молдавии, на основе права на самоопределение. На стороне мятежной республики выступили военные 14-й общевойсковой армии под командованием генерала А. Лебедева, дислоцированной на тот момент в Приднестровье.

Значительную поддержку приднестровцам оказало российское казачество, направив в республику своих добровольцев. С началом конфликта в Приднестровье кубанские казаки, осуждая военные действия в ПМР, выступили с обращением к молдавскому президенту М. Снегуру. Они призывали руководство республики прекратить вооруженный конфликт, говоря об угрозе вызвать казачьи силы к действию «в деле оказания помощи братьям в Приднестровье» [2].

Официальный статус казачьим подразделениям в Приднестровье был впервые придан приказом К. Кобеца, и.о. министра обороны в 1991 г. В документе говорилось, что «российское

казачество – до законодательного решения этого вопроса – признается в качестве реальной боевой единицы Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам» [3].

Сторонники независимости Приднестровья уже тогда обращали внимание российских властей на важное геостратегическое положение региона в условиях расширения НАТО на восток и сокращения территории России после распада СССР. Так, в частности, подчеркивалось, что, если Молдавия продолжит политику, направленную на объединение с Румынией, Приднестровье сможет воспользоваться правом на самоопределение и развивать свою государственность без оглядки на Молдавию.

Итогом молдо-приднестровского конфликта стало подписание ряда дипломатических договоренностей, создание Объединенной контрольной комиссии (ОКК), появление в зоне конфликта объединенных миротворческих сил, в том числе и российских миротворцев.

По прошествии десятилетий статус Приднестровья продолжает оставаться предметом политических дискуссий при участии наблюдателей от ЕС и США. Неизменной остается лояльность и преданность приднестровских властей России.

В ПМР располагается Оперативная группа российских войск (ОГРВ) (сменившая 14-ю общевойсковую армию) численностью по разным оценкам от 1 000 до 1 500 человек. В составе ОГРВ остаются два отдельных мотострелковых батальона, батальон охраны и обслуживания, вертолетный отряд, несколько подразделений обеспечения [4]. Основной их задачей является миротворчество в регионе. Отдельно российские войска в ПМР осуществляют охрану военных складов в районе с. Колбасна. Там находится более 2 500 вагонов боеприпасов, более 100 танков Т-64, около 150 ББМ и т.п.

Таким образом, российские военные содействуют миру в регионе, не допуская вооруженной эскалации конфликта в Приднестровье, а также способствуют сдерживанию расширения блока НАТО в восточном направлении.

Обращаясь к проблематике российско-украинских отношений в период с 1991 г. по настоящее время, следует остановиться на последствиях политического кризиса 2014 г., которые привели к всплеску сепаратизма в юго-восточных регионах современной Украины. В состав географического ареала украинского юго-востока входили до 2014 г. автономная республика Крым, Севастополь, Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области. Территории характеризовались развитым аграрным и промышленным секторами экономики с доминирующей русской культурой и языком. Географически большая часть этих областей, кроме Крыма, относится к Новороссии.

С точки зрения экономического фактора юго-восточные регионы Украины традиционно являлись более развитыми, поскольку основу их потенциала составляли отрасли со значительным экспортным потенциалом.

После распада СССР на новой независимой Украине начался курс на жесткую украинизацию. Фактический запрет на использование русского языка в судах, вытеснение русскоязычного компонента из кинопроката и средств массовой информации, выдавливание русского языка из сферы высшего образования и неуместный во всех отношениях перевод русских фамилий на украинский язык для списков избирателей привели к росту неприязни русскоязычного населения государства к украинским властям.

Одной из приоритетных задач официального Киева в начале 1990-х гг. был заявлен курс на ускоренную евроатлантическую интеграцию, что предполагало в том числе вступление Украины в структуры НАТО. Это прямым образом противоречило двусторонним российско-украинским договоренностям, зафиксированным в Договоре о дружбе, сотрудничестве и партнерстве от 1997 г.

В соответствии с этим документом стороны договаривались выстраивать свои отношения на позициях стратегического партнерства, а также обязывались отказываться от участия или поддержки каких бы то ни было действий, способных нанести ущерб безопасности другой страны [5].

Напряженность между Россией и Украиной нарастала по мере присоединения Украины к антироссийскому блоку ГУАМ, победой оранжевой коалиции на выборах в 2004 г., разрастания перманентных «газовых конфликтов».

Открытая поддержка Украиной Грузии в августовском конфликте 2008 г. усугубила и без того натянутый диалог. Украина стала ключевым поставщиком военной техники и вооружений в Грузию. А глава государства В. Ющенко выступил против признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Такая позиция Украины отвечала настроениям США и европейских партнеров на тот момент.

Обострение политического кризиса на Украине в 2014 г. и смена власти в стране вызвали негативную реакцию со стороны России. Легитимность нового правительства была поставлена

российской стороной под сомнение. Одна из основных причин заключалась в принятии законодательных актов, направленных на ущемление прав русскоязычного населения Украины.

1 марта 2014 г. российский президент внес на рассмотрение в Совет Федерации обращение, в котором предлагалось «использовать российские Вооруженные Силы на территории Украины». Постановление было принято в тот же день и предусматривало право президента на использование российских войск на территории Украины «до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» [6].

За непродолжительное время была провозглашена независимость республики Крым и г. Севастополя, подписаны договоры об их вхождении в состав России.

Весной 2014 г. независимость от Украины провозгласили Луганская и Донецкая народные республики. На контролируемых ими территориях были проведены референдумы, приняты конституции, согласно которым республики провозглашались суверенными государствами и субъектами международного права.

По логике развития ситуации в Приднестровье, самопровозглашенные территории Юго-Востока Украины могут установить тесные связи с Россией во всех аспектах сотрудничества. Номинально будет сформировано единое пророссийское пространство от Харькова и Луганска до Приднестровья и Гагаузии, ориентированное на тесное сращивание военного, экономического и социокультурного потенциалов с Россией.

С первых месяцев противостояния ополченцев ДНР и ЛНР украинским вооруженным силам значительное количество добровольцев из числа российских граждан, а также казачества направились в зону боевых действий с целью поддержки самопровозглашенных территорий. Так, к примеру, атаман нереестровых казаков Всевеликого войска Донского Н. Козицын принял на себя командование Казачьей национальной гвардией на Украине, объявив о мобилизации на добровольных началах для защиты мирных жителей юго-востока Украины.

Анализируя ситуацию на Украине последних двух лет, следует отметить, что наиболее важным территориальным приобретением России стали Крым и г. Севастополь с богатыми природно-климатическими ресурсами и базами для военно-морского флота. Это усилило геополитические позиции РФ в Европе и Причерноморье.

Национальная безопасность России в кавказском направлении в конце прошлого – начале нынешнего столетия складывалась с учетом тесных историко-культурных связей с регионом. На сегодняшний день у России есть все основания поддерживать особые отношения со всеми странами Южного Кавказа, в том числе новыми, «непризнанными» республиками Абхазией и Южной Осетией, получившими официальное признание в 2008 г.

У России к концу 1990-х гг. сложились вполне оправданные опасения в связи с созданием по периметру своих границ «санитарного» кордона из недружественных и ориентированных преимущественно на США государств, политика которых нарушала бы сложившийся военно-политический баланс и создавала бы существенные вызовы, в том числе и военные, с точки зрения российской безопасности.

В условиях появления новых угроз для России были сформулированы новые национальные интересы, ориентированные в том числе на достижение стабильности в кавказском регионе. Это, в первую очередь, обеспечение безопасности границ России в связи с меняющимся положением в соседних республиках; недопущение развития чеченского сепаратизма, опирающегося на поддержку некоторых южно-кавказских республик; недопущение в регион вмешательства соседних стран и военно-политических блоков, преследующих цель способствовать урегулированию вооруженных конфликтов и упрочению положения на Южном Кавказе.

С начала 1990-х позиция России в отношении этнонациональных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии заключалась в поддержке территориальной целостности Грузии. Однако широкие слои населения поддерживали мятежные республики в вопросах борьбы за независимость. На стороне грузинских автономий были и симпатии российской законодательной власти в лице депутатов Верховного Совета РФ.

Итогом противостояния Южной Осетии и Грузии в начале 1990-х стало подписание Дагосмысских соглашений, предусматривающих прекращение огня и создание Смешанной контрольной комиссии. Вплоть до августовской войны 2008 г. безопасность в республике обеспечивали Смешанные силы по поддержанию мира в составе российского, грузинского и осетинского батальонов. Статус республики оставался предметом дискуссий для Грузии и международных посредников. Основную помощь в экономическом восстановлении региона югоосетинам оказывала Россия.

О тесной взаимосвязи России и Южной Осетии после открытой стадии вооруженного конфликта также свидетельствовал факт массового получения российского гражданства жителями Южной Осетии, а также значительное количество российских граждан, занимавших ключевые политические посты в самопровозглашенной республике.

На помощь абхазам в войне 1992–1993 гг. пришло кубанское казачество, представители Конфедерации горских народов Кавказа, добровольцы со всей России. Негласная помощь республике была оказана российскими военными: к моменту начала войны в Абхазии в республике дислоцировался 171-й истребительный авиаполк с Су-27 на вооружении, а также военно-сейсмологическая лаборатория в Нижних Эшерах.

На протяжении длительного периода политико-дипломатического диалога России и Грузии по урегулированию конфликтов в Южной Осетии и Абхазии грузинским президентом предпринимались неоднократные попытки интернационализировать процесс. Предлагая США роль основного посредника в миротворчестве, Грузия стремилась вытеснить Россию из зоны политического влияния в регионе. Однако этого сделать в полной мере не удалось.

Итоги августовского кризиса 2008 г. способствовали усилению геополитической роли России в кавказском регионе. Логичным после защиты населения от фактического геноцида стало признание независимости Абхазии и Южной Осетии по аналогии с прецедентом Косово того же года. С моральной точки зрения Москва продемонстрировала жесткий внешнеполитический курс и готовность идти на конфронтацию с Западом в вопросах поддержки территорий постсоветского пространства.

На сегодняшний день стабильность в регионе поддерживается силами российского военного присутствия. С 2009 г. контингент российских военных в Абхазии составляет до 4 тыс. человек [7]. Основными пунктами базирования являются бывшие миротворческие объекты, а также военный аэродром в г. Бомбора, часть морского порта в г. Очамчира. В республике дислоцируется 7-я объединенная военная база российских вооруженных сил.

В Южной Осетии аналогичная по численности группировка войск. Основными объектами расположения являются бывшие территории российских миротворцев в Цхинвале, военный городок и авиабаза в г. Джава, аэродром в с. Курта.

Помимо этого, на Южном Кавказе продолжает существовать 102-я российская военная база в г. Гюмри. Армения. Именно сюда был переведен штаб группы российских войск в Закавказье из Грузии в 2006–2007 гг. Данный военный объект располагает 5-тысячным контингентом и технически оснащен ЗРК С-300 и истребителями МиГ-29.

В целом, характеризуя важность сохранения присутствия России на Кавказе, следует отметить, что данное пространство прочно интегрировано в российскую действительность, что проявляется в виде существования многочисленных диаспор, экономических, культурных, миграционных процессов. Противостояние распространению влияния США в регионе призвано препятствовать доступу к энергетическим ресурсам Каспийского региона. А сохранение стратегического партнерства с Арменией при наличии постоянного военного присутствия в Абхазии и Южной Осетии также влияет на укрепление российских позиций в регионе.

Смыслом и целью современной российской политики в Восточной Европе и на Кавказе мог бы стать процесс продвижения евразийских ценностей, основанных на православном понимании смысложизненных ориентиров и отхода от позиций индивидуализма и двойных стандартов. Следует препятствовать навязыванию западноевропейского понимания религиозно-этической системы ценностей других государств, существующих на постсоветском пространстве.

Взаимодействие с дружественно настроенными территориями в восточноевропейском и кавказском направлениях, в числе которых непризнанные и частично признанные автономии, могло бы упрочить военные позиции России. Необходимо четко обозначить зону российского военно-стратегического пространства и не допустить появления в ней вооруженных сил третьих держав, а также вступления отдельных частей этого пространства в антироссийские военно-политические блоки и союзы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Устав СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187> (дата обращения: 20.03.2016).
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1843. Оп. 1. Д. № 22. Л. 68.
3. Турулин Г. Казаки-добровольцы в Приднестровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voenoboz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=395:2011-07-17-08-18-01&catid=58:-11-&Itemid=37 (дата обращения: 20.03.2016)
4. Нерсисян Л. Отступить больше некуда: военные базы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1908336.html> (дата обращения: 24 марта 2015 г.).
5. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902220> (дата обращения: 20.03.2016).

6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/documents/39979> (дата обращения: 20.03.2016).
7. *Киреев Д.* Военная база в Абхазии будет достроена к концу года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/623743/> (дата обращения: 20.03.2016).

REFERENCES

1. The Charter of CIS. Available at: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187> (accessed: 20.03.2016) (in Russ.)
2. State archive of Krasnodar Krai. F. 1843. Op. 1. D. № 22. L. 68.
3. Turulin G. Cossacks-volunteers in Transnistria. Available at: http://voenoboz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=395:2011-07-17-08-18-01&catid=58:-11-&Itemid=37 (accessed: 20.03.2016) (in Russ.)
4. Nersisyan L. There's nowhere to retreat: military bases of Russia. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1908336.html> (accessed: 24/03/2016) (in Russ.)
5. The Treaty on friendship, cooperation partnership between the Russian Federation Ukraine. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1902220> (accessed: 20.03.2016) (in Russ.)
6. The decree of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Association used the use of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of Ukraine. Available at: <http://council.gov.ru/activity/documents/39979> (accessed: 20.03.2016) (in Russ.)
7. Kireev D. Military base in Abkhazia will be finished at the end of the year. Available at: <http://www.kp.ru/online/news/623743/> (accessed: 20.03.2016) (in Russ.)

Information about the author

Shturba Evgeny V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University, Chief Editor, Scientific Journal "Historical and Social-Educational Ideas", Krasnodar, Russia, akademus07@rambler.ru

Makhalkina Maria A., Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Krasnodar Mounting College, Krasnodar, Russia, espero_tu_carta@mail.ru

Received: 22nd March 2016

For article citation: Shturba E.V., Makhalkina M.A. Territorial enclaves of former USSR in the context of Russian national security. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. No. 2. Vol. 1. Pp. 26-36. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-26-36, [en; ru]

Информация об авторе

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, главный редактор, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», г. Краснодар, Россия, akademus07@rambler.ru

Махалкина Мария Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель, Краснодарский монтажный техникум, г. Краснодар, Россия, espero_tu_carta@mail.ru

Получена: 22 марта 2016 г.

Для цитирования статьи: Штурба Е.В., Махалкина М.А. Территориальные анклавы бывшего СССР в контексте национальной безопасности современной России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 26-36. doi:10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-26-36, [англ; русск]

Historical Sciences

Исторические науки

UDC 94(470) «20»

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-39-45

ФЕДИНА Ирина Михайловна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

FEDINA Irina M.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ В 1920-е ГОДЫ

LAND REGULATION IN KUBAN IN THE 1920 s

В статье рассматривается практика регулирования земельных отношений на Кубани в 1920-е гг. и ключевые аспекты ее реализации. Обращение к данной теме позволяет в рамках микроисторического исследования проанализировать на локальном уровне осуществление Земельного кодекса 1922 г. С установлением советской власти на Кубани началась планомерная модернизация всех сфер деятельности. Особенно болезненно изменения затронули земельные вопросы, а проводившаяся землеустроительная кампания привела к кризису традиционных форм аграрного производства. Земельный кодекс 1922 г. являлся противоречивым документом и подтверждал многообразие форм землепользования и ведения хозяйства, как-то: общинной, участковой (хуторской) и товарищеской. Однако предпочтение отдавалось в пользу коллективных хозяйств. В Кодексе прослеживалась примирительная позиция частного и коллективного хозяйства, традиционалистское представление крестьянской общинной организации и равенство коллективных социалистических форм. Это способствовало не только спонтанному развитию рыночных отношений, но и неразрывно связано с социальной дифференциацией. На Кубани в период реализации Кодекса и землеустроительной кампании особенно сложными были взаимоотношения иногороднего населения и казачества, выражавшиеся в постоянных конфликтах на этой почве. Иногородний олицетворялся как противник казачьей земельной собственности и угроза традиционному кубанскому станичному социуму. Массовая миграция в благодатную Кубань как следствие длительной войны, голода и разрухи стала одной из причин землеустроительных работ и переделов. За счет новых переселенцев на Кубани процент хуторских индивидуальных хозяйств был довольно высок, а с выходом Кодекса 1922 г. не только сохранились, но и увеличились индивидуалистические настроения. Новизна исследования заключается в том, что впервые в региональной истории на основе внедрения комплекса архивных документов рассматривается осуществление земельного Кодекса 1922 г. и переход от единоличного хозяйствования к коллективным формам землеустройства.

The article discusses the practice of regulation of land relations in the Kubania region in the 1920s and the key aspects of its implementation. The study of the topic allows one to analyze the implementation of the 1922 Land Code at the local level within the framework of microhistorical research. The establishment of Soviet power in the Kubania launched a systematic modernization of all spheres of activity. The especially painful changes affected the land issues, while the pursued land management campaign led to the crisis of traditional forms of agricultural production. The 1922 Land Code was a controversial document confirming the variety of forms of land use and farming, like the community, the district (farmstead) and cooperative ones. However, preference was given to collective farms. There is strong evidence in the Code of conciliatory attitude towards private and collective farms, traditionalist view of the peasant community organization and equality of collective socialist forms. This has contributed not only to the spontaneous development of market relations, but it is also inextricably linked to the social differentiation. In Kubania, during the implementation of the Code and land surveying company, there had been particularly acute relations between the Cossacks and non-resident population being expressed in constant conflicts on this basis. Non-residents were personified as an enemy of the Cossack land ownership and the threat to the traditional Kuban stanitsa society. Mass migration to the fertile lands of Kubania region as a consequence of long war, famine and devastation became one of the causes of land management and reallocation drive. Due to new settlers, the percentage of hamlet-based individual farms was quite high, and the release of the 1922 Land Code not only preserved but also promoted individualistic attitudes. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in the regional history, consideration is given through the introduction of a complex of archival documents to the implementation of the 1922 Land Code and the transition from the individual to the collective forms of land farming.

Ключевые слова: социалистическое землеустройство, земельный Кодекс, землеустроительная кампания, землепользование, переселенцы, хутор, община, иногороднее население, «расселенцы», миграция.

Keywords: Socialist land regulation, Land Code, land regulation campaign, land use, re-settlers, farm, community, non-resident population, migrants, migration

Коренная перестройка социально-экономических отношений на Кубани после революции не могла не отразиться на характере земельных отношений. С установлением советской власти началась планомерная замена индивидуальных форм хозяйствования на коллективные. Новые власти приступили к внедрению закрепленного постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», которое ориентировало на переход земледелия от единоличных форм хозяйствования к крупным хозяйствам, коммуна, сельскохозяйственным артелям и др.

В соответствии с большевистской доктриной в 1919 г. на Кубани началась подготовка к передаче крупных имений в социалистическую собственность. К весне 1921 г. крупная земельная собственность в Кубано-Черноморской области была ликвидирована [1, с. 41]. Параллельно с уничтожением крупной земельной общины шло образование ряда земельных единиц, гибких к восприятию политики властей. Такой земельной единицы в количестве 50 дворов достаточно было для организации коллективного хозяйства. Вместо крупных сплоченных зажиточных казачьих станиц всячески поощрялось создание более мелких образований, легко контролируемых властями.

В этот период основными задачами землеустроительных работ в Кубанском округе было устранение сословного неравенства в отношении землепользования между иногородними и казаками путем наделения земель безземельного иногороднего населения, занимавшегося сельским хозяйством на арендованной земле или в качестве батраков на территории земельных обществ, а также ликвидация земельного неравенства среди казачьего населения через применение однообразной разверсточной единицы по округу на едока [2, Л. 786].

Развернувшаяся в 1920-е гг. на Кубани крупная землеустроительная кампания была призвана «разгородить» землю и уравнивать в земельных правах население. В землеустройстве наметились две основные черты – закрепление и оформление социалистических имущественных отношений и установление устойчивого землепользования. Индивидуальные казачьи хозяйства не вписывались в социалистическую систему коллективного ведения хозяйства, противоречили ее принципам, безапелляционно считались неэффективными, слабо связанными с рынком и не способными использовать передовую технику и современные методы хозяйствования. Наряду с выделением помещичьих и частновладельческих земель под коллективные хозяйства около 30% войсковых и станичных земель передавалось колхозам.

С введением в действие Земельного кодекса 1922 г. теряли значение прежние акты «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» и начинался новый этап поземельной реформы. Согласно Кодексу, имели право пользоваться землей все граждане РСФСР, способные ее обрабатывать и выбирать различные формы землепользования [3, с. 157-161]. Право на земельный участок можно было получить в составе общины или через организацию хуторских, отрубных или товарищеских хозяйств. Однако, несмотря на различные формы землепользования, целенаправленно поощрялись коллективные.

В соответствии с Кодексом на Кубани ликвидировались большие (фермерские) наделы казаков и вводилось уравнильное землепользование в станицах. В бывших крупных частновладельческих хозяйствах возникали сельскохозяйственные коммуны, государственные опытные хозяйства, кооперативные товарищества. Внешние проявления стали заметны уже с мая 1920 г., когда в Кубано-Черноморской области появляются первые сельскохозяйственные коллективы.

Так, в Екатерининскую земельную комиссию 12 июня 1920 г. поступило прошение граждан Суповского хуторского товарищества, состоящего из 43 дворов и 250 жителей. Этот хутор располагался в 15 верстах от Екатеринодара. В прошении жители писали: «...занимаемся хлебопашеством, огородничеством и молочной фермой. Так что снабжаем население города всеми съестными продуктами, для чего и имеем необходимую нужду в новых территориях. Просим Земельный комитет оставить нам землю помещика Чупова в количестве 300 дес, нашей земли сейчас 355 десятин» [4, Л. 32]. Просьба хуторян была удовлетворена. Такой же случай произошел в декабре 1920 г., когда в Краснодарское отделское земельное управление пришло прошение от крестьян в связи с постановлением схода граждан с. Ново-Бабычевской о быстрейшем переселении их на землю бывшего помещика [5, Л. 69]. Эти примеры были не единичны.

С началом действия Земельного кодекса крупная община была раздроблена: 26,2% – в юридических границах и 19,6% – в границах хозяйственных, а всего – 45,8%. На площади 86% всего округа почти вся беднота была устроена на ближайших к усадьбам землях лучшего качества. Население было разбито на группы по экономической мощности, а землю получило в следующей последовательности: беднота – ближние земли лучшего качества, дальше – середняки, а самые дальние земли худшего качества обрели зажиточные, «кои были обеспечены капиталом». Лишь 14% было разделено без применения этих принципов [6]. Однако в дальнейшем ставились задачи дальнейшего дробления крупной общины и наделения землей пришлого населения.

С окончанием гражданской войны на Кубани появилось большое количество разных категорий беженцев: с 1922 по 1926 гг. на Кубань прибыло более 9 000 чел. и все они нашли источник пропитания на бывших частновладельческих землях.

Открывшаяся возможность индивидуального ведения хозяйства побудила население возвратиться к традиционному индивидуальному способу хозяйствования. Причем на Кубани большинство из них (80%) обходилось своими силами, не прибегая к наемному труду [7, Л. 24]. По данным статистики, к 1 января 1924 г. колхозами было охвачено 3 064 хозяйства (двора), что по отношению к общему числу производственных хозяйств области составляло лишь 0,84% [8, Л. 2]. Таким образом, количественное значение колхозов было крайне невелико. Крепкие индивидуальные казачьи хозяйства не стремились к обобществлению и всячески этому препятствовали.

В условиях Кубани применение норм Земельного кодекса проходило в обстановке внутрисословного землеустройства и уничтожения сословных различий землепользования.

При решении вопроса о предпочтительности формы землепользования между общинной и хуторской индивидуальной предписывалось проводить строгое различие между технической возможностью образования обособленных хозяйств и хозяйственно-экономической целесообразностью их насаждения в порядке землеустройства. Предпосылками для образования хуторских форм землепользования могли стать следующие факторы: товарность хозяйства, близость и доступность рынка сбыта, стремление к более высокой культуре ведения хозяйства, склонность к проявлению хозяйственной инициативы и возможности для подобного проявления, обеспеченность достаточным количеством земли и средств для хозяйственного обзаведения на хуторе.

Способы образования общинной и хуторской форм землепользования были разными, как и последствия их возникновения. Увеличение доли общинного хозяйства происходило главным образом за счет разделов, а хуторского – за счет выселений из общины. Разделу обычно подвергались более крупные и сильные хозяйства, в результате чего появлялись хозяйства экономически слабые, вынужденные усиленно искать неземледельческий заработок. Выселение на хутор отражалось на общем экономическом подъеме хозяйства, выражающемся в переходе хозяйств в высшие посевные группы, в общее увеличение посевных площадей и расширении посевов льна и трав. Общинным крестьянством также осознавалась выгода хуторов, хотя в своих пристрастиях к формам землепользования общинники разделились, поскольку для них каждая из форм имела свои плюсы и минусы. На хуторе «лучше, потому что спокойнее, удобно работать, больше земли», но на хутора стремились выделиться те, которые рассчитывали получить и закрепить большой надел по едокам. Малоземельные хуторяне были связаны отсутствием выгона и выступали за чересполосицу, где выгон и лес находились во владении общины и скот пасли общим стадом на общинном поле. В 1923 г. под единоличные формы землепользования было выделено 24 073 дес., или 2,5% всей землеустроенной площади [9, с. 9].

Наделение общин землей стало возможно в связи с ликвидацией помещичьего землеустройства, что значительно увеличило земельный фонд.

В этой связи обращает на себя внимание обобщение опыта решения земельного вопроса в постановлении Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета от октября 1923 г. и реализации правовых норм Земельного кодекса Кубано-Черноморской области 1922 г. В постановлении даже специально выделялась категория таких людей – «расселенцы», а в пункте 2 названного акта указывалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею в порядке ст. 9 Земкодекса, проживающим в населенных пунктах, признанных малоземельными, и желающим получить землю, если они безземельные, или расширить свое землепользование, разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчеробласти» [10, Л. 2]. Более того, «расселенцам» «с целью предоставления... наибольшей свободы» предоставлялось право выбора места расселения, для чего предлагалось «разбиться на несколько групп, с количеством не менее 50 семей каждая». Новым «расселенцам» с согласия областного экономического совещания устанавливались «льготы, в виде полного или частичного освобождения их от исполнения общегосударственных местных повинностей: воинской, продналоговой, и пр. в теч. 1 или несколько лет устройства на новых местах». Заметим, о казачестве при этом не говорилось и его насущные экономические интересы не учитывались, ибо власти шли «навстречу желанию преимущественно беднейшего с/х населения» [11, Л. 2], к которому казачество в преобладающей своей массе не относилось.

Естественным союзником большевиков в ликвидации казачьего хуторского землепользования на Кубани выступила широко развернувшаяся стихийная миграция населения, в свою очередь, вызванная последствиями революционных социальных катаклизмов и кровопролитной Гражданской войны, на фоне которых разразился аграрный кризис и сопутствовавший ему голод в российской деревне. Крестьянский миграционный поток хлынул в считавшиеся более благоприятными районы Кубани.

Вследствие этого земельные вопросы приняли необычайную остроту. Иногородний олицетворялся врагом самобытности, угрозой традиционному кубанскому станичному социуму [12, с. 175-177]. Сословная рознь была настолько сильна, что казаки говорили открыто: «бей городовиков..., не давай городовикам землю..., выселить иногородних из станиц и т.д.» [13, Л. 42]. Во многих станицах при проведении землеустройства составлялось два списка пользующихся правом землепользования – казачий и другой, «мужичий» [14, Л. 3-16]. Казачество стремилось лишить права на землю иногородних и выступало с инициативой произвести раздел земли по трем категориям, а именно: в первую должно войти все казачье население, во вторую – иногородние коренные жители и лишь затем в третью – «пришлый элемент». Вместе с тем во многих станицах на собраниях по земельному вопросу выносились постановления: наделить землей эмигрантов, находящихся за границей, мотивируя тем, что они все-таки являются коренными жителями Кубани.

В архивных материалах Центра документации Краснодарского края отложилось немало документов, фиксирующих отношения населения к землеустроительной политике. Еженедельные сводки свидетельствовали о росте недовольства проводившимся землеустройством. Недовольство было вызвано высокими ставками на землеустройство, его медлительностью, незаконным наделением других слоев населения. В первом случае недовольна была беднота, красноармейцы и иногородние, в другом – казачество.

По устранению сословного неравенства в отношении землепользования между казаками и иногородними задача решалась для 98% иногороднего населения, пришедшего на Кубань до 22 мая 1922 г., и для 65% иногороднего населения, прибывшего на Кубань после этого срока, до 1 января 1926 г. Неравномерность землепользования между членами земельных обществ была устроена на площади 86%, и лишь 14% территории устроено в начале действия Земельного кодекса по разверсточной единице на едока [15, Л. 34].

Приветствуя советские законы, прибывающее крестьянство требовало переделки и земельных наделов.

Право на первоочередное наделение землей получали поселенцы, прибывшие на Кубань до 22 мая 1922 г. [16, с. 48]. Особое значение для безземельных крестьян Кубано-Черноморской области имели статьи Кодекса, определявшие порядок распределения общественных земель между всеми его членами на одинаковых основаниях.

Обращает внимание тот факт, что и прибывавшее население не спешило обращаться в коллективные формы, а также стремилось к индивидуализации своих хозяйств. На Кубани с начала освоения территории индивидуальная форма землепользования была широко распространена.

Большевики пытались целенаправленно использовать сложившуюся социально-экономическую ситуацию для реализации своей политической доктрины, предпринимали попытки управления миграционными потоками, чтобы привлечь новых прозелитов на свою сторону.

В 1923 г. советское правительство обратилось к горцам с предложением переселиться в предгорье, на пустующие земли крупных землевладельцев, вынужденных по понятным причинам покинуть родные кубанские земли. На призыв власти активно откликнулись эстонцы, немцы и греки, искавшие благоприятные места для проживания. Кроме того, переселенцы получали льготы в виде полного освобождения от сельскохозяйственного налога на один год.

Таким образом, Земельный кодекс 1922 г. заложил основные принципы и содержание последующей земельной политики, на новом уровне подтвердив многообразие форм землепользования и ведения хозяйства. Региональные особенности земельных отношений, формировавшиеся в результате советских преобразований, привели к многочисленным конфликтам казачества с иногородним населением, а затем и красноармейцами, прибывавшими на Кубань и расселявшимися по станицам и хуторам.

LAND REGULATION IN KUBAN IN THE 1920s

A radical restructuring of the socio-economic relations in the Kuban after the revolution could not but reflect the nature of land relations. The establishment of the Soviet government started the systematic replacement of individual management forms to the collective ones. The new authorities began to implement the "Provisions on Socialist Land Regulation and Measures of Transition to Socialist Farming" fixed by the Decree of the Central Executive Committee on 14 February 1919. It focused on the transition of agriculture from the sole forms of management to large farms, communes, agricultural cooperatives, etc.

In 1919, in accordance with the Bolshevik doctrine, the Kuban began preparations for the transfer of large estates into the socialist ownership. By the spring of 1921, large landed property in the Kuban-Black Sea region has been eliminated [1 с.41.]. In parallel with the destruction of a large land community, formation was underway of a number of land units, flexible to the perception of the government's policies. Such a unit of land in the amount of 50 households was enough for the organization of collective farms. Instead of large cohesive and wealthy Cossack villages, the authorities encouraged the creation of smaller formations, easily controlled by them.

During this period, the main tasks of land surveying work in the Kuban district were the elimination of class inequalities in land use between non-residents and the Cossacks by giving land to the landless non-resident population engaged in farming on rented land or as agricultural labourers in the territory of the land companies, as well as the elimination of land inequality among the Cossack population through the application of uniform acreage allotment units in the district per eater [2 Sheet 786.].

Developed in the 1920s in the Kuban large land regulation campaign was called to "partition" the land and equalize the land rights of the population. The land management outlined two main fea-

tures - binding and layout of socialist property relations and the establishment of sustainable land management. Individual Cossack farms do not fit into the socialist system of collective farming contrary to its principles, categorically considered ineffective, poorly linked with the market and are not capable of using advanced technology and modern management methods. Along with the release of the landlords and privately owned land under collective farms about 30%, and the Village of military land transferred to collective farms.

With the introduction of the Land Code of 1922 played out earlier acts "On land use and management in the former Cossack areas" and began a new phase in land reform. According to the Code, have the right to use the land all the citizens of the Russian Federation are able to handle it and to choose different forms of land use [3. P.157-161.]. According to the Code, have the right to use the land all the citizens of the Russian Federation are able to handle it and to choose different forms of land use. However, despite the various forms of land use purposefully encouraged collective.

In accordance with the Code, the Kuban eliminated small (farm) holdings Cossacks and introduced equal land tenure in the villages. The former large privately owned farms arose agricultural communes, government experimental farms, co-operative societies. Symptoms become noticeable since May 1920, when the Kuban-Black Sea Oblast appear first agricultural collectives.

For example, in Catherine's land commission June 12, 1920 entered a petition of citizens of farm Supovskogo partnership, consisting of 43 households and 250 inhabitants. This farm is 15 miles from Ekaterinodar. In the petition, the residents wrote: "Engaged in arable farming, horticulture and dairy farm. So we supply the population of the city of all edible products, which have the necessary and the need for new territories. Land Committee, please leave us the land of the landowner Chupova of 300 decimal, our land is now 355 of tithes "[4. Sheet 32]. The request of peasant proprietors was granted. A similar incident occurred in December 1920 when land management Krasnodar divisional application came from the peasants in connection with the resolution of citizens' with. New Babychevskoy of rapid relocation of the land of the former landowner [5.L.69.]. What examples show that they were not isolated.

Since the beginning of the Land Code of the community was a major split in 26.2% of legal limits and 19.6% within the boundaries of business, but only 45.8%. On the area of 86% of the poor districts, almost all it has been arranged at the nearest to the farm lands of better quality. The population was divided into groups of economic power on earth has received in the following order: poor neighbors land better, more -serednyaki, and the most distant land of inferior quality found wealthy "koi were provided with capital." Only 14% was divided without applying these principles

Later, however, we were set the task of further fragmentation of a large community and allotment of land newcomers.

With the end of civil war in the Kuban region, a large number of different categories of refugees: from 1922 to 1926 on Kuban arrived more than 9000 people. and they found the source of livelihood in the former privately-owned lands.

Opened the possibility of individual farming prompted the population to return to the traditional method of managing individual. Moreover, in the Kuban region, most of them (80%) costs on their own, without the need for hired labour [7.Sheet 24.]. According to statistics, in January 1, 1924 were covered by collective farms 3064 (yard) that in relation to the total number of industrial farms of the region was only 0.84% [8. Sh.2.]. I.e. the quantitative value of collective farms was extremely small. Strong individual Cossack economy did not aspire to the socialization and otherwise prevented this.

In the context of the application of the Kuban Land Code passed in an atmosphere of intra-village land regulation and destruction of class distinctions land.

When deciding on a preferred form of land between the community and the individual farmstead, then ordered to carry out a strict distinction between the technical possibility of formation of separate enterprises and economic and economic feasibility of planting in order land. The prerequisites for the formation of the hamlet forms of land use might be the following factors: commodity economy, the proximity and availability of the sales market, the desire for a high culture of farming, the inclination to exercise economic initiative and the possibility for such displays, providing enough land and money for economic Furnished in a remote area.

Methods of forming communities and farmstead were different forms of land use, as well as the consequences of their occurrence. Increasing the share of communal economy was mainly due to partition of farm and - due to eviction from the community. Section usually subjected to a large and strong economy, with the result that there were economically weak economy forced strenuously seek non-agricultural income. Eviction of the farm affected the overall economic booming economy, expressed in the transition economies to higher crop group, the overall increase in acreage and expansion of flax and grasses. Communal peasantry were also aware of the profitability of farms, although their allegiances to the forms of land-use community members were divided, since they each form had its pluses and minuses. The farm "is better because safer, convenient to operate, more land," but sought to

stand out on the farm, those who expect to receive and secure a larger allotment of consumers. Little land the farmers were linked lack of pasture and stands for the overlapping where pasture and forest were in the possession of the community and the common herd cattle grazed on the community field. In 1923, under the sole form of land has been allocated 24073 decimal., or 2.5% of the total area of land surveyed area [9. P.9].

Giving communities the ground was made possible due to the liquidation of landlordism, which greatly increased the land fund

In this context, attention is drawn to generalize the experience of solving the land issue in the resolution of the Kuban-Black Sea regional executive committee from October 1923 and implementation of the legal provisions of the Land Code of the Kuban-Black Sea region in 1922 The decree even specially allocated category of people - "rasselentsy" and in paragraph 2 of the said act stated: "All citizens are entitled to allotment of land in order Art. 9 Zemkodeksa living in localities recognized land-hungry and want to get the land if they are landless or expand their use of land are allowed to move out on the free supply of land Kubcheroblasti "[10 L.2.]. Moreover, the "settlers" "... in order to provide the greatest freedom" given the right to choose their place of settlement, which offers a "divided into several groups, with the amount of not less than 50 families each." New "migrants" with the consent of the Regional Economic Conference established "benefits in the form of full or partial exemption from the execution of their duties of national local: military, food tax, etc. in tech. One or more years at the new field device.. Note the Cossacks is not mentioned, and its vital economic interests are not taken into account, because the authorities were "largely meet the wishes of the poor to / x of the population" [11. Sh.2.], to which the Cossacks in its predominant weight did not apply.

A natural ally of the Bolsheviks in the elimination of farm land in the Cossack Kuban made widely unfolded spontaneous migration, in turn, caused by the consequences of revolutionary social upheavals and bloody civil war, which broke out on the background of agrarian crisis and the accompanying famine in the Russian countryside. Peasant migration flow surged in areas considered to be more gracious Kuban.

As a result, land issues have taken extraordinary sharpness, nonresident personified enemy identity, threatened traditional Kuban stanitsa society [12. P.175-177.]. The class hatred was so strong that the Cossacks talked openly - "Bey Gorodovikov ..., Do not let the ground ... Gorodovikov, evict non-resident from the village, etc." [13.L.42.]. In many villages during land shall be two lists using land use right - another Cossack, "a rustic". [14.Sh. 3-16]. Cossacks sought to deprive the right to land and other cities have taken the initiative to make division of the land into three categories: namely, first of all we have to enter into the second Cossack population nonresident indigenous people, and only then in the third "alien element". However, at meetings in many villages on the land issue shall rule, a piece of land of emigrants living abroad arguing that they still are the original inhabitants of the Kuban.

In the archival materials of the Documentation Centre of the Krasnodar Territory was postponed many documents recording the attitude of the population to the land management policy. Weekly reports showed growth of discontent are held land management. The discontent was caused by the high stakes for land management, its slowness, illegal granting of other segments of the population. In the first case was dissatisfied with the poor, the Red Army and other towns in the other - the Cossacks.

By eliminating class inequality in land use between the Cossacks and the problem was solved in other cities for the 98% non-resident population came to the Kuban to May 22, 1922 for 65% of the non-resident population has arrived to Kuban thereafter, until 1 January 1926. The uneven land between members of land companies has been arranged on the area of 86% and only 14% of the territory are arranged at the start of the Land Code of razverstochnoy one on consumer [15.L.]

Welcoming the Soviet laws arriving peasants demanded alterations and land holdings.

The right to receive priority distribution of land settlers who came to the Kuban to May 22, 1922 [16.s.48.]. Of particular importance for landless farmers Kuban-Black Sea Oblast had articles of the Code defines the procedure for the distribution of public lands among all its members on an equal footing.

Attention is drawn to the fact that the resident population and in no hurry to apply to the collective forms and strive towards individualization of their farms. In the Kuban from the beginning of development of the territory of the individual form of land use was widespread.

The Bolsheviks tried to purposefully use the current socio-economic situation for the implementation of its political doctrine and attempted management of migration flows in order to attract new converts to his side.

In 1923, the Soviet government turned to mountaineers with a proposal to move to the foothills, on unused land of large landowners who are forced, for obvious reasons, to leave their native land of the Kuban. On appeal authorities actively responded Estonians, Germans and Greeks, who sought favorable places to stay. In addition immigrants receive benefits in the form of full exemption from agricultural tax for one year.

Thus, the Land Code of 1922 laid down the basic principles and content of subsequent land policy, the new level will confirm the variety of forms of land use and forms of farming. Regional peculiarities of land relations formed as a result of Soviet reforms have led to numerous conflicts with other cities of the Cossacks public, then and soldiers staying in the Kuban and settle in villages and hamlets are not contributing to the modernization of the agricultural sector.

Information about the author

Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Получена: 18 февраля 2016 г.

Для цитирования статьи: Федина И.М. Регулирование земельных отношений на Кубани в 1920-е годы. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 39-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-39-45. [ru; en]

Информация об авторе

Fedina Irina M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Received: 18th Feb. 2016

For article citation: Fedina I.M. Land regulation in Kuban in the 1920s. Krasnodar. Isttoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 39-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-39-45. [ru; en]

UDC 94(479) «13/14» [en; ru]

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58

KHOTKO Samir Kh.,Adygeyan Republican Institute of Humanitarian Researches named after T. Kerashev,
Maykop City, Russia
inalast@mail.ru**ХОТКО Самир Хамидович,**Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Россия
inalast@mail.ru**CIRCASSIAN PRINCIPALITIES IN THE XIV-XV CENTURIES: FORMATION AND INTERRELATION WITH SUB-ETHNIC GROUPS****ЧЕРКЕССКИЕ КНЯЖЕСТВА В XIV-XV ВЕКАХ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ С СУБЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ**

One of the topical issues of the ethno-political history of Circassians of the late medieval period remains the problem of formation of fiefdoms (principalities) during the XIV-XV centuries, which took most part of the distance of the foothills of the North Caucasus from the Kerch Strait in the west to the Sunzha in the east. The sources of that period named population of the Taman "island" as 'Zikhs' or Circassians. But, along with that, in the Genoese correspondence of the XV century, in relation to the population of the "island" they quite often used the tribal or territorial name "Ghetiks". The author compares that name with Adygeyan ethnonym 'Hytuk' – "islanders" – which marked the Circassian population of the Taman Peninsula. Circassian Principality, within which there was the trade settlement of Copa, occupied the area between the Kuban and the Sea of Azov. Its Circassian name remains unknown, but provisionally we can use the definition "Circassian principality of Copa". G. Interiano described the lifestyle of the Circassian population using the example of that principality. Hytuk, Copa, Sobay (Hatukay) Kremuk (Temirgoy), Kabarda – here's the known list of the Circassian principalities according to the present level of analyze of the historical sources. On that basis in the XVI century further development of the fiefdoms took place. Thus, there was a decentralized, but militarily and politically very stable "country" under the single name of Circassia, a sort of confederation of principalities and self-governing territories of the mountaineers. The visible feature of that politically not united "country" was that on the most important issues concerned the foreign policy (for example, alliance with Moscow under Ivan IV) subjects of that space pursued the coordinated politics.

Одним из актуальных вопросов этнополитической истории адыгов периода позднего средневековья остается проблема формирования феодальных владений (княжеств), в XIV–XV вв. занявших большую часть дистанции предгорий Северного Кавказа от Керченского пролива на западе до Сунжи на востоке.

В источниках этого периода население Таманского «острова» именуется зихами (черкесами). Но наряду с этим в генуэзской переписке XV в. в отношении населения «острова» достаточно часто использовалось племенное или территориальное название «гетики». Автор сопоставляет это название с адыгским этнонимом *хытук* «островитяне», которое обозначало адыгское население Таманского полуострова. Черкесское княжество, в пределах которого находилась фактория Копы, занимало пространство между Кубанью и Азовским морем. Дж. Интериано описал быт черкесов на примере населения именно этого княжества. Его адыгское наименование остается неизвестным, но условно мы можем использовать определение «черкесское княжество Копы». *Хытук*, *Копы*, *Собай* (*Хатукай*), *Кремук* (*Темиргой*), *Кабарда* – вот известный перечень княжеств Черкесии при современном уровне знания источников. На их основе в XVI в. произошло дальнейшее развитие феодальных владений. Таким образом, складывалась децентрализованная, но весьма устойчивая в военно-политическом отношении «страна» под единым названием Черкесия, своего рода конфедерация феодальных владений и самоуправлявшихся горских территорий (соприкасаемых братств). Зримой чертой этой политически неединой «страны» является то, что по самым важным внешнеполитическим вопросам (например, союз с Москвой при Иване IV) субъекты этого пространства проводили скоординированную политику.

Keywords: Circassia, Zikhia, Ghetiks, principality of Hytuk, the Taman Peninsula, Matrega, Copa, Kremuk, Kabarda

Ключевые слова: Черкесия, Зихия, Матрега, гетики, Хытук, Копы, Собай, Кипике, Кремук, Кабарда.

The problem of formation of fiefdoms (principalities), well-known in sources of the XVI-XVII centuries, remains one of the topical issues of the ethno-political history of Circassians in the late medieval period. In the framework of this article we will consider the question about the territory and the local uniqueness of the group of historical "prototypes" of a number of principalities – Hatukay, Temirgoy, Kabarda, and some others.

During the Horde epoch in the history of the North-West Caucasus¹ there was a process of Circassia's territorial growth. As 'Circassia' the space occupied by Circassian principalities was known. Synonymous definition of Circassia was the old, rooted in antiquity name Zikhia.

In the XIV-XV centuries a number of significant Circassian principalities, occupying the most part of the distance of foothills of the North Caucasus from the Kerch Strait in the west to the Sunzha

¹ Note: The chronological framework of the Horde or the late medieval era in the history of the North-West Caucasus can be determined between 1237, when the Mongol conquest of Circassia happened, and 1502, when the Great Horde (Takht Eli), successor of the Golden Horde, ceased to exist.

in the east, developed. Circassian (Kabardian) burial cemeteries marked a considerable space to the east of the Sunzha as well [1, pp. 240-242].

As soon as Zikhian (Circassian) feudal lords managed to increase their total ownerships that is the entire territory of "the country" - Circassia, trends towards decentralization of the once largely unitary space were inevitably increasing. In the XIV-XV centuries in Genoese correspondence there is the mention of "the Prince of Zikhia" that may be regarded as evidence, albeit nominal, of the status position of the senior prince. "Prince of Zikhia" negotiated with the authorities of Caffa, but never appeared as an autocratic ruler. Almost always such reference is met among a number of other influential princes.

This article is devoted to clarifying of the structure of the domestic space of Circassia.

Principality Hytuk.

The Taman Peninsula in the XIII-XV centuries was described as a part of Zikhia (Circassia). Its geographic isolation and the high degree of involvement into the international economic and political relations predetermined the appearance of a strong fief [2, pp. 151-152].

In the XIII-XV centuries the main commercial, industrial and cultural centre of Zikhia was Matrega. Around Matrega Zikhian population was grouping together, which likely formed a large part of population of the Taman Peninsula. The second largest ethnic community, as we suppose, should be Greeks traditionally inhabited the coastal areas of the North-West Caucasus. Representatives of various Turkic ethnic groups and Jews, though in very small numbers, were to be a characteristic part of the ethnographic "atlas" of the region, too.

The sources of that period named population of the Taman 'island' as Zikhs (Circassians). But, along with that, in Genoese correspondence of the XV century in relation to the population of the "island" they quite often used the tribal or territorial name "Ghetiks". So, in 1472, Zaccaria de Ghizolfi wrote the consul of Caffa that he could detain debtors "no way due to proximity of the princes and the people of Ghetiks"; «Quod fleri nullo modo potest propter vicinitatem dominorum et populorum geticorum» [3, p. 844].

As Ghetiks, obviously, he mentioned Zikhs (Circassians). But why were they named Ghetiks? In Adygeyan ethnonymics there is a name like 'hytuk' - "islanders", which defines the Circassian population of the Taman Peninsula [4, p. 197]. The lexeme 'hytyku' was formed from the words 'hy' - "sea", 'tyku' - "countryside" [5, pp. 406, 449]. According to this model a number of toponyms - Pseytuk, Hashtuk and others - were formed.

In the XVII-XVIII centuries the synonym of Adygeyan 'hytuk' was the Turkish-Tatar 'adale' - "islanders", where 'ada' means "island" [6, p. 110-111]. The most part of "Hytukians" in the XVIII century, apparently were Hegaks ('хэгъаклэ', 'Hehhadch' mentioned by Khan Giray, 'Shegaks' in works of Chelebi). In the XVI-XVIII centuries the habitation territory of Hegaks included the area of Anapa and the Taman Peninsula.

In the XIII-XV centuries in the possession of Hytuk princes there could be included not only the Taman Peninsula, but also the neighboring areas. They were quite likely to have the greatest political weight as far as Matrega was a kind of the capital of Zikhia, where the residence of the archbishop was located.

Since 1419 Matrega fully or partially got under ruling of the noble Genoese family Ghizolfi which intermarried with the local Circassian dynasty. As a son-in of the Taman Circassian prince Vincent de Ghizolfi settled there. However, not Vincent, and his father, Simon de Ghizolfi, became the ruler of Matrega. Apparently Simon received Matrega as a dowry of his daughter-in-law. F. Brun noted that in Matrega at the beginning of the XV century prince Berozok (Berozoch) ruled, being the father of princess Bika-caton, from whom her son from the marriage with Vincent Ghizolfi, Zaccaria (Zaccaria de Ghisolfi) inherited the power [7, c. 232-233]. Zaccaria admitted later that his grandfather Simon was a tributary of prince Dzhambek (domino Jambech) [8, p. 110; 9, p. 392].

From the correspondence, which was conducted by Zaccaria with the authorities of Caffa, we can find out the names of three princes (grandfather, son and grandson), in whose possession not only Matrega, but, apparently, the whole Taman Peninsula and some other areas in the west of Circassia were. They are Dzhambek, Kostomok, Kadibeld. How did Dzhambek and Berozok correspond? Most likely they were one and the same person. Perhaps, Berozok was the father of Dzhambek or they were brothers.

The relationship between Ghizolfi and the family of Berozok-Dzhambek could acquire a strung character from time to time. However, relying on the Circassian military resources allowed Ghizolfi feeling as independent rulers [9, p. 390].

The example of the obvious relationship of half-forgotten community Hytuk about which in the 1830s Khan Giray considered to be important to mention, with the area (principality) of "Ghetiks" in Italian documents, was the evidence in favor of the point of view, according to which the most part of Adygeyan principalities or the lands began forming in the XIV-XV centuries.

Principality Copa.

The second most frequently mentioned, after Matrega, "city" in Zikhia is Copa or Copario. It was a large settlement on the right bank of the Kuban, in 28 Italian miles from its mouth, on the territory of a feudal ownership.

The Circassian principality, within which Copa was situated, occupied a space between the Kuban and the Sea of Azov. Interiano described the lifestyle of the Circassian population using the example of that principality. Its Circassian name remains unknown, but conditionally, following T.A. Dzuganov, we can use the definition "Circassian principality Copa" [10, pp. 48-49].

It is likely that the military and political influence of "Principality Copa" extended over all eastern part of the Sea of Azov. Francesco Balducci Pegolotti, a Florentine merchant and a statesman, the author of the treatise "Trade Guidance" (1335-1343), considered the harbors along the eastern shore of the Sea of Azov as ports of Zikhia (Zecchia) [11, pp. 54-55]. There was an idea that Tana was within Circassia. So, in 1404 Galonifontibus noted that the city and the port of Tana are in 'capite Sicie', i.e. in "upper Zikhia" [12, p. 107].

The Genoese correspondence contained some information about a Circassian family, that ruled in Copa: there were prince Berzebuk (dominus Coparii Berzebuch, the sources mentioned transliteration 'Belzebok', 'Parsabok' and 'Parsabiok'); his wife Borunda (domina Borunda), who was more powerful; their son Kambelot (Cambelot) [7, p. 234]. In 1471 Caffa armed a fusta (warship) for protection of merchant ships travelling to Copa as Berzebuk had demonstrably ceased to pay attention to their protection [8, p. 111-112]. Ambassador Cavalino Cavallo being aimed by Caffa authorities to Circassia, managed to achieve a new agreement with the Circassian princes. In May of 1471 the consul of Caffa Oberto Scuarchiafico reported on that issue to Genoa: "He managed to arrange everything according to our will and conclude a condition with Prince Biberdi and Petrezok, Prince of Zikhia and Berzebuk, Prince of Copario, and his wife (domino Biberdi et Petrezos domino Zichie ac cum Belzeboc et socio domino Coparij)" [8, p. 112; 3, p. 784].

Caffa authorities were forced to conduct separate negotiations with Berzebuk. In relation to conclusion of an agreement protectors wrote on December, 15, 1472, to Consul of Caffa, "Peace agreement signed by you with the prince of Copa Parsabok (Parsabioc domino Coparij), on the conditions you described, we consider to be useful ... Much more commendable is that you are trying to live in peace and to avoid situations of conflict with all the authorities and the peoples of the sea" [8, pp. 112-113; 3, p. 883].

Berzebuk, apparently, possessed a considerable wealth and was famous for having built a stone castle in Copa [9, p. 397]. In 1475, after the capture of Caffa, the Ottoman troops occupied and ravaged Copa and its unnamed Circassian prince died defending the city [8, p. 128].

Principality Sobay.

I. Barbaro mentioned among the Circassian tribes Sobayans. That allows suggesting that the territorial community became a basis for formation of an independent principality. We can assume that it was in the western sector of Transkuban, in the valleys of the rivers Il, Ubin, Afips and Shebsh [13, p. 52].

According to Khan Giray, the senior vassals of Hatukay princes Cherchanokovs (Kerkanokovs) were tlektleshes Sobeepshe-r with Soba village on the river Belaya (Shhhakoashe) [4, p. 184]. They were called, in fact, princes, as far as they say 'Sobaepschher', i.e. Sobayan princes. Kabak (village) Subay with 500 houses was described by Evliya Chelebi in 1666, between the rivers Afips and Shebsh [14, p. 65-66].

We can suppose that Sobay and its princes maintained independence during the XV century and then became a part of Temirgoy principality. After dividing of Temirgoy in Hatukay and actually Temirgoy, Sobayans regularly appeared within the estates of Hatukay princes - descendants of the prince named H'atik'o (Hhatikko) [4, p. 176-177].

The isolation of Hatukay out from Temirgoy happened within the 30-ies of the XVI century, as in the "History of Sahib Giray Khan" of Remmal Hodja dedicated to the campaigns of Sahib Giray into Circassia, including in 1551, Hatukay princes were mentioned - two brothers El'ok (probably Aleguk) and Antanuk, sons Dzhanbek, and while they were still "children of Hantuk (Hyntyk)." [15, p. 110]. It is

obvious that as Hantuk the founder of the genus Hatuko (Hatiko) or estate Hatukay (Hatikuay) was supposed what was convincingly shown by E.N. Kusheva [16, p. 137-138].

Principality Kremuk.

The sources of that period frequently mentioned the fief of Kremuk. About 1452 that principality was described by I. Barbaro: "If you go from Tana along the coast of the said sea, then after three days' journey inland from the coast you can meet the region called Kremuk (Cremuch). The ruler of it has the name Biberdi (Biberdi), which means "God-given." He was the son of Kertibey (Chertibei), which name means "true lord". Under his rule there are many villages, which as needed can give two thousand horsemen. There are wonderful steppes there, a lot of great forests, many rivers. Notable people in the area live touring over the steppes and robbing, particularly merchant caravans going from place to place. Local inhabitants have excellent horses, they have treacherous bodies and insidious minds; they faces are similar to our compatriots. In the country there is a lot of bread, as well as meat and honey, but no wine" [17, p. 137; 18, p. 16 (turn)].

It is believed that Kremuk included a number of small principalities and occupied a space from Psekups in the west and till the Laba in the east. Also, it is possible that under the authority of the Kremuk princes there were big areas on the right bank of the Kuban. Principality Kremuk, apparently, should be compared to the prince's possession Kemirgoy (Temirgoy), as well as with the area of Belorechenskaya archaeological culture [19, pp. 210-211; 20, p. 280].

The center of that principality was in the area of modern towns of Maykop and Belorechensk on the Belaya river. The territory of historical Kremuk distinguishes with a special wealth of the burials, which was underlined by the first researcher of Belorechensk mounds N.I. Veselovskiy who excavated 84 mounds during 1896-1907. [21, pp. 2-60]. O.V. Miloradovich assumed that "somewhere around settlement Belorechenskaya the centre of Circassia was placed, where its richest representatives lived and Belorechenskiy burial mound was their burial place" [22, p. 351].

In the southern direction Belorechensk mounds raised high into the mountains, so we can assume that the principality occupied the whole upland massif of central Transkuban. In this regard, the finding of rich military graves near Novosvobodnaya village on the river Fars confidently correlated with the habitat of Belorechenskaya culture and dating of the XIV-XV centuries, has a great importance. [23, p. 205-214].

The first cartographic evidence of Principality Kremuk is met in the "Mappamondo" ("World Map") of Fra Mauro, 1459: '*P. Chremuch*', where '*P.*' is the '*pays*' "country, land, area" [24]. That name is placed between the mountain range, representing the Main Caucasian ridge, and the Kuban, which is exactly in the area where in the next century there was Temirgoy estate.

In the XVI century Kemirgoy Princes and Principality Kemurguy (Kemürgüy) appeared in the Ottoman sources [25, pp. 314, 439-441]. *Kemirgoy*, *Kemorhi*, *Kumirginsk* Cherkases often appear in the documents of the Russian Ambassador «*Prikaz*» in the XVII century. [26, pp. 90, 93, 97, 279]. In 1808 J. Klaproth pointed out that "Kemirkuehi (Kemurke) is a strong Circassian kin, consisting of five thousand families, called by Tatars as *Temirgoys*" [27, p. 240].

The name of Adygeyan subethnos of Temirgoys in the modern Circassian language has the form of Ch'emguy (к'эмгуй). It should be noted that in Shapsug pronunciation the form of the name as a K'emguy (к'лемгуй), which can be regarded as a link with the old tradition pronunciation 'Kemirguey', remains. This discourse is supported by retaining in the modern Kabardian language of the form Ch'emyrguey (к'эмыргуй) - Temirgoys [28, p. 338].

Principality Kipike.

In the XIX century the common point of view among Circassians was the idea that the Circassian principality in the form in which they existed in the last century, had formed during the Genoese presence [29, p. 220; 30, pp. 7-8; 31, p. 20].

In this respect, it is interesting to compare the tribe of Kippike - Chippiche, mentioned by Iosafat Barbaro in the middle of the XV century, beside with Kremuk and Kabarda [18, p. 56 (turn)], to the noble family Chupako (Adygeyan - Tsupako).

In the first half of the XIX century this kin, together with its numerous vassals and clients was perceived as an independent Circassian "tribe of Chipakou" according to Spencer [32, p. 24] and "the powerful tribe of Chipak" in papers of Longworth [33, p. 61]. According to Bell - Tshupako [34, p. 287], as Khan Giray mentioned them as Vvpako-r [4, p. 208]. That dual Vv- should not fool us. In that way Khan Giray pitched adyge sound 'tsu'. So, Chepsin (Tsyuepsin, Vulcan) according to Khan Giray was transcribed as Vv-psin. As Khan Giray supposed, Vvpako-r – the leading noble family of Natuhay (Natkhookoadzh) tribe.

There was a tradition to identify themselves with a certain high-born family, and in the sources we can find Dzhanchatovians, Anchokovians, Daurovians and other names, behind which there are not only representatives of noble families, but also all those who inhabited a region, on the territory of which the power advantages belonged to their noble families. That practice has, in fact, a universal character, and it is likely that as 'Chippiche' of the XV century was not that a principality or a sub-ethnic division, but a noble kin, must be understood. Still the question whether we can surely assume that Circassian 'Tsupak'o' was naturally transliterated by Barbaro as 'Chippiche' remains problematic.

The kin of Tsupako (Chupako, Supako) controlled the most part of Natkhokuadzh. According to Lhuillier, Chupako with Kabardinians came from the Crimea, and dwelt together with Natuhays on the coast [35, p. 233]. The same genealogical line was held for Shapsugian tlektlesh kin of Abat. Though, Abats were considered as relatives or an offshoot of the primary Kabardian nobles of Tambievs and Chupako - Kudenetovs.

Principality Kabarda.

Kabardians were mentioned for the first time by I. Barbaro, who recorded their settling to the east from Circassian principality Kremuk, as to the east from Kabardians - Alans. That was he again who also mentioned the form 'Karbatey' - very close in its pronunciation to forms 'Karbatay', 'Kabartay' in the Western-Adygeyan dialects [18, pp. 56 (turn), 57; 36, pp. 226-227].

The basic condition for Circassia's growth into the east direction was the conquest of Mongols and the total ruining of Alania. It can be assumed that penetration of Circassians into disintegrated and sparsely populated Alania was started in the XII century, but the mass and organized migration of Circassians began after destruction of the main Alanian settlements in the 50-70-s of the XIII century.

In the period after the fall of Dedyakov (1278) and until 1318, when in the headquarters of Uzbek Khan at the Sunzha river, "under the town Tyutyakov", Prince of Tver Michael was killed, some groups of Circassians most likely were in the valley of the Terek. The author of "The Tale about Mikhail of Tver", who as some believed had witnessed the murder of Michael in the headquarters of Uzbek Khan, said that it happened "beyond the river Terk, on the river Seventsi, under the town of Tyutyakov, after passing the high mountains Yassky'ya, Cherkessky'ya near the Iron gate." Dedyakov town was identified as Upper Dzhulat. We can assume that if the mountains very next to Dedyakov town at the beginning of the XIV century were known as "Cherkessky'ya" then Circassians' relocation onto that area had preceded that time [37, p. 27].

I.A. Mustakimov gives some information of Utemish-Hajji, according to which, "being on his deathbed Khan Toktaga (Tokta), having learned from his wife Kelin-Bayalyn that she hid in the "Circassian vilayet" his nephew, future Uzbek Khan, sent an army after him". Abd al-Ghaffar Kyrymi reported that "Kelin-Bayalyn, named by the way, as "the daughter of [one of] Chaghatay Sultans" secretly for Tokta sent Uzbek to some Inal-bek living in location Kabartay of Circassian vilayet" [38, p. 276].

Barbaro provided another evidence of a significant Circassia's spreading outside to the east. During narration about an episode of the internecine struggle of Tatars which took place about 1438, he pointed out that a large army of Tartars, led by rebel children of Khans from the area of Kumykia (le campagne de Tumen), in the lower reaches of the Terek, moved to the mouth of the Don, "having rounded Circassia" (intorno apreso la Circassia) [17, §15].

One of the most important narrative evidences of existence of Kabarda is a message of Russian chronicles about escaping in the fall of 1445 into the "Cherkassian land" of Kazan princes Qasim and Yaqub, sons of Khan Ulug-Mohammed. According to Russian sources, the princes were hiding from their brother Mahmutek who had killed the father and one of his brothers Yusuf. It was known that before heading into Circassia, the brothers moved to Astrakhan. From there they went to "Cherkassian land" where the princes found a safe haven, gathered an army and marched on Moscow [39, p. 118]. Sh.F. Mukhamedyarov noted that in the case of the moving the princes of Kazan the question was about Circassian region, "located in the immediate vicinity of the Lower Volga region" [40, p. 158].

Conclusions.

So, Circassia's territorial growth in the XIV-XV centuries was accompanied by the process of formation and isolation of significant in territory and population fiefdoms controlled by separate princely dynasties.

Hytuk, Copa, Soba (Hatukay), Kremuk (Temirgoy), Kabarda - that is the known according to the present level of analyze of the sources, list of principalities of Circassia. On their basis in the XVI century there was further feudal isolation and in the sources such principalities as Hegak, Zhaney (later divided into two parts - Great and Little Zhaney), Bzhedug, Besleney appeared. In the middle of the XVI century Kabarda was divided into four big inheritances - estate of Psheapshoko Kaytukin, on the basis of which then Kazyeva Kabarda ("prototype" of Great Kabarda) appeared; Idarey (Idarova Ka-

barda, own estate of Temryuk Idarovich, father in law of Ivan IV), estate of Sholokh Tapsarukov (Tatlostaney or Sholokhova Kabarda); Dzhilyahstaney. The last two inheritances formed Minor Kabarda.

Thus, there is a decentralized, but very stable in the military and political relations "country" under the single name of Circassia, a sort of confederation of fiefdoms and self-governing mountain territories (allied fraternities). The visible feature of that politically not united "country" was that in the most important issues of the foreign policy (for example, alliance with Moscow ruled by Ivan IV) subjects of that space pursued the coordinated politics.

ЧЕРКЕССКИЕ КНЯЖЕСТВА В XIV–XV ВЕКАХ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ С СУБЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

Одним из актуальных вопросов этнополитической истории адыгов периода позднего средневековья остается проблема формирования феодальных владений (княжеств), хорошо известных по источникам XVI–XVII вв. В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос о территории и локальном своеобразии группы исторических «прототипов» ряда княжеств – Хатукая, Темиргоя, Кабарды и некоторых других.

На протяжении ордынской эпохи в истории Северо-Западного Кавказа¹ происходил процесс территориального роста Черкесии. Под Черкесией было известно пространство, занятое черкесскими княжествами. Синонимом определения Черкесия было старое, уходящее корнями в античность название Зихия.

В XIV–XV вв. сложился ряд значительных черкесских княжеств, занявших большую часть дистанции предгорий Северного Кавказа от Керченского пролива на западе до Сунжи на востоке. Черкесские (кабардинские) курганные некрополи маркируют и значительное пространство на восток от Сунжи [1, с. 240-242].

По мере того как зихским (черкесским) феодалам удавалось увеличить свои совокупные владения, то есть общую территорию «страны» – Черкесии, неизбежно нарастали тенденции к децентрализации некогда в большей степени унитарного пространства. В XIV–XV вв. в генуэзской переписке есть упоминания о «князе Зихии», что вполне можно расценить как свидетельство пусть и номинального, но статусного положения старшего князя. «Князь Зихии» вел переговоры с властями Каффы, но никогда не фигурировал как самовластный правитель. Почти всегда такое упоминание делается в ряду других влиятельных князей.

Данная статья посвящена прояснению структуры внутривосточного пространства Черкесии.

Княжество Хытук

Таманский полуостров в XIII–XV вв. описывается как часть Зихии (Черкесии). Его географическая обособленность и высокая степень вовлеченности в международные экономические и политические отношения предопределили складывание сильного феодального владения [2, с. 151-152].

В XIII–XV вв. главным торгово-промышленным и культурным центром Зихии являлась Матрега. Вокруг Матреги группировалось зихское население, которое, по всей видимости, составляло большую часть населения Таманского полуострова. Вторую по численности этническую общину, как нам представляется, должны были составлять греки, традиционно населявшие прибрежные районы Северо-Западного Кавказа. Представители различных тюркских этносов и евреи также, пусть и в очень небольшом числе, должны были быть характерной частью этнографического «атласа» этого региона.

В источниках этого периода население Таманского «острова» именуется зихами (черкесами). Но наряду с этим в генуэзской переписке XV в. в отношении населения «острова» достаточно часто использовалось племенное или территориальное название «гетики». Так, в 1472 г. Заккария де Гизольфи писал консулу Каффы, что задерживать должников «он никоим образом не может из-за близости князей и народа гетиков» - «quod fleri nullo modo potest propter vicinitatem dominorum et populorum geticorum» [3, с. 844].

¹ Хронологические рамки ордынской, или позднесредневековой, эпохи в истории С.-З. Кавказа можно определить между 1237 г., когда произошло монгольское завоевание Черкесии, и 1502 г., когда прекратила существование Большая Орда (Тахт Эли), правопреемник Золотой Орды.

Под гетиками, очевидно, имеются в виду зихи (черкесы). Но почему они названы гетиками? В адыгской этнонимике есть такое название, как *хытук* «островитяне», которым определялось адыгское же население Таманского полуострова [4, с. 197]. Лексема *хытыку* состоит из слов *хы* «море», *тыку* «местность», «кут» [5, с. 406, 449]. По этой же модели образован ряд топонимов: *Псейтук*, *Хаштук* и пр.

В XVII–XVIII вв. калькой адыгского *хытук* являлось турецко-татарское *адале* «островитяне», при *ада* «остров» [6, с. 110–111]. Основную часть «хытукцев» в XVIII в., по всей видимости, составляли хегаки (*хэгъакIэ*, *хеххадч* у Хан-Гирея, *шегаки* у Челеби). В XVI–XVIII вв. территория расселения хегаков включала район Анапы и Таманский полуостров.

В XIII–XV вв. во владения князей Хытука мог входить не только Таманский полуостров, но и сопредельные районы. Они, вполне вероятно, обладали наибольшим политическим весом, поскольку Матрега являлась своего рода столицей Зихии, здесь же помещалась резиденция архиепископа.

С 1419 г. Матрега полностью или частично перешла в управление знатного генуэзского семейства Гизольфи, которое породнилось с местной черкесской династией. В качестве зятя черкесского таманского князя здесь поселился Виккентий де Гизольфи. Впрочем, не Виккентий, а его отец, Симон де Гизольфи, стал правителем Матреги. Симон, по всей видимости, получил Матрегу как приданое своей невестки. Ф. Брун отмечал, что в Матреге в начале XV в. правил князь Берозок (*Berozoch*), отец княгини Бика-катон, власть от которой унаследовал ее сын от брака с Виккентием де Гизольфи, Заккария (*Zaccaria de Ghisolfi*) [7, с. 232–233]. Впоследствии Заккария признавал, что его дед Симон являлся данником князя Джамбека (*domino Jambech*) [8, с. 110; 9, с. 392].

Из переписки, которую вел Заккария с властями Каффы, становятся известны имена трех князей (деда, сына и внука), во владении которых находилась не только Матрега, но, по всей видимости, весь Таманский полуостров и еще какие-то территории на западе Черкесии. Это Джамбек, Костомок, Кадибелд. Как соотносятся Джамбек и Берозок? Вполне вероятно, что это один и тот же человек. Возможно, что Берозок – отец Джамбека или они являлись братьями.

Отношения между Гизольфи и семейством Берозока-Джамбека могли по временам приобретать натянутый характер. Тем не менее именно опора на черкесский военный ресурс позволяла Гизольфи чувствовать себя самостоятельными правителями [9, с. 390].

Пример очевидной взаимосвязи полузабытой общности Хытук, о которой в 30-е гг. XIX в. посчитал важным упомянуть Хан-Гирей, с областью (княжеством) «гетиков» итальянских документов свидетельствует в пользу той точки зрения, согласно которой большая часть адыгских княжеств или земель начала формироваться в XIV–XV вв.

Княжество Копы

Второй по частоте упоминания, после Матреги, «город» в Зихии – Копы, или Копарио. Это было крупное поселение на правом берегу Кубани, в 28 итальянских милях от устья, на территории феодального владения.

Черкесское княжество, в пределах которого находилась Копы, занимало пространство между Кубанью и Азовским морем. Интериано описал быт черкесов на примере населения именно этого княжества. Его адыгское наименование остается неизвестным, но условно, вслед за Т.А. Дзугановым, мы можем использовать определение «черкесское княжество Копы» [10, с. 48–49].

Вполне вероятно, что военно-политическое влияние «княжества Копы» распространялось на все восточное Приазовье. Франческо Бальдуччи Пеголотти, флорентийский купец и государственный деятель, автор трактата «Руководство по торговле» (1335–1343), считал гавани вдоль восточного берега Азовского моря портами Зихии (*Zecchia*) [11, с. 54–55]. Существовало представление о том, что Тана находится в пределах Черкесии. Так, в 1404 г. Галонифонтибус отмечал, что город и порт Тана находятся в *capite Sicie*, то есть «верхней Зихии» [12, с. 107].

В генуэзской переписке содержится некоторая информация о черкесском семействе, управлявшем Копой: это князь Берзевук (*dominus Coparii Berzebuch*, в источниках встречаются транслитерации Белзевук, Парсабук и Парсабиок); его супруга Борунда (*domina Borunda*), обладавшая большой властью; их сын Камбелот (*Cambelot*) [7, с. 234]. В 1471 г. Каффа вооружила фусту (военное судно) для охраны торговых судов, направлявшихся в Копы, поскольку Берзевук демонстративно перестал уделять внимание их охране [8, с. 111–112]. Посол Кавалино Кавалло, направленный властями Каффы в Черкесию, добился заключения нового соглашения с черкесскими князьями. В мае 1471 г. консул Каффы Оберто Скварчафико сообщил по этому поводу в Геную: «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди и Петрезеком, князем Зихии, а также Берзевуком, князем Копарио, и его супругой

(domino Biberdi et Petrezoc domino Zichie ac cum Belzeboc et socio domino Coparij)» [8, с. 112; 3, с. 784].

Власти Каффы были вынуждены вести отдельные переговоры с Берзевуком. По поводу заключения договора протекторы писали 15 декабря 1472 г. консулу Каффы: «Мир, заключенный вами с князем Копы Парсабоком (Parsabioc domino Coparij, он же Берзевук, прим. С.Х.), на условиях, вами описанных, считаем полезным... Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того моря жить в дружбе и избегать случаев столкновения» [8, с. 112-113; 3, с. 883].

Берзевук, по всей видимости, обладал значительным богатством и прославился тем, что построил каменный замок в Копе [9, с. 397]. В 1475 г., после захвата Каффы, османский десант занял и разорил Копу, а неназванный по имени черкесский князь погиб при обороне города [8, с. 128].

Княжество Собай

И. Барбаро в ряду черкесских племен упоминал собайцев. Это позволяет предположить, что эта территориальная общность стала основой для формирования самостоятельного княжества. Вероятно, оно находилось в западном секторе Закубанья, в долинах рек Иль, Убин, Афипс и Шебш [13, с. 52].

Согласно Хан-Гирею, старшими вассалами хатукаевских князей Черчаноковых (Керканоковых) были тлелотлеши Собеепше-р с аулом Собай на р. Белой (Шххакоаше) [4, с. 184]. Их именовали, фактически, князьями, поскольку говорили Собаепшхэр, то есть собаевские князья. Кабак (селение) Субай из 500 домов описан Эвлией Челеби в 1666 г. между реками Афипс и Шебш [14, с. 65-66].

Можно полагать, что Собай и его князья сохраняли самостоятельность на протяжении XV в. и потом стали частью Темиргоевского княжества. После дробления Темиргоя на Хатукай и собственно Темиргой собайцы закономерно оказались в пределах владений князей Хатукая – потомков князя по имени Хьятикьо (Ххатикко Хан-Гирея) [4, с. 176-177].

Вычленение Хатукая из Темиргоя произошло не позднее 30-х гг. XVI в., поскольку в «Истории Сахиб-Гирей-хана» Реммал-ходжи, посвященной походам Сахиб-Гирея в Черкесию, в том числе и 1551 г., фигурируют хатукаевские князья – два брата Эльюк (вероятно, Алегук) и Антанук, сыновья Джанбека, и при этом они еще и «дети Хантука (Хынтыка)» [15, с. 110]. Очевидно, что под Хантуком имеется в виду основатель рода Хатуко (Хатико) или владение Хатукай (Хьятикьюай), что убедительно было показано еще Е.Н. Кушевой [16, с. 137-138].

Княжество Кремук

В источниках этого периода достаточно часто упоминается феодальное владение Кремук. Около 1452 г. это княжество описано И. Барбаро: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук (Cremuch). Правитель ее носит имя Биберди (Biberdi), что значит "богом данный". Он был сыном Кертибея (Chertibei), что значит "истинный господин". Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно купеческие караваны, проходящие с места на место. У здешних жителей превосходные лошади, сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина» [17, с. 137; 18, с. 16 (оборот)].

Можно полагать, что Кремук включал в себя ряд мелких княжений и занимал пространство от Псекупса на западе до Лабы на востоке. Также вполне возможно, что под властью князей Кремука были значительные территории на правобережье Кубани. Княжество Кремук, по всей видимости, следует сопоставить с княжеским владением Кемиргой (Темиргой), а также с ареалом белореченской археологической культуры [19, с. 210-211; 20, с. 280].

Центр этого княжества находился в районе современных городов Майкоп и Белореченск на реке Белая. Район исторического Кремука выделяется особым богатством захоронений, которое было отмечено первым исследователем белореченских курганов Н.И. Веселовским, раскопавшим 84 кургана на протяжении 1896–1907 гг. [21, с. 2-60]. О.В. Милорадович предполагала, что «где-то около ст. Белореченской помещался центр Черкесии, где жили наиболее богатые ее представители, а Белореченский курганный могильник являлся местом их погребений» [22, с. 351].

В южном направлении курганы белореченского типа поднимаются высоко в горы и, таким образом, мы можем полагать, что это княжество занимало весь нагорный массив центральной части Закубанья. В этом плане важное значение имеет обнаружение богатого воинского захо-

ронения близ станицы Новосвободной на Фарсе, уверенно соотносимого с ареалом белореченской культуры и датируемого XIV–XV вв. [23, с. 205-214].

Первое картографическое свидетельство о княжестве Кремук содержится на «Маппамондо» («Карте мира») Фра Мауро 1459 г.: *P. Chremuch*, где *P.* означает *paus* «страна, земля, область» [24]. Это название помещено между горной цепью, изображающей Главный Кавказский хребет, и Кубанью, то есть именно в том районе, где в последующие столетия находилось Темиргоевское владение.

В XVI в. кемиргоевские князья и княжество Кемургуй (*Kemürgüy*) фигурируют в османских источниках [25, с. 314, 439-441]. *Кемиргой*, *кеморхи*, *кумиргинские* черкасы часто фигурируют в документах Посольского приказа в XVII в. [26, с. 90, 93, 97, 279]. В 1808 г. Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «кемиркуеи (кемурке) – сильный черкесский род, состоящий из пяти тысяч семей, названный *татами* темиргой» [27, с. 240].

Наименование адыгского субэтноса темиргоевцев в современном адыгейском языке имеет форму *ч'емгуй* (к'лэмгуй). Надо заметить, что в шапсугском произношении осталась такая форма этого имени, как *к'емгуй* (к'лэмгуй), которая может расцениваться как связующее звено со старой традицией произношения *кемиргуэй*. Данный дискурс подкрепляется сохранением в современном кабардинском языке формы *чэмыргуэй* (к'лэмыргуей) – темиргоевцы [28, с. 338].

Княжество Кипике

В XIX в. распространенной точкой зрения у черкесов было представление о том, что адыгские княжества в том виде, как они существовали последние века, сформировались во времена генуэзского присутствия [29, с. 220; 30, с. 7-8; 31, с. 20].

В этом плане интересно сопоставить племя Киппике – *Chippiche*, упоминаемое Иосафатом Барбаро в середине XV в. в одном ряду с Кремуком и Кабардой [18, с. 56 (оборот)], с владельческой фамилией Чупако (адыг. Цупакъо).

В первой половине XIX в. этот род совместно со своими многочисленными вассалами и клиентами воспринимался как самостоятельное черкесское племя: «племя Чипакоу» у Спенсера [32, с. 24] и «могущественное племя чипаков» у Лонгворта [33, с. 61]. У Белла – *Tshupako* [34, с. 287], у Хан-Гирея фигурируют в форме Ввпако-р [4, с. 208]. Это сдвоенное *вв*- не должно нас вводить в заблуждение. Таким образом, Хан-Гирей передавал адыгский звук *ц*у. Так, Чепсин (Цюэпсин, Вулан) у Хан-Гирея передан как Вв-псин. Как отмечает Хан-Гирей, Ввпако-р – первенствующая дворянская фамилия натухайского (натххоккоадьского) племени.

Существовала традиция причислять себя к определенной родовой фамилии, и в источниках встречаются джанчатовцы, анчиковцы, дауровцы и прочие названия, за которыми стоят не только представители этих дворянских родов, но и все, кто населял определенный район, на территории которого властные преимущества принадлежали соответствующей фамилии. Такая практика носит, по сути, универсальный характер и, вполне вероятно, что под кипиками XV в. надо понимать не столько княжество или субэтническое подразделение, сколько владельческий род. Проблемным остается вопрос о том, можем ли мы уверенно предполагать, что адыгское *Цупакъо* закономерно было транслитерировано Барбаро в виде *Chippiche*.

Род Цупако (Чупако, Шупако, Супако) управлял большей частью Натхокуаджа. Согласно Люлье, Чупако вместе с кабардинцами вышли из Крыма и поселились среди натухаевцев на побережье [35, с. 233]. Такая же генеалогическая линия проводилась и для шапсугского тлекулешского рода Абат. При этом, Абатовы считались родственниками или ответвлением первостепенных кабардинских дворян Тамбиевых, а Чупако – Куденетовых.

Княжество Кабарда

Впервые кабардинцы упомянуты И. Барбаро, который зафиксировал их расселение на восток от черкесского княжества Кремук, а к востоку от кабардинцев – алан. У него же содержится форма *Карбатей*, очень близкая по произношению формам *Карбатай* и *Кабартай* в западноадыгских диалектах [18, с. 56 (оборот), 57; 36, с. 226-227].

Базовым условием для роста Черкесии в восточном направлении стало завоевание и полное разорение монголами Алании. Можно предполагать, что проникновение адыгов в дезинтегрированную и малонаселенную Аланию началось в XII в., но после уничтожения главных аланских городищ в 50–70-е гг. XIII в. началось организованное и массовое переселение части адыгов.

В период после падения Дедякова (1278 г.) и до 1318 г., когда в ставке хана Узбека на р. Сунже, «под городом Тютяковым», был убит тверской князь Михаил, отдельные группы черкесов, вполне вероятно, находились в долине Терека. Автор «Повести о Михаиле Тверском», который, как предполагают, был очевидцем убийства Михаила в ставке хана Узбека, сообщает, что это произошло «за рекою Терком, на реке на Севенци, под городом Тютяков, минувши горы

высокия Ясския, Черкесския, близ врат Железных». Город Дедаков отождествляется с Верхним Джулатом. Можно предположить, что если ближайшие к городу Дедаков горы в начале XIV в. были известны как «Черкесския», то переселение черкесов в эту область предшествовало этому времени [37, с. 27].

И.А. Мустакимов приводит сведения Утемиш-хаджи, согласно которому «находящийся на смертном одре хан Токтага (Токта), узнав от своей жены Келин-Баялыи о том, что она укрывала в "Черкесском вилайете" его племянника, будущего хана Узбека, послал за ним войско». Абд ал-Гаффар Кырыми, сообщал, что «Келин-Баялыи, именуемая им между прочим "дочерью [одного из] чагатайских султанов", втайне от Токты отправила Узбека к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай в Черкесском вилайете» [38, с. 276].

У Барбаро содержится еще одно свидетельство значительного распространения пределов Черкесии на восток. При повествовании об одном из эпизодов междоусобной борьбы татар, имевшем место около 1438 г., он подчеркивает, что значительная армия татар, возглавляемая мятежными ханчиками, из района Кумыкии (le campagne de Tumen), в нижнем течении Терека, двинулась к устью Дона, «обогнув Черкесию» (intorno apreso la Circassia) [17, §15].

Одним из важных нарративных свидетельств существования Кабарды является сообщение русских летописей о бегстве осенью 1445 г. в «Черкасскую землю» казанских царевичей Касима и Якуба, сыновей хана Улуг-Мухаммеда. Согласно русским источникам, царевичи скрывались от своего брата Махмута, убившего отца и одного из своих братьев Юсуфа. Известно, что прежде, чем направиться в Черкесию, братья бежали в Астрахань. Отсюда они перешли в «Черкасскую землю», где царевичи нашли надежное убежище, собрали войско и двинулись на Москву [39, с. 118]. Ш.Ф. Мухамедьяров отмечает, что в случае с перемещением казанских царевичей речь шла о черкесской области, «расположенной в непосредственной близости от района Нижнего Поволжья» [40, с. 158].

Выводы

Итак, территориальный рост Черкесии в XIV–XV вв. сопровождался процессом формирования и обособления значительных по территории и населению феодальных владений, управлявшихся отдельными княжескими династиями.

Хытук, Копя, Собай (Хатукай), Кремук (Темиргой), Кабарда – вот известный, при современном уровне знания источников, перечень княжеств Черкесии. На их основе в XVI в. произошло дальнейшее феодальное обособление, и в источниках появляются такие княжества, как Хегак, Жаней (впоследствии разделившийся на два удела – Большой и Малый Жаней), Бжедуг, Бесленей. В середине XVI в. Кабарда подразделялась на четыре больших удела: владение Пшеапшоко Кайтукина, на основе которого затем появилась Казыева Кабарда («прототип» Большой Кабарды); Идарей (Идарова Кабарда, собственное владение Темрюка Идаровича, тестя Ивана IV), владение Шолоха Тапсарукова (Татлостаней или Шолохова Кабарда); Джилыхстаней. Последние два удела составили Малую Кабарду.

Таким образом, складывалась децентрализованная, но весьма устойчивая в военно-политическом отношении «страна» под единым названием Черкесия, своего рода конфедерация феодальных владений и самоуправлявшихся горских территорий (соприкасаемых братств). Зримой чертой этой политически неединой «страны» является то, что по самым важным внешнеполитическим вопросам (например, союз с Москвой при Иване IV) субъекты этого пространства проводили скоординированную политику.

REFERENCES

1. Krupnov E.I., Munchaev R.M. Bamut burial mounds XIV–XVI centuries. [Bamutskiy kurgannyi mogil'nik XIV–XVI vv.]. Drevnosti Checheno-Ingushetii-Antiquities of the Checheno-Ingushetia. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. Pp. 217–242. (in Russ.).
2. De facto Hungariae magnae a fratre Riccardo (Iuliano) invento tempore Gregorii papae noni . Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Vol. I. Romae: Typis Vaticanis, 1859, pp. 151–153.
3. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. VII: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Tomo secondo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna. Parte I. Genova, 1871. 899 p.
4. Khan Giray. Notes about Circassia. The introductory article and prepare the text for publication V.K. Gardanov and G.H. Mambetov. [Zapiski o Cherkessii. Vstupitel'naya statya i podgotovka teksta k pechati V.K. Gardanova i G.H. Mambetova]. Nalchik: Elbrus, 1978. 333 p. (in Russ.).
5. Explanatory Dictionary of the Circassian language. [Tolkovyy slovar' adygeyskogo yazyka. Sostaviteli A.A. Khatanov, Z.I. Kerasheva. Pod red. A.N. Abregova, N.T. Gisheva]. Maykop, 2006. 512 p. (in Russ.).

6. *Ferrand*. The journey from Crimea to Circassia through Nogai Tatars land, in 1709. [Puteshestvie iz Kryma v Cherkesiyu cherez zemli nogayskikh tatar, v 1709 godu]. Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova. Adyghes, Balkars and Karachays in proceedings of the European authors of XIII–XIX centuries. Drafting, editorial translation, introduction and introduction to the texts by V.K. Gardanov. Nal'chik: «El'brus», 1974, pp. 109–112. (in Russ.).
7. *Brun F.* Black Sea. Collection of studies on the historical geography of the South of Russia. [Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoy geografii Yuzhnoy Rossii]. Odessa, 1879–1880. Part II. 408 p. (in Russ.).
8. *Zevakin E.S., Penchko N.A.* Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the XIII and XV centuries. [Ocherki po istorii genuevskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vekah]. Istoricheskie zapiski. – Historical Records. 1938. Vol. 3, pp. 72–129 (in Russ.).
9. *Kressel R.Ph.* The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. University of Wisconsin, 1966. 472 p.
10. *Dzukanov T.A.* The Circassian principality of Copa in the system of international trade relations in the XV century. [Cherkesskoe knyazhestvo Kopa v sisteme mezhdunarodnykh torgovykh otnosheniy v XV v.]. Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. – The ancient and medieval culture of the Circassians. Part I. Nalchik: Publishing Department KBIGI RAN, 2014, pp. 48–53.
11. *Francesco Balducci Pegolotti*. La Pratica della Mercatura. Edited by Allan Evans. The Medieval Academy of America Publication, No. 24. Cambridge, Massachusetts, 1936. 443 p.
12. «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III. (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern. Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma: Istituto Storico Domenicano S. Sabina, 1938, pp. 82–143.
13. *Lavrov L.I.* The ethnography of the Caucasus. [Etnografiya Kavkaza]. Leningrad: «Nauka», 1982. 224 p. (in Russ.).
14. *Evliya Çelebi*. Travelogue. Issue 2: The territories of North Caucasus, Volga River basin and Don River basin. [Kniga puteshestviya. Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya]. Moskva: Nauka, 1979. 287 p. (in Russ.).
15. *Nekrasov A.M.* International relations and the peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the XV – the first half of the XVI century) [Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v.)]. M.: Nauka, 1990. 125 p. (in Russ.).
16. *Kusheva E.N.* The peoples of the North Caucasus and their relationships with Russia. The second half of XVI – 30th of the XVII century. [Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka]. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 372 p. (in Russ.).
17. *Barbaro I.* Travel to Tana [Puteshestvie v Tanu / Podgotovka tekstov, kommentarii i primechaniya E.Ch. Skrzhinskoy]. Kaspiyskiy tranzit. – Caspian transit. In 2 vols. M.: DI-DIK. Tanais, 1996. Vol. 2, pp. 125–203. (in Russ.).
18. Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della porta del gran Turco: & di tutte le intrate, spese, & modo di governo suo, & della ultima impresa contra Portoghesi. In Vinecia: Aldus, 1543. 180 p. Numbered only recto.
19. *Kuznetsov V.A.* The Forgotten Cremuc. [Zabytyy Kremukh]. Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – Collection of Russian Historical Society. M.: Russian panorama, 2002. № 4 (152), pp. 206–216. (in Russ.).
20. *Khotko S. Kh.* The history of Circassia in the Middle Ages and modern time. 2nd ed. [Istoriya Cherkesii v srednie veka i novoe vremya. 2-e izd.]. Publishing House, St. Petersburg. University Press, 2002. 976 p. (in Russ.).
21. Report of the Imperial Archaeological Commission for the year 1896. [Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1896 god]. SPb., 1898, pp. 2–60. (in Russ.).
22. *Miloradovich O.V.* Kabardian burial mounds XIV–XVI centuries. [Kabardinskie kurgani XIV – XVI vekov]. Sovetskaya arheologia. – Soviet archeology. Issue XX. Moskva, 1954, pp. 344–356 (in Russ.).
23. *Noskova L.M.* A rich complex of Golden Horde time from the foothills of Zakubanye. [Bogatiy kompleks zolotoordinskogo vremeni iz predgoriy Zakubania]. Drevnosti Zapadnogo Kavkaza. – Antiquities of Western Caucasus. Krasnodar, 2013, pp. 205–214 (in Russ.).
24. Available at: http://www.kartap2.narod.ru/m/fra_mauro.htm (accessed 28 February 2016).
25. *Kirzioglu M.F.* Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara, 1998. 552 s.
26. Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. [Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh]. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1957. Vol. I. 478 p. (in Russ.).
27. *Klaprot J.von.* Journey to the Caucasus and Georgia. [Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii] Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. – Adyghes, Balkars and Karachays in proceedings of the European authors of XIII–XIX centuries. Nal'chik: «El'brus», 1974, pp. 235–280. (in Russ.).
28. Dictionary of the Kabardian (Circassian) Language [Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka]. M.: Digora, 1999. 860 p. (in Russ.).
29. *Bell J.S.* Diary of stay in Circassia during the years 1837–1839. In two volumes. Transl. from English by K.A. Malbahov. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2007. Vol. I. 408 p. (in Russ.).
30. *Kamenev N.* Psekups River Valley [Basseyn Psekupsa]. Kubanskies voyskovyie vedomosti. – Kuban army Gazette. 1867. № 2 (14 January), pp. 7–8. (in Russ.).
31. *Frederic Dubois de Montpereux*. Travel around the Caucasus. Vol. I. Circassians and Abkhazians / Transl. from the French by O.N. Dankevich-Pushchina. [Puteshestvie vokrug Kavkaza. T. 1. U cherkesov i abkhazov / Per. s frants. N.A. Dankevich-Pushchinoy]. Maykop: OAO «Poligraf-Yug», 2010. 164 p. (in Russ.).
32. *Spencer Ed.* Travel to Circassia. Transl. from the English, preface and commentaries N.A. Neflyasheva. [Puteshestviya v Cherkesiyu. Pred., per. i komm. N.A. Neflyashevoy]. Maykop, 1994. 153 p. (in Russ.).
33. *Longvort J.A.* A Year among the Circassians / Transl. from the English by V.M. Atalikov. [God sredi cherkesov. Per. s angl. V.M. Atalikova]. Nal'chik «El'-Fa», 2002. 541 p. (in Russ.).

34. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1840. 453 p.
35. Lyul'e L.Ya. About Natkhokuadj, Shapsugs and Abadzekhs. [O natukhazhsakh, shapsugakh i abadzekhakh]. Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Knizhka IV. – Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book IV. Tiflis, 1857, pp. 227–237. (in Russ.).
36. Volkov I.V. Once again on the localization of Cremuc and map of Giacomo Gastaldi 1548. [Eshche raz o lokalizatsii oblasti Kremuk i karte Dzhakomo Gastal'do 1548 g.]. Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 2. – Materials and Researches on archeology of the North Caucasus. Issue 2. Armavir, 2003, pp. 224–260. (in Russ.).
37. Lavrov L.I. The Origin of Kabardians and the colonisation by them of their present territory. [Proiskhozhdenie kabardintsev i zaselenie imi nyneshney territorii]. Sovetskaya etnografiya. – Soviet Ethnography. 1956. № 1, pp. 19–28. (in Russ.).
38. Mustakimov I.A. Once again about the question of the ancestors of «Mamay-tsar». [Yeshye raz k voprosu o predkah «Mamaya-tsarya»]. Turkologicheskii sbornik. – Turkological collection 2007–2008. – Moskva: Vostochnaya literatura, 2009, pp. 273–283. (in Russ.).
39. Zimin A.A. Knight at the Crossroads. Feudal war in XVth century Russia. [Vityaz' na rasput'e. Feodal'naya vojna v Rossii XV v.]. M.: Mysl', 1991. 288 s. (in Russ.).
40. Essays on the history of the spread of Islamic civilization. In two volumes. Vol. 2: The era of the great Muslim empires and Cairo Abbasid Caliphate. [Ocherki istorii rasprostraneniya islamskoy tsivilizatsii. V dvukh tomakh. T. 2: Epokha velikikh musul'manskikh imperiy i Kairского Abbasidskogo Khalifata]. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2002. 640 p. (in Russ.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии / Под ред. Е.И. Крупнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 217–242.
2. De facto Hungariae magnae a fratre Riccardo (liuliano) invento tempore Gregorii papae noni // Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Vol. I. – Romae: Typis Vaticanis, 1859. – Pp. 151–153.
3. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. VII: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Tomo secondo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna. Parte I. – Genova, 1871. – 899 p.
4. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. к печ. В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
5. Толковый словарь адыгейского языка / Сост. А.А. Хатанов, З.И. Керашева. Под ред. А.Н. Абрегова, Н.Т. Гишева. – Майкоп, 2006. – 512 с.
6. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар, в 1709 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., ред. пер., введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 109–112.
7. Брун Ф. Черноморье / Сб. исследований по исторической географии Южной России. – Одесса, 1879–1880. Ч. II. – 408 с.
8. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. – 1938. – Т. 3. – С. 72–129.
9. Kressel R.Ph. The Administration of Caffa under the Ufficio di San Giorgio. University of Wisconsin, 1966. – 472 p.
10. Дзуганов Т.А. Черкесское княжество Копа в системе международных торговых отношений в XV в. // Древняя и средневековая культура адыгов. Ч. I. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 48–53.
11. Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della Mercatura. Edited by Allan Evans. The Medieval Academy of America Publication, No. 24. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – 443 p.
12. «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III. (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. – Roma: Istituto Storico Domenicano S. Sabina, 1938. – Pp. 82–143.
13. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. – Ленинград: Наука, 1982. – 224 с.
14. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
15. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). – М.: Наука, 1990. – 125 с.
16. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.
17. Барбаро И. Путешествие в Тану / Подгот. текстов, ком. и прим. Е.Ч. Скржинской // Каспийский транзит. В 2-х томах. – М.: ДИ-ДИК. Танаис, 1996. Т. 2. – С. 125–203.
18. Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Constantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della porta del gran Turco: & di tutte le intrate, spese, & modo di gouerno suo, & della ultima impresa contra Portoghesi. In Vinetia: Aldus, 1543. – 180 p.
19. Кузнецов В.А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. – М.: Русская панорама, 2002. – № 4 (152). – С. 206–216.
20. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 976 с.

21. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 2-60.
22. Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. – Вып. XX. – М., 1954. – С. 344-356.
23. Носкова Л.М. Богатый комплекс золотоордынского времени из предгорий Закубанья // Древности Западного Кавказа. – Краснодар, 2013. – С. 205-214.
24. URL: http://www.kartap2.narod.ru/m/fra_mauro.htm [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 28 февраля 2016 г.).
25. Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). – Ankara, 1998. – 552 s.
26. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. I. – 478 с.
27. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – С. 235-280.
28. Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.
29. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2-х томах / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2007. Т. 1. – 408 с.; Т. 2. – 328 с.
30. Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. – 1867. – № 2 (14 января). – С. 7-8.
31. Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2010. – 164 с.
32. Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию / Пред., пер. и ком. Н.А. Нефляшевой. – Майкоп, 1994. – 153 с.
33. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 541 с.
34. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1840. – 453 p.
35. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Книжка IV. – Тифлис, 1857. Отд. I. – С. 227-237.
36. Волков И.В. Еще раз о локализации области Кремука и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. – С. 224-260.
37. Лаеров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. – 1956. – № 1. – С. 19-28.
38. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М., 2009. – С. 273-283.
39. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 288 с.
40. Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2-х томах. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (сер. XIII – середина XVI в.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 640 с.

Information about the author

Khotko Samir Kh., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Ethnology Department, Adygeyan Republican Institute of Humanities Researches named after T. Kerashev, Maykop City, Russia, inalast@mail.ru

Received: 29th Feb. 2016

For article citation: Khotko S.Kh. Circassian principalities in the XIV–XV centuries: formation and interrelation with sub-ethnic groups. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 46-58. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58. [en; ru]

Информация об авторе

Хотко Самир Хамидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, Россия inalast@mail.ru

Получена: 29 февраля 2016

Для цитирования статьи: Хотко С. Х. Черкесские княжества в XIV–XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 2. Часть 1. с. 46-58. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58 [en; ru]

Sociological and Humanities

***Социологические
и гуманитарные науки***

UDK 791.43/.45

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-61-69

ARTYUKH Anzhelika A.,
St. Petersburg State University (Smolny College),
St. Petersburg Institute of Cinema and Television,
St. Petersburg, Russia
angel_ar@mail.ru

АРТЮХ Анжелика Александровна,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Смольный),
Санкт-Петербургский институт кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург, Россия
angel_ar@mail.ru

**RADICAL POETIZATION. RETHINKING
THE FINAL SLOW MOTION SCENE IN BONNIE
AND CLYDE**

**РАДИКАЛЬНАЯ ПОЭТИЗАЦИЯ.
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ФИНАЛЬНУЮ СЦЕНУ
РАПИДНОЙ СЪЕМКИ В ФИЛЬМЕ
«БОННИ И КЛАЙД»**

The essay analyzes the final slow motion scene of Bonnie and Clyde (1967) to demonstrate how the avant-garde reinvention of slow motion poeticized cinematic language in the 1960s and lent a contemporary political dimension to a film set during the Great Depression. The author's approach combines American neo-formalist theory with Bakhtinian analysis of the Russian formal method of 20s to establish a theoretical connection between the Russian and American theoretical schools. This essay shows how Bonnie and Clyde's film language developed in accordance with radical avant-garde modes of thought and how avant-garde thought revolutionized Hollywood in the nineteen-sixties. The essay treats such concepts as attraction and affect which have been relevant throughout the whole of film history. Through analysis of these concepts the author proposes that the reinvention of devices provides a kind of new shock which affects spectators and helps to make a breakthrough in film language. Employing texts by Bakhtin and Comolli and Narboni, the author also demonstrates that the breakthrough always contains a political dimension, its goal being to change the audience's view of a concrete historical time. Choosing the devices to reinvigorate always depends on the political, social and cultural climate of a given historical period. But the development of these devices forms the basis of stylistic innovations in cinema.

Эссе анализирует финальную сцену из фильма «Бонни и Клайд» (1967), выполненную в технике рапидной съемки, с целью показать, как авангардное переизобретение приема радикализирует язык кино 60-х и наделяет картину актуальным политическим содержанием, несмотря на то, что ее действие развивается в эпоху Великой Депрессии. Автор обращается к статьям и книгам американских неформалистов, а также к теории формального метода русской школы 20-х, тем самым, проводя связь между русской и американской теоретическими школами. Это эссе показывает, что работа с киноязыком режиссера Артура Пенна во многом осуществлялась согласно авангардному способу мышления, что революционизировало Голливуд 60-х. Эссе делает акцент на концептах «аттракцион» и «аффект», которые являются важнейшими для всего развития истории аудио-визуальной культуры. Через анализ этих концептов автор показывает, как переизобретение приема позволяет создавать своего рода новый «шок» и воздействовать на аудиторию, равно как и развивать киноязык в целом. Привлекая труды Бахтина, Комолли и Нарбони, автор пытается доказать что поэтическая радикализация языка всегда содержит в себе политическое измерение, что в свою очередь осуществляет своего рода переворот в сознании зрителя конкретного времени. Тот или иной выбор приема для переизобретения так или иначе связан с политическим, социальным и культурным климатом своего времени. Но работа с приемом лежит в основе собственно стилистических инноваций в кино.

Keywords: device, slow motion, attraction, affect, form, content, defamiliarization, avant-garde, violence, revolution, stylistic innovations

Ключевые слова: устройство, рапидная съемка, притяжение, аффект, форма, содержание, отстранение, авангард, насилие, революция, стилистические инновации

*Acknowledgment: The essay has been written with
the support of the Fulbright scholarship and Bard College*

*Благодарность: данная статья-размышление была написана
при финансовой поддержке Фулбрайт-стипендии и Бард Колледжа*

In film, as in other art forms, the format of the organization of material plays a key role in expressing content. As the Russian Formalists taught, the development of forms allows us be not only to be impressed by stylistic features, but also helps us to elucidate meanings. M.M. Bakhtin / P.N. Medvedev argued that form and content are both constructive elements in the close unity of a work and that both form and content are ideological elements [1]. These statements relate to Jean-Luc Comolli and Jean Narboni's 1968 proposals in *Cinema/Ideology/Criticism*: 1) "Every film is political" [2], 2) "when we set out to make a film, from the very first shot, we are encumbered by the necessity of reproducing things not as they really are but as they appear when refracted through the ideology", 3) "this includes every stage in the process of production: subjects, 'styles', forms, meanings, narrative traditions" [3]. While French scholars proclaimed the notion that every filmmaker does not play the same role in the cinematic process, they believed that "no film-maker can, by his own individual efforts, change the economic relations governing the manufacture and distribution of his film" [4]. According to them, filmmakers' reactions differ, and these reactions provide a possibility for critics to

mark historical moments in a changing cinema. Audience reactions to these moments spur political and ideological reflection, and also help to change cultural history as a whole. The 1967 film *Bonnie and Clyde* reflects one such moment, and by examining director Arthur Penn's use of slow motion, we can explore how a filmmaker can react to changing times, the tools he employs to show his reaction and how this reaction differs from what has come before.

Stylistic innovation is a very potent method for showing political reactions and producing cinematic affect. Without changeable and renewable devices, it would be impossible to develop new film forms. I will not claim, à la Viktor Shklovsky that art is merely device, but I wish to demonstrate that the Formalist's technique of "baring the device" helps us to expose the political views and ideological meanings of a concrete historical time. Shklovsky defines the device as the smallest universal and virtually independent element of artistic form, migrating from work to work. I employ the more comprehensive definition of an artwork, developed by his contemporary Yuriy Tynjanov, who sees a work of art as "a system, composed of devices whose functions are specified synchronically and diachronically [5]. Referring to Comolli and Narboni, we can say that renewal of a device is a step outside a given system of film language, but one actually produced and understood inside a historical ideological system. Inasmuch as film language is a secondary modeling system, filmmakers can produce through modeling provocative innovations that provide different meanings, and therefore can be politically revealing.

In my essay I will attempt to analyze one of the most exiting examples of this reaction - the final scene in Arthur Penn's famous Hollywood Renaissance film *Bonnie and Clyde*, to show how its final slow-motion editing connects with the way of thinking of a new generation, and how such a device should be considered a hallmark of the 1960s. The debate about the role of this device is, in part, connected to Paul Schrader's 15-week course at Columbia University, "Films That Changed Filmmaking," which the American scholar and filmmaker reworked into a series of articles for *Film Comment* in 2015. This question of device helps us to think about the influence of technology on film and how it provides stylistic innovations. In our case, using a slow-motion technique in the final scene of *Bonnie and Clyde* helped to Arthur Penn to renew the technology of his precursors. The filmmaker described his renovation in an interview: "We shot as a gang of four cameras running at different speeds: a master, then on Warren and then on Faye. Later on we got them into a two-shot. One of the cameras was moving at an enormously high speed so it would run out of film quickly. By the time we got up to speed one camera was almost out of film. The actors were wired, every one of those bullet hits is a squib. We didn't have to rehearse because you can feel them off. They're in a metal dish and have a little powder and blood in them. It took us half a day to prepare the actors. We got one shot in the morning and one shot in the afternoon" [6]. This multiple-camera shooting process and the employment of the extremes of lens lengths [7] involved a risky and technologically complex process which would influence how later filmmakers would shoot an action scene and provide, in David Bordwell words an "intensification of established techniques" [8]. While future Hollywood directors would surround actors with more cameras and would run them at different speeds, the principle originated with Penn at this historical moment and would continue developing until Andy and Lana Wachowski would shoot *The Matrix*.

In *Bonnie and Clyde* Penn did not utilize slow motion to create a ritualized version of violence, as Akira Kurosawa did in *Seven Samurai* (1954). Instead he used it to produce a dynamic effect: *Bonnie and Clyde* does not exhibit "organic unity," but rather a conflict of film forms. Arthur Penn revolutionized forms by combining montages of different angles of slow motion shots, violently shooting the young heroes in the final scene, which in its profound graphic artificiality made a marked physical impression upon viewers. This illustrates the concept of conflict, which, according to Sergei Eisenstein, forms the basis of art [9]. In *Bonnie and Clyde* bullets violently damage bodies and create a rhythm of vibration that stands in counterpoint to the rhythm of the montage of changing angles. Dynamism is also a consequence of the dialectic of art forms (the "struggle of opposites"). Slow motion creates graphic and plastic conflict, and what Eisenstein called "conflict between an event and its temporal nature" [10]. The expressive effect of the final scene attacks the audience, a basic principle of the avant-garde that is always working with viewers to revolutionize forms, modernize vision and actively involve a viewer in the process of perception. This was more than an attempt to evoke viewer emotion, the film was created as "a block of sensations", "a compound of percepts and affects", according to Deleuze and Guattari [11].

Arthur Penn's method examined ultra-violence and reached a new dimension of expression that developed a new level of graphic violence in cinema. After screening the film, *Time Magazine* would pronounce 1967 a year of violence. Penn's examination of ultra-violence was influenced by the

"bloodbaths" of Sergio Leone's "Dollars" trilogy, as well as the aesthetics of television news in the Vietnam era. As Penn recalled: "...every night on the news we saw kids in Vietnam being airlifted out in body bags, with blood all over the place. Why, suddenly, the cinema had to be immaculate, I'll never know" [12]. By employing multi-camera, slow motion, and montage editing, Arthur Penn achieved the balletic quality of the finale scene and this moved Hollywood cinema towards a new era in terms of style and the representation of violence. Robin Wood said that Penn "romanticizes" Bonnie and Clyde in the last scene. I would add that the director transformed the "rebel-victim" into a cinematic myth, one of considerable significance for the 1960s. According to Ihab Hassan, the "rebel-victim" is a figure of protest as well as oppression, [13] and variations were presented in many novels and films of the 60s, notably *The Left-handed Gun*, *Easy Rider*, *The Graduate*, *Midnight Cowboy*. In the film, Bonnie and Clyde do not look like brutal gangsters, but instead act against the social, economic and historical climate of the Depression Era, which according to Penn made them "unknowing revolutionaries" [14].

The slow motion death of Bonnie and Clyde was spasmodically sensational. Its balletic form helped to capture death on an abstract level, the level of the unconscious and unreal. It was a moment that forced viewers to reevaluate their previous perceptions of the pair, to find in them the heroic. As Penn said: "Yes, this is where the legend takes hold in the story, but I wanted Bonnie and Clyde to become legends even beyond the reality of the film. Their deaths propel the legend beyond reality, and this is why I shot the scene in slow motion. The rhythm of the death sequence was established by a combination of six different speeds of film. During editing we cut a piece of film shot at one speed with another piece shot at different speed, for example from forty-eight frames per second to ninety-six frames per second. All these very shots cuts created this effect of spasmodic violence and lent a romantic texture to their death." [15]. Slow motion created an extra-temporal focus on the catastrophic death of the heroes and accrued additional meanings through associations with television coverage of the Vietnam war. Television's aesthetic during the Vietnam era and sensational political killings labeled death as an Event and made it continual by providing multiple views in its coverage. Arthur Penn, who first worked in television, remained well aware of its influence. At the same time the device and editing also provided the artificial disaster of their death a balletic effect that looks graphical. This form helped to eliminate the ordinary aspects of the couple and propelled viewers toward an associative connection with the photos of the legends at the start of the film.

Analyzing the process of intensification continuity in contemporary American cinema David Bordwell stated: "From the 1960s onward, exploiting the extremes of lens lengths became a hallmark." By focusing exclusively on lens length, Bordwell does not consider Penn's combination of slow-motion devices which to my mind is Penn's most significant achievement, that saw its culmination in 1969, when Sam Peckinpah would continue to apply Penn's slow motion technique of multiple-camera shooting in *The Wild Bunch* and would extended the conception of graphical violence as well as the development of intensification.

Slow-motion found its origins in avant-garde cinema, and in the French art cinema of Jean Cocteau, Jean Epstein, Maya Deren and others. This origin is very significant, because the avant-garde searched for ways to make cinema not only poetic (a la Hollywood), but to make cinematic poetry. As Jean Cocteau said: "I would distinguish clearly between a film that tries to be poetic and a film where the poetry is incidental. Moreover, the poetic is not poetry. Poetry is a product of the unconscious" [16]. Poetry influences cinematic language more progressively; it gives to language a complexity and that was part of the debate not only in terms of European, but also the American avant-garde. For example, Stan Brakhage's argument is that poetry brings back a complexity that has been destroyed by verbal language and that can be found in a baby's imagination. The search for poetry through the use of devices is a basic principle of avant-garde culture throughout the whole history of world cinema, and this also influenced narrative cinema. I do not exclude the fact that Akira Kurosawa, who also made a breakthrough to the ritualistic poetry of a samurai death, had seen Cocteau's *The Blood of a Poet* before making *Seven Samurai*. The rapid montage of his samurais falling recalls the rapid montage of the hero falling in the Cocteau's poetic dreamspace. The device was reinvented through a transnational exchange.

Examining some important examples of slow motion devices, it is clear that in the first half of the 20th century slow motion was extremely fruitful for avantgarde aesthetics. According to Worfflin "history without names," the artistic employment of devices shows a discovery of the specific laws of the changing forms and styles. These changes have their own inner logic. Slow motion can be seen in Jean Cocteau's *The Blood of a Poet*, *Beauty and the Beast*, *Orpheus*, in Jean Epstein's *The Fall of the House of Usher*, or in Maya Deren's and Alexander Hammid's *Mashes of the Afternoon* and it can be said this device helped to create a style that is hyperpoetic. Poetic language stands in opposition to

practical (communicative) language, which is based on a system of conventions. The analogy of practical language, which provides a kind of automatized utterance, can be found in American narrative cinema that also is based on a system of conventions originated in classical staging and invisible editing. In *Classical Hollywood: Film Style and Modes of Production to 1960* D. Bordwell, J. Staiger and K. Thompson confirm the classical Hollywood style as a paradigm that is both a perceptible model and a school of film-making: "Thinking of the classical style as a paradigm helps us retain a sense of the choices open to filmmakers within the tradition. At the same time, the style remains a unified system because the paradigm offers *bounded* alternatives. If you are a classical filmmaker, you cannot light a scene in such a way as to obscure the locale entirely (cf. Godard in *Le gai savoir*); you cannot pan or track without some narrative or generic motivation; you cannot make every shot one second long (cf. avant-garde works). Both the alternatives and the limitations of the style remain clear if we think of the paradigm as creating functional *equivalents*: a cut-in may replace a track-in, or color may replace lighting as a way to demarcate volumes, because each device fulfills the same role. Basic principles govern not only the elements in the paradigm but also the ways in which the elements may function" [17]. The classical Hollywood industry in Andre Bazin's term was "the genius of the system" [18]. It developed both a certain style and a certain way of thinking about cinema which created the audience's perception through readable images. This does not mean that classical Hollywood filmmakers were strictly formulaic. Directors used different devices and examined new ones, to create alternative vision (like Busby Berkley, Orson Welles, or Josef von Sternberg etc.), but Hollywood's first six decades allowed neo-formalists like David Bordwell, Janet Staiger and Kristin Thompson to start thinking about the 'group style' of classical Hollywood, where each film "strives to conceal its artifice through techniques of continuity and 'invisible' storytelling; that each film should be comprehensible and unambiguous; and that it possesses a fundamental emotional appeal that transcends class and nation" [19]. As members of this paradigm, filmmakers used devices with the aim of making their function understandable, to develop 'schemata' and 'mental sets' - the traditional formal patterns for rendering subject matter, according to Gombrich [20]. Hollywood narrative films were based on a strong group of causalities and motivations that are obvious to spectators. If these narrative causalities are impersonal and supra-individual, they nevertheless provided the determinism of the whole construction of events. A psychologically motivated character in pursuit of a clearly understandable goal served as the focus of these films.

Bonnie and Clyde was influenced by French New Wave, especially Jean-Luc Godard's *Breathless* (1960). As Arthur Penn remarked: "Yes, Godard had sent out a message to everybody with *Breathless*. He said, "You don't have to worry about visual continuity. Go where it's interesting." Hollywood had spent thirty years developing a narrative continuum that had to be without seams. Get rid of all the seams so it flows. Then along comes Godard and says, "It doesn't have to flow. Life doesn't flow. In fact, it moves in different rhythms." It's easy not to notice this because when you start working in a medium, you inherit all the prejudices of that medium. It's true in painting. The big moments of change in art happen when someone does something crazy" [21]. Godard, a true cinephile and kind of a new avantgardist in French cinema, created spontaneity through the unmotivated actions of his characters and through jump cuts. Arthur Penn also depicted unmotivated actions, but he used different devices and montage techniques. His final slow motion editing also provided spontaneity, through his search for discontinuity and by stepping outside the boundaries of Hollywood's classic film language. This stepping over the boundaries held a political level of meaning: it pushed the film to the vanguard of what is now called "New American Cinema," which appropriated avant-garde devices and political conceptions more freely. *Bonnie and Clyde* embodied representatives of a social movement in Depression Era America and the young audience of the revolutionary 60s identified with them. *Bonnie and Clyde* was not a film about nostalgia, despite the fact that the narrative unfolded in the 30s. Stylistic innovations that "lay bare the device," the characters' spontaneous actions, sex and violence, and the obvious broken conventions made it perfectly topical. As Arthur Penn said: "Young people in Britain and America have responded positively because it speaks to them about their own lives. The film is political in that it deals with the Depression, that moment when young people felt excluded from a society that was destroying itself economically. *Bonnie and Clyde* decided to do something and make a change. They were experiencing an identity crisis, something that today's young generation well understand" [22].

The French cinephilic New Wave which would influence New American Cinema, identified themselves with the avant-garde, which has always broken the conventions and norms of narration, as can be seen in earlier French narrative cinema from the 20s. For example, Jean Epstein, whose *Fall of the House of Usher* (1928) clashed with the powerful theatrical conventions of making mise-en-

scenes that originated in Le Film D'Art. By slow motion, rapid montage, superimposition, and complicated optics this French filmmaker created a mystery space that marked the presence of Death and Beauty. Using such a device was a kind of formalistic defamiliarization of language - "making it strange." According to V.Shklovsky, defamiliarization involves describing an object as if seen for the first time, an event as if happening for the first time. "Making strange" helps "to create a special perception of the object – it creates a "vision" of the object instead of serving as a means for knowing it" [23]. Epstein was the first to defamiliarize "real" time and space into an extremely unrealistic expression: turning decadent space into a hallucinatory experience. He belonged to the first French avant-garde that deformed the structures of narration by using complicated cinematographic devices. This deformation made film language hyper-poetic and promoted, for example, a slow motion device as a part of vocabulary of the future American avant-garde and European art cinema. Epstein and the first wave of French avant-garde cinematographers, traditionally known as impressionists, made the movie into a cinema of poetry. While *Fall of the House of Usher* was not the sort of poetic film that Bill Nichols would characterize as one that "may jump from one place to another, one character to another, and one object to another," [24] it was a definitive breakthrough into the realm of symbolism, in contradistinction to realism. The filmmaker thought about the photogenic aspect of cinema, which is constructed with spatio-temporal variables. In formalist terms, it was making objects strange to subjective and lyric visions. This breaking away from tradition by seeking alternative forms was a definite characteristic of the art of modernism. Thus Epstein, like Jean Cocteau, searched for a new form of hyperpoetic continuity in his films by using different devices. They created an alternative world as a mystery space that fits with Tzvetan Todorov's conception of fantastique. Their films, though tricky, rarely use attractions as tools to attack the audience for particular political goals, for theirs is a cinema of subjectivity.

Maya Deren would also take a fresh new step by using slow motion as a device of subjectivity. In *Mashes of the Afternoon*, Deren, along with husband Alexander Hammid, showed a female dream-scape with slow motion editing that so rent the narrative strategy that it no longer looked like a actual story. Her film displayed a trance, a kind of a dream full of sexual symbolism. This filmmaker went even farther in slow motion editing when she tried choreographing with the camera in *Study in Choreography for Camera*. In her pure cinema she deconstructed dance to ritualistic movement and helped to demonstrate David E. James' conclusion that the poetics dominant at the time marked the high modernist moment of Romanticism [25]. Breaking through to pure cinema makes a filmmaker a poet who stands apart, rather than a specialist within a narrowly narrowly confined industry. This makes such an artist an individual, romantic creator who passionately demonstrates their personal artistic point-of-view. The unique vision of the filmmaker is a basic characteristic of narrative art cinema that was strongly influenced by avant-garde and Auteur Theory. The quest for an unique vision also distinguishes films of the Hollywood Renaissance but they employ a broader field for cinematic appropriation in their efforts to think politically and produce a new cinematic affect. They knew no way to escape the real world to Art, Beauty, to another way of being, and therefore created tragic messages to a world that must be changed. And they were obsessed by an idea of the New, also critical for art cinema and the avant-garde.

While William E.B. Verrone notes similar characteristics between art cinema and avant-garde film, he does not equate them: "For instance, the terms themselves are flexible and connote different moments in time and also different types of filmmaking practice. Also, art films deliberately positioned themselves as reactionary to mainstream film, much like avant-garde film. Art cinema also works tangentially to mainstream film, often intersecting but never fully merging with it. Like avant-garde films, art films eschew classical narrative storytelling in favor of temporal/spatial dislocation, ambiguity, and perhaps metaphoric/symbolic relations" [26]. Filmmakers and spectators of avant-garde and art cinema have a strong desire to discover something New, but an avant-garde way of thinking produces the cinematic affect, which, according to Steven Shaviro, is "expressive", "symptomatic" and "productive" [27]. Affect is a basic principal of function of the media culture, but it originated from Modernity, which denies the myth of eternal return and makes accents on renovation of a society and a language. American New Cinema was a kind of response to European art cinema that originated from what A.L. Rees calls the "common battle to have film recognized as a serious art" in films by feature-length directors of "impressionism" (1991-1924) and the abstract avant-garde (1924-1929). Rees is absolutely correct: "Cinema is an obvious candidate for 'modernity' – in the social sense- because it is primarily urban, industrial and aimed at a mass audience. For many artists, cinema was an emblem of modern times, as the only independent art form to have been invented since the Renaissance" [28]. This feeling of cinema's independence as an art form manifests itself in the art cinema that originated from the

heritage of earlier avant-garde rebels. Followers of avant-garde art cinema find inspiration from modernity that, as Matei Calinescu notes: "is reflected in the irreconcilable opposition between the sets of values corresponding to (1) the objectified, socially measurable time of capitalist civilization... and (2) the personal, subjective, imaginative duration, the private time created by the unfolding of the 'self'. The latter identity of *time* and *self* constitutes the foundation of modernist culture" [29]. Most likely avant-garde art cinema finds its impulse to discover something new in aesthetics and style, and uses different devices to realize this intention. Art cinema emphasizes form as a definite structural element that provides content. This helps to rediscover the possible laws of narration, as well as to involve the audience as participants in a creative process. A re-invention of narration makes "meaning" more unconventional and creates a different relation between film and viewer. As Gene Youngblood claims: "We are interested more in what it *does* than what it *is* as a icon" [30].

Filmmakers experiment with a new process of signification, which liberates viewers from pre-conceptions, finds inspiration from the romantic intention of identifying authorship as an expression of personality. Romantic intention was a very important hallmark of the Hollywood Renaissance. The 60s provided a short period of unprecedented freedom for film directors. Producers demonstrated free will, supporting new themes for a young and radical generation. The Hollywood Renaissance was certainly the most romantic period in the industry's history, despite great chaos and concerns when the vertical integration was destroyed. Film directors created new counter-culture utopias that were romantic in many ways. One of these utopians was Arthur Penn, whose film effectively conveyed that filmmakers in the 60s had little use for the old "system".

The final slow motion shot, along with the film's chase and action scenes, recall Tom Gunning's notion of a cinematic attraction as visual shock. The cinema of attraction addresses the audience directly through a variety of formal means and devices, and "not only exemplifies a particularly modern form of aesthetics but also responds to the specifics of modern and especially urban life." As Gunning notes: "Confrontation rules the cinema of attractions in both form of its films and their mode of exhibition. The directness of this act of display allows an emphasis on the thrill itself – the immediate reaction of the viewer. The film lecturer focuses attention on the attraction, sharpening viewer curiosity. The film then performs its act of display and fades away. Unlike psychological narrative, the cinema of attractions does not allow for elaborate development, only a limited amount of delay is really possible" [31]. Gunning references Walter Benjamin, who noted that "in film, perception in the form of shocks was established as a formal principle." [32]. Gunning claims that "the aesthetic of attractions developed in fairly conscious opposition to an orthodox identification of viewing pleasure with the contemplation of beauty".

The slow motion edited scene in *Bonnie and Clyde* is not a trick from the non-continuous early cinema that Gunning analyzed, but refers more to the "deviant" style of film-making in the avant-garde, especially to Eisenstein's "montage of attractions," which undermined the conventions of bourgeois realism. The attractions of the Soviet avant-garde were more radical in that they intensified popular energy into aesthetic subversion, and may well have inspired the Russian Formalists to understand art as a process of defamiliarization that gave to the history of art forms the necessity for constant change and renewal. The slow motion device in *Bonnie and Clyde* was presented not only as a cine-attraction, as a semi-independent narrative, but also as an act: Eisenstein's visual "Cine-fist", that provides a political dimension by shocking or otherwise manipulating the viewer. The effect from Penn's final scene was no less of a shock than Eisenstein's shooting on the Odessa steps in *Battleship Potemkin* and provides the aesthetics of disagreement that revolutionizing of the form and meaning: if the youth dies violently, "don't trust anyone over 30" [33].

In the context of Penn's film, the slow motion finale is a kind of variation on Eisenstein's attraction which the Soviet filmmaker defined in *Lef* in 1923 as "any aggressive moment in theater, i.e. any element of it that subjects the audience to emotional or psychological influence, verified by experience and mathematically calculated to produce specific emotional shocks in the spectator in their proper order within the whole. These shocks provide the only opportunity of perceiving the ideological aspect of what is being shown, the final ideological conclusion" [34]. Eisenstein used the definition for his conception of "intellectual montage" as an autonomous action that escapes from naturalism, attracts audience and politically agitates. Writing about *Battleship Potemkin*, the filmmaker noted, that he revised the attractions (at least in *Strike*) to create a positive effect (pathos) – a pressing appeal to activity. Pathos helps to create the "emotional experience" of the audience, "an awakening which puts the spectator's emotional and intellectual activity into operation to the maximum degree" [35]. And pathos gives a film a poetic dimension. For Soviet cinema that created a film as an act or action, attraction and pathos were indivisible.

The slow motion device in *Bonnie and Clyde*, which is only 30 seconds long, works as a cine-attraction - almost an independent and primary element in the structuring of the film, but it has nothing in common with trick, which is absolute and complete within itself. Eisenstein's attraction is based exclusively on something relative, the reaction of the audience. It originated from agitational revolutionary theater and helped the filmmaker to force emotional influence over the audience in a desired direction through a series of calculated pressures on its psyche. In such cinema the audience became a basic object to attract, attack and "psycho-engineer." By the final cine-attraction *Bonnie and Clyde* influences audience as a film act and depicts the conflict of generations, the spirit of sexual revolution, anti-bourgeois rebellion, it problematizes the notion of freedom. The heroes are always on a road, which in part reflects the culture of the Beat generation of the 50s and the Wild Angels of 60s. But they are far from anarchists. The young couple robs banks which have grabbed property from poor Americans during the Depression, a historical period of loss and poverty, which, in Hannah Arendt's terms, serves as trigger for revolutionary discourse. Bonnie and Clyde rob banks, but in the context of the film they act like young angels of revolutionary left who are robbing ill-gotten gains. Banks that grab property from Americans can be seen as institutions that are destroying freedom, the quintessential foundation of the nation. So, the young gangsters here personify disagreement with the established system, the threshold of revolutionary action. But as can be known from Jacques Ranciere, politically there is no revolutionary subject and no revolutionary event without a disagreement [36].

As a kind of film act, which produces the affect, *Bonnie and Clyde* can be connected to the Third Cinema which originated from the Soviet avant-garde and which Argentinian filmmakers Fernando Solanas and the Spanish-born Octavio Gettino have called a cinema that "recognizes in that struggle the most gigantic cultural, scientific, and artistic manifestation of our time" [37]. Third Cinema, which grew up in the 60s, actively produces a film act, or film action, that attacks the audience with the idea of changing society, thereby modeling viewers, and contributing to the possibility of social movements or revolution. It discusses not only the "liberation of man", but shows the beginning of a new man. Third Cinema is not a phenomenon limited to the third world, it can arise elsewhere in periods of political revolutions and social protest movements. Third Cinema may focus on the documentary, but that is not the only genre which can provoke protest and promote revolutionary tasks. One only has to recall the films of Eisenstein or Godard. The 60s were a historically controversial period in America, which saw the growth of a national feeling that society must be radically changed. According to the American National Committee, between 1963-1968 2 million people participated in social protest movements, 1.1 million went to civil rights demonstrations, 680,000 participated in demonstrations against the Vietnam War, 200,000 rebelled within the ghetto [38]. This atmosphere of disagreement and protest lent its revolutionary pulse to filmmakers in the avant-garde context as well as in Hollywood.

The political dimension of *Bonnie and Clyde* was revealed not only by a new conception of heroes as "unknown revolutionaries," but by radical shifts from the classical system of continuity (based on dramatic and psychological analysis) to fragmentation. The process of centering the spectator within a diegesis through camera identification, that established the central strategies of the "institutional mode of representation" (Noel Burch) would dissipate and gave way to a new experience of perception, one which did not require a viewer's definite identification with either the rebel-victims or their killers. The edited footage of four cameras in slow motion produced the effect of open identification, forcing viewers to choose with whom they wanted to identify. This radical attack on and division of the audience reflected the split in American society of the 60s, and assaulting the audience with this shock experience had a revolutionary goal. The shock from the brutal death of the young beautiful rebels in *Bonnie and Clyde* was designed to change the viewer's consciousness entirely, by providing a modernized vision. As a viewer, if you are fascinated by the young Bonnie and Clyde, these legends who were just shot down with brutal violence by old rangers, you are compelled to change your mind completely and become a new man. If not, you are merely a reactionary whose time has passed.

The shock the final scene creates is based on the dialectical concept of conflict, and also included the conflict between the poetry of balletic slow motion, that applies to avant-garde searching of hyper-poetic language in the cinema, and the naturalistic quality of violently shooting of human bodies. Slow motion tends to "blow up" violent action, lending it particular focus, and here Penn created a dynamic effect in which bullets not only fatally destroyed the bodies of the rebel-victims, but also flew out at the audience. This attack was enhanced acoustically, in a scene which contains only the sounds of machine guns. Penn's modernization of the audiovisual component would influence the representation of violence and methods of intensification continuity throughout American cinema of the 70s and would later find reflections in Hong Kong action films: from Sam Peckinpah and Brian De Palma to

John Woo. Violence became a trope not only in New Hollywood cinema, but in cinematic schools that would follow. In short, *Bonnie and Clyde* radically changed cinema.

What conclusion we can make from this theoretic focus on the slow motion device in this one film? We see, as in a mirror, that film history is a process of reinvention of devices that constantly applies to a wide field of avant-garde audio-visual culture. The process of reinvention provides stylistic innovations and breaks barriers between cinematic schools and traditions. Filmmaker-innovators are under the influence not only of the different aesthetics of their historical time, but of established precursors who make their idea lose its "aura", its unique touch. The reinvention of cinematic devices gives to the history of stylistic innovations the character of "history without names" through transnational exchange, but the political dimension of this reinvention, that attracts the audience and produces their affect, marks any given film in the historical moment.

REFERENCES

1. M.M.Bakhtin/P.N.Medvedev. *The Formal Method in Literary Scholarship. A Critical Introduction to Sociological Poetics*. The Johns Hopkins University Press. Baltimore and London. 1991. p. 49.
2. Jean-Luc Comolli and Jean Narboni. *Cinema/Ideology/Criticism. In: Movies and Methods. An Anthology*. Edited by Bill Nichols. University of California Press. Berkeley Los Angeles London. 1976. p. 24.
3. Ibid, p. 25.
4. Ibid, p. 24.
5. Steiner Peter. *Russian Formalism. A Metapoetics*. Cornell University Press/ Ithaca/ London. 1984. p. 20.
6. Arthur Penn. *Interviews*. Edited by Michael Chaiken and Paul Cronin. University Press of Mississippi/Jackson. 2008. 42-43.
7. Penn used lenses from 9.8mm to 400mm. David Bordwell. *Intensified Continuity. Visual Style in Contemporary American Film*. Film Quarterly. Vol. 53, No. 3 (Spring 2002), pp. 18.
8. David Bordwell. *Intensified Continuity. Visual Style in Contemporary American Film*. Film Quarterly. Vol. 53, No. 3 (Spring 2002), pp. 16-28.
9. Eisenstein noted: "In the realm of art, this dialectical principle of the dynamics is embodied in CONFLICT as a fundamental, essential principle of the constitution of any work of art and of any kind of art". Quoted in: Jacques Aumont. *Montage Eisenstein*. Translated by Lee Hildreth, Constance Penley, and Andrew Ross. BFI Publishing, London. Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis. 1987. p. 40.
10. Sergei Eisenstein. *Film Form. Essays in Film Theory*. Edited and translated by Jay Leyda. A Harvest/HBJ Book. New York and London, 1949. p. 54.
11. Deleuze Gilles and Felix Guattari. *What is Philosophy?* Trans. Hugh Tomlison and Graham Burchell. New York: Columbia University Press. 1994. p. 164.
12. Gary Crowds and Richard Porton, "The Importance of a Singular, Guiding Vision: An Interview with Arthur Penn," *Cineaste* 20:2 (Spring 1993), pp. 8-9. Quoted in: Stephen Prince. *Graphic Violence in the Cinema: Origins, Aesthetic Design, and Social Effect. / Screening Violence*. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey. 2000. p. 9.
13. Hassan Ihab. *Radical Innocence: Studies in the Contemporary Novel*. Harper. 1961.
14. Penn, op. cit., p.57.
15. Penn, op. cit., p.167.
16. Quoted in: Paul Schrader. *Slow, Fast, and Reverse Motion. Film Comment*. 2015, July/August. Volume 51/Number 4. p. 54.
17. David Bordwell, Janet Staiger and Kristin Thompson. *The Classical Hollywood Cinema. Film Style & Mode of Production to 1960*. (New York. Columbia University Press. 1985), p. 5.
18. Andre Bazin, 'La Politique des auteurs,' in *The New Wave*, ed. Peter Graham (New York: Doubleday, 1968), p. 154.
19. Bordwell, op cit., p. 3.
20. E.H.Gombrich, *Norm and Form: Studies in the Art of the Renaissance* (London: Phaidon, 1971).
21. Penn, op cit. p. 197.
22. Penn. Op cit., p. 22.
23. Viktor Shklovsky. *Art as Technique. /Russian Formalist Criticism. Four Essays*. University of Nebraska Press. Lincoln. 1965. p. 13.
24. Bill Nichols, *Engaging Cinema: An Introduction to Film Studies* (New York: Norton, 2010), p. 86.
25. David E. James. *Allegories of Cinema. American Film in the Sixties*. Princeton University Press. 1989. p. 30.
26. William E.B. Verrone. *The Avant-garde Feature Film*. (Jefferson, North Carolina, and London. 2012). p. 95.
27. Steven Shaviro. *Post Cinematic Affect*. Winchester, UK, Washington, USA. 2010. p. 2.
28. A.L.Rees. *A History of Experimental Film and Video. From the Canonical Avant-Garde to Contemporary British Practice*. 2nd Edition. (London. British Film Institute. 2011.). 9.
29. Quoted in William E.B. Verrone. *The Avant-garde Feature Film*. (Jefferson, North Carolina, and London. 2012), p. 97.
30. Gene Youngblood. *Expanded Cinema*. (E.P.Dutton & Co., Inc., New York. 1970), p. 126.
31. "Aesthetic of Astonishment: Early Film and the (In)Credulous Spectator". In: *Viewing Positions. Ways of Seeing Film*. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey. 1995. p. 121.
32. Quoted in Thom Gunning. *An Aesthetic of Astonishment: Early Film and the (In)Credulous Spectator*. In: *Viewing Positions. Ways of Seeing Film*. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey. 1995. p. 121.

33. One of slogans in May 1968.
34. S.M.Eisenstein. *Selected Works*. Volume 1. Writing, 1922-34. Edited and translated by Richard Taylor. BFI Publishing, London. Indiana University Press. 1988. p. 34.
35. Jacques Aumont. *Montage Eisenstein*. Translated by Lee Hildreth, Constance Penley, and Andrew Ross. BFI Publishing, London. Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis. 1987. p. 59.
36. Ranciere, Jacques. *Disagreement: Politics and Philosophy*. Translated by Julie Rose. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
37. Fernando Solans and Octavio Gettino. *Towards a Third Cinema. I Movies and Methods*. An Anthology, edited by Bill Nichols. University of California Press. 1979. p. 47.
38. Prince Steven, *Savage Cinema: Sam Peckinpah and the Rise of Ultraviolent Movies*. Austin University of Texas Press, 1998, p. 28.

Information about the author

Artyukh Anzhelika A., Doctor of Arts, Associate Professor, St. Petersburg State University (Smolny College), Professor, St. Petersburg Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia, angel_ar@mail.ru

Received: 21st Feb. 2016

For article citation: Artyukh A.A. Radical poetization. Rethinking the final slow motion scene in Bonnie and Clyde. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 61-69.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-61-69. [en]

Информация об авторе

Артюх Анжелика Александровна, доктор искусствоведения, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Смольный институт), профессор, Санкт-Петербургский Институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия
angel_ar@mail.ru

Получена: 21 февраля 2016

Для цитирования статьи: Artyukh A.A. Radical poetization. Rethinking the final slow motion scene in Bonnie and Clyde. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. . Pp. 61-69.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-61-69. [en]

UDC 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-70-75

BARABASH Victor V.,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
barabash.victor@gmail.com

БАРАБАШ Виктор Владимирович,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия
barabash.victor@gmail.com

DUDINA Galina S.,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
Gala.dudina@gmail.com

ДУДИНА Галина Сергеевна,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия
Gala.dudina@gmail.com

**REPRESENTATION OF THE EU-RUSSIAN
ENERGY RELATIONS: COVERAGE OF THE
NORD-STREAM PIPELINE'S CONSTRUCTION
IN GERMAN QUALITY MEDIA**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЕС-
РОССИЯ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ:
ОСВЕЩЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
ГАЗОПРОВОДА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК» В
НЕМЕЦКИХ КАЧЕСТВЕННЫХ СМИ**

Despite the current deep crisis in Russia-EU relations joint energy projects between Russia and the European Union (EU) are still highly important, especially taking into account the constantly growing energy necessities in Europe. It is obvious today that the Nord Stream Pipeline from Russia to Germany – the first direct gas pipeline connecting Russian gas fields to the European consumers without mediation of the third countries – was an example of successful cooperation, which no longer happens since the beginning of the Ukrainian crisis. The construction of the Nord-Stream Pipeline began in the 1990s and the first branch of the pipeline was launched in November 2011. Meanwhile the support and opposition to the building of the pipeline was reflected by public debates as well as on the pages of leading media sources in different countries. This article provides an analysis of media coverage of the EU-Russian energy relations such as they were represented by German quality press in articles covering the construction of the Nord Stream pipeline. The media analysis allowed to make a number of conclusions on the balancing between "German" and "European" prism of coverage, its objectivity, the importance of the stylistic means and the linkage between gas and moral in Russian-EU relationship.

Несмотря на глубокий кризис в отношениях между Россией и Евросоюзом, взаимодействие в области энергетики продолжает играть важную роль – особенно учитывая возрастающие потребности европейских стран в энергии. Сегодня, после начала украинского кризиса, очевидно, что газопровод «Северный поток» – первый газопровод, напрямую соединивший газовые месторождения России с европейскими странами-потребителями без посредничества третьих стран – надолго останется наиболее крупным и успешным проектом сотрудничества. Реализация проекта Северо-европейского газопровода (в дальнейшем получившего название «Северный поток») началась еще в 1990-х годах, а первая ветка газопровода была запущена в ноябре 2011 года. За это время дискуссии между сторонниками и противниками проекта нашли место на страницах ведущих изданий многих стран. В этой статье анализируется освещение в немецкой качественной печати отношений в области энергетики между РФ и ЕС и строительства «Северного потока». Анализ медиатекстов позволил сделать ряд выводов относительно паттернов освещения, объективности, роли стилистических средств и увязывании вопросов морали и газовой энергетики в диалоге РФ-ЕС.

Keywords: media representation, Energy, Russia, EU, Germany, media, media language

Ключевые слова: медиарепрезентация, энергетика, Россия, Евросоюз, Германия, СМИ, язык СМИ

1. Introduction

Finding out about how the media are covering energy issues is a rewarding field for a researcher interested both in mass communication and political studies. In fact, due to the cross-disciplinary character of an eventual investigation, energy relations are not so well researched from the perspective of media coverage despite their being one of the core aspects of international relations, especially in case of Russian foreign policy [1, p. 85 – 100].

Meanwhile, issues of energy policy are an essential part of public discourse and often make the front pages of the newspapers, to become a hot topic of conversation not only on the political arena, but also in everyday life. Even being quite difficult to understand, lying as it does in both the political and economical fields, energy policy affects electricity prices and thus concerns everyone. This is one of the reasons why media coverage of power economy is highly politicized (as it was found in our investigation), even if it is published on the economic and business pages of most newspapers.

It should not be overlooked that energy policy and power economics remain difficult topics not only for ordinary readers and scholars, but also for journalists. Just to report on them at all requires specific knowledge, as well as understanding of technical aspects of the subject, together with a lack of eye-catching images, it's not conducive to simple presentation. Many elements of energy policy, such as energy efficiency or investment security, are challenging to express in straightforward terms via spoken language, while using visualisation is considerably hard.

At the same time, the interest in energy issues will not diminish during the coming decades. According to different forecasts, including those of experts of the International Energy Agency and the World Economic Forum, world energy demand will continue to increase while the role of fossil fuels – carbon, oil, gas – will not decrease. [2, p. 52; 3, p. 12] The Russian Federation will remain an

important player in the world energy market and may even become by 2035 the leading world producer of natural gas. [3, p. 121] From this viewpoint an analysis of media coverage of the energy dialogue between Russia and other countries is of immediate interest.

In this multi-level media analysis of the media coverage of Russian-EU energy dialogue by German quality media, a special focus was placed on the press representation of the development of the Nord Stream gas pipeline. This pipeline has become one of the most ambitious projects of the Russian foreign and energy policies of recent decades. It is the largest offshore pipeline in existence, and the first direct connection between the Russian Federation and the EU. The pipe routing and details of the project were widely covered by the German Press; including aspects of national interest (gas pipeline leading to Germany) and international interest (concerning Russia as a strategic partner of Germany).

2. The methodological framework

As our object of study we chose the media coverage of gas energy relations between Russia and the EU, with the case study of Nord Stream coverage. In the empirical part of the study we aimed to carry out a qualitative analysis of press articles in order to identify patterns of the representation and journalistic practice signaling a fluctuation in the patterns. In this article we only describe the essential filters used for data selection.

For our investigation we chose articles from the center-right daily newspaper *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, the liberal daily *Süddeutsche Zeitung*, and the largest federal weekly *Der Spiegel*. All three are examples of leading German quality media. These are two largest socio-political newspapers and a top weekly (in terms of circulation and citedness in the quality press market). Each of the three has a foreign desk and all have Moscow-based correspondents. In addition, in the case of Germany, where about 90% of population regularly read the written press [4, p. 8], press analysis is representative.

To explore the coverage of this subject we analyzed more than 200 articles within the period of investigation which stretched over 9 years from 1.12.2002 till 01.12.2011. It starts with the official presentation of the project by Gazprom and lasts up to the opening of the first line of the twin pipeline. During this time the destiny of the project was questioned by public opinion and national authorities in different countries, whilst the development of the project had to overcome managerial and reputational difficulties and was accompanied by several international crises.

In order to select the articles for investigation we used the following conditions: first, the article should mention "Nord Stream", then, it should mention "EU/Europe/European" (these two criteria were applied automatically while searching through the press archives bases), and finally, the subject matter of the article should concern energy policy or economics. In addition to that, we only looked at inhouse articles reflecting the news policy or the position of the papers and of their journalists. The texts which just repeated news agency information were not selected, and neither were the articles contributed by invited authors, interviews, nor letters from readers.

3. Results

3.1. Macroanalysis

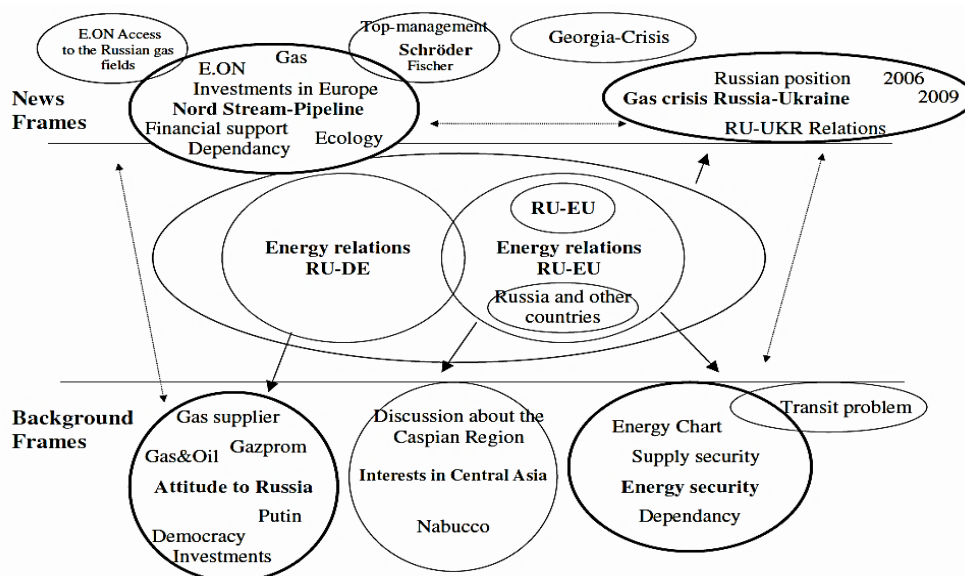
In general the media coverage was wide-ranging, comprehensive and professional, putting the arguments pro (supply stability, cooperation) and contra (high costs, ecological risks, critics of the itinerary, critics of lack of the political dialogue). Journalists quoted the supporters of the project – German, Russian and EU authorities – as well as their opponents, typically from the Baltic States and Poland. The most difficult period of the project development from 2005 to 2010, when the risks were widely discussed in different countries and were threatening the financing, was covered carefully.

At the same time, the journalists were systematically simplifying and accentuating the news and arguments. Thus, even though almost every fact or dynamics in energy policy has its political and economic dimension, most articles – 77% of them – were clearly labeled as "politics" (31%) or "economics" (46%). The over-representation in favour of the "economics" pages remained during the whole investigation time excluding the periods of crisis in Russian-Ukrainian relations (especially January 2006 and 2009).

While covering construction of the pipeline, most journalists were concentrated on a number of topics, among which we can distinguish some news and background frames (see image 1). Most of the articles covered primarily the construction process itself, possible ecological risks or dependence of the future construction on political decisions and financial support. They also covered the political news and events related to the pipeline construction (such as the gas crisis between Russia and the Ukraine or the nomination of the German Ex-chancellor for the post of the head of the shareholders' committee of Nord Stream AG), to the gas sector (such as negotiations about access of the German E.ON group to the Russian gas fields) or to Russian international policies (such as the Russian-Georgian crisis). Complementarily journalists referred to the internal or external Russian situation (Russian role as energy supplier, the role played by Vladimir Putin, investments climate and

democracy development, civil liberties situation), Russian-EU rivalries in Central Asia and energy security issues.

Image 1. Framing of the EU-Russia energy relations while covering Nord Stream pipeline construction (in selected articles)

Source: composed by author

In most of the articles we could observe that the news were covered from the points of view "we = Germans" or "we = Europeans", hence international analysis was presented through the frame "Russia-Germany" or "Russia-EU" (see Image 1). The difference can be easily seen while observing how the Nord Stream pipeline was explained: in the Russian media this pipeline was more often presented as the pipeline from Russia to Europe, and in the selected articles it was mostly indicated as pipeline "from Russia to Germany" (even with the filter of selection, which was the presence of the words "EU/Europe/European" in every case!).

A qualitative analysis of the importance of the EU (as main player, as secondary player or only as reference in every selected article) showed that even if the European Union plays an important role in 83% of texts, the prism "EU-Russia" instead "Germany-Russia" is used only in 28% of articles. That's fairly understandable: German readers first of all get from the media information about the importance of the news for Germany, and only then – even if regularly – for the EU as a whole. It is also interesting, that the gas crisis in Russian-Ukrainian relations, which didn't directly touch German consumers, was covered through the prism of "EU-Russian" relations, which made the Germans feel involved.

The allocation of these viewpoints also explains why German media criticize the dependence on Russian gas (common for all the European Union, so "our = European problem") but avoid attacking the Nord Stream pipeline ("our success" = "German success").

3.2. Microanalysis

The microanalysis of media coverage is of particular interest, especially the words and stylistic means use analysis (use of adjectives, definitions, comparisons, metaphors) in the description or analysis of the pipeline project and the energy dialogue. The use of words can create a positive (for example, safe, understandable) or negative (dangerous, non-comprehensible, aggressive) image.

3.2.1. Industry terms.

One can expect that coverage of energy policy would incline towards the domain of economics, and to be studied with domain-specific energy and economics terms and concepts. This is partly true, especially for the *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, in which attention to the economy is stronger than in the *Süddeutsche Zeitung* or *Der Spiegel*. Often journalists explain or give definitions for specific terms. They also use them in wordplays; for example *Druck* "pressure" – in pipes and in politics.

At the same time journalists often prefer to replace professional vocabulary with common spoken language. For example, the natural gas can be not only "eingespeist" fed into or "gepumpt" pumped, more often it is "geliefert" delivered (as are goods), "gebracht" brought, "geführt" conducted, "gegeben" given. In German use of words, the gas can be also an active subject: it can "fließen" flow

or "kommen" come, "Karriere machen " take the road to success/ embark on a successful career and is connected to power and values:

Manche Biegung nimmt russisches Gas auf seinem langen Weg von Sibirien nach Deutschland und Mitteleuropa. Da müssen Flüsse, Seen und in der Ostsee gelegentlich auch Wirtschaftszonen anderer Länder umgangen werden. [5] ("On its way to Germany and Central Europe, Russian gas takes many detours. It must bypass rivers and lakes, and in the Baltic Sea occasionally also the economic zones of other countries")

Erdgas hat in den zurückliegenden Jahrzehnten eine steile Karriere zurückgelegt. [6] ("Natural gas has embarked on a highly successful career in the past few decades")

Erdgas ist Macht. [7] ("Natural gas is power")

Der Kreml wollte den Ukrainern zeigen, dass man mit Demokratie nicht heizen kann. [8] ("The Kremlin wanted to show to the Ukrainians: Democracy does not provide central heating").

3.2.2. Comparisons.

These also play an important role in creating an image. For example, in a comparison loaded with criticism of the civil liberties situation in Russia, Russia is named *Energiepartner, das einer Art Saudi-Arabien mit Atomraketen nahekommt* "Energy partner which comes close to a kind of Saudi Arabia with nuclear missiles" [9].

3.2.3. Figures of speech.

Thematic metaphors are important for modelling the needed perception of a text. After the discourse analysis of selected articles, we marked out 11 thematic fields: *War, Battle, Game/Sport, Stage/Show, Market, Health/Illness, Relationship, Road/Way/Space, Nature, Food, Objects* (see Table 1). Assimilation of energy or economics terms in the context of the energy policy coverage to actions, objects or patterns belonging to these eleven fields allow journalists to describe the news in a simple, lively and graphic manner. Generally we assumed that metaphors are used more often in texts with political than economics orientation (which correlates with more frequent use in *Der Spiegel* than in *Frankfurter Allgemeine Zeitung*).

Figures of speech are used to describe events and occasions (*Gaskrieg* "gas war"), geopolitical areas (*großes Spiel auf dem globalen Marktplatz* "great game in the global marketplace"), protagonists (for example, Europeans as *Gasgeiseln* – literally "gas hostages" of energy dependency), political and economic news (*Gasprom brach jenen Preis poker vom Zaun* "Gazprom unleashes Poker pricing"), energy resources – gas and oil (*strategische Ressourcen* "strategy resources", *außenpolitische Waffe* "foreign policy weapon") and the outcomes of negotiations (*großer Deal* "big deal"). Journalists can invent the metaphors themselves or repeat them after the politicians (for example, the *Frankfurter Allgemeine Zeitung* quotes Russian vice-prime minister who qualified the politics of the Ukraine as a "gas siege" [10]).

A similar model of thematic categories (applied to the case of German political life) was developed by the Russian scholar Kornilaeva. She assumes that binding the news to the topics of *War, Conflict, Competition* intensifies the emotional perception of the news coverage [11].

Table 1. Example of use metaphors by thematic categories in the selected articles

War	Angriff "attack", Brisanz "explosive force", Expansion, Front, Offensive, sich wappnen "be forearmed", torpedieren "torpedo", Vormarsch "advance"
Battle	Streit "fight", Triumph, Wetteifern "compete", Zangengriff "double lock", In die Knie zwingen "to force to knees"
Game/Sport	auf etwas setzen "score", ausspielen "play off", Bluff, Endspurt "finish", Eskapade, Punktesieg "points win", Spielball "play thing", Spielführer "team captain", Weltmeister "world champion", Wettrennen "foot race"
Stage/Show	Duett, Kulissen, Schlüsselrolle "key role", Solotour, Szenario
Market	bevorzugt behandeln "give preferential treatment", Deal, Handelshaus "trading house"
Health/Illness	Adern "veins", Diagnose, Kranker "invalid", Lebenszeichen "vital sign", Patient, Pille
Relationship	Bindungen "ties", Ehepartner "spouse", Schwester "sister", Tochter "daughter"
Road/Way/Space	Auf der Strecke bleiben "keep the wayside", Gigant, Meilenstein "milestone", Schritt fuer Schritt "step by step"
Nature	Kraken "octopus", Mammut, Mond "moon", Oase "oasis"
Food	Durst "thirst", Magen "stomach", schlucken "swallow"
Objects	Diebstahl "thievery", Instrument, Kette "kettle", Netz "net"

Source: composed by author

We came to a conclusion that in covering the subject of energy relations, the use of thematic

figures of speech allows journalists to:

1. Simplify and "colour" the specific business or political negotiations, make them more spectacular and interesting (using fields of *War, Battle, Game, Show*):

"Wer spielt falsch? Für beide Konfliktparteien im Gasstreit steht viel auf dem Spiel" [12]; (*"Who plays false? Both parties are playing for high stakes"*)

2. Simplify the representation of modern high-tech commercial and economic systems (fields of *Market, Road*):

Die beiden Energieträger machen etwa sechzig Prozent des russischen Exports aus, füllen bei hohen Preisen die Staatskasse reichlich. [13] (*"Both energy sources make up about 60% of Russian exports and with high prices amply contribute to filling the state treasury"*).

3. Show how important energy issues are for the readers – as a prime necessity (field *Illness/Health, Food*) or as a power attribute:

Gas ist das ideale politische Druckmittel, da Verbraucher am Ende einer Pipeline hängen wie ein Kranker am Tropf. Europa ist dabei ein besonders anfälliger Patient, da sein Gasdurst stetig steigt. [14] (*"Gas is an ideal means of political pressure, as consumers are hanging at the end of a pipeline as a sick man on a drip. Europe is a particularly vulnerable patient, because its thirst for gas is increasing steadily."*)

4. Simplify the energy topic representation (fields *Nature, Objects, Relationship*).

Especially interesting are the metaphors connected to military topics. These figures of speech were often used during the gas crises between Russia and the Ukraine. Curiously, the notions of *Krieg* "war" or *Gaskriege* "gas war" were used during that time in quoting marks as well as without them. The German scholar Klaus Krippendorf explains that the war and weapon conflict metaphors are pertinent when "there is something to lose and to gain" [15, p.90]. "The cost of victory" in the EU-Russian energy dialogue is related first of all to energy security. That's how gas becomes compared to a *Waffe* "weapon", and the Nord Stream pipeline is presented as *Gewinn* "gain".

However, in the case of Russian-German relations, allusion to armed conflict is particularly strong. Der Spiegel writes outspokenly: *"In times of high gas prices, the primal fear of Russian power is awakened: a fear of war, that Russian state-owned corporations in a more or less distant future could threaten to make the West cold. With a simple push of a button. To enforce even higher prices. Or a policy, which suits Moscow"* [16].

Thus, going onto the thematic field of "war" journalists allow themselves also to use the allusion of the Second World War. This is shown by such headlines as *Die Russen kommen* "The Russians are coming", *Die Russen kommen nicht, sie sind schon da*, "The Russians are not coming, they are already here", *Russen vor Gottland* "The Russians have reached Gottland". These examples show flashbacks which are still strong among the Germans (as well as among the Russians). In psychology it could be related to an "implicit" or "collectively-semantic memory" [17, p.32] – a memory or an allusion to a historical event which some people hadn't lived through. The coverage of the dynamics of energy dialogue reflects in this sense not only the latest news, but also the longstanding history of cooperation and competition between Russia and Germany, as well as between the Soviet Union and the West. Confidence and cooperation should be restored carefully step by step after the decades of confrontation in the XX century: it sometimes seems that progress in this process is hindered by media rhetoric.

It is interesting, that as soon as the gas conflicts with the Ukraine passes, the media rhetoric softens. War metaphors are replaced by *Sport, Stage/Show* ones. This trend is especially easy to notice in articles of the *Frankfurter Allgemeine Zeitung*.

4. Concluding Remarks

It is generally observed that in the selected articles the EU-Russian energy dialogue was covered in a wide, regular, objective and all-round manner. At the same time, Russian-European relations were mostly covered as a secondary subject or viewpoint besides the German-Russian relations.

Even during the worst months of the Russian-Ukrainian gas conflict and regardless of the political orientation of the media source, the Nord Stream pipeline project itself was covered in a neutral or positive way, while the criticism was addressed to Russian authorities and to the European dependence on Russian energy supplies in general.

An important part in media coverage of energy issues constituted the use of words and figures of speech. Their choice became more stringent during the difficult phases and softened as soon as the pipeline project developed. The analysis of the use of words shows that in certain articles the importation of Russian gas was related to the situation with democracy and human rights in Russia. This gives evidence that economic cooperation was already then politicized not only by politicians, but also by media, in this case the German media. This trend was at that time often criticized by Russian diplomats and supporters of *Realpolitik*. Beyond that, this shows the differences between the official moderate or friendly position of German authorities and scholars of those days, and the rather critical

position of German media. At times one feels that the media might try to be more even-handed and, as well as referring to statements by representatives from business and political arenas, also to quote national and international academic experts.

REFERENCES

1. Mez, L. (2007). Zur Rolle der Medien in der deutschen Energiepolitik. In Medien und Policy. Neue Machtkonstellationen in ausgewählten Politikfeldern, Eds., Koch-Baumgarten, S. and Mez, L..
2. *World Economic Forum* (2013). Energy vision 2013. Energy Transitions: Past and Future, pp: 52.
3. *World Energy Outlook* (2011). Special Report: Are we entering a golden age of gas? Paris, OECD/International Energy Agency, pp: 121. Available at: http://www.worldenergyoutlook.org/media/weowebsite/2011/weo2011_goldenageofgasreport.pdf
4. *Standard Eurobarometer 78: Media use in the European Union report* (2012). European Commission, pp: 8. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb78/eb78_media_en.pdf
5. Mihm, A. (2010a). Russisches Gas macht Boden um Deutsche Eiche, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.09.2010 (211): 13
6. Mihm, A. (2010b). Das russische Drittel. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.08.2010 (189): 7 Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/erdgas-das-russische-drittel-1643291.html>
7. Piper, N. (2006). Erdgas ist Macht, Süddeutsche Zeitung, 03.01.2006: 4. Available at: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/kommentar-erdgas-ist-macht-1.504527>
8. Brössler, D. (2010). Vorsicht Russland, Süddeutsche Zeitung, 19.05.2010: 4. Available at: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/beunruhigender-gasstreit-vorsicht-russland-1.906375>
9. Holm, K. (2006). Bruderkrieg: Nach dem Ende des Gasstreits. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 05.01.2006 (4): 31.
10. Mihm, A. (2009). Wege nach Europa. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.01.2009 (14): 18. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/wege-nach-europa-neue-gas-pipelines-sollen-steigende-nachfrage-befriedigen-1635907.html>
11. Kornilaewa, N. (2008). Language means as a manner of modelling of the perception in political discourse, Ph.D. thesis, Moscow State Pedagogical University, pp. 180.
12. Vesper, R. (2009). Wer spielt falsch? Frankfurter Allgemeine Zeitung, 08.01.2009 (6): 10.
13. Wehner, M. (2004). Der Kampf um Russlands Öl. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 30.07.2004 (175): 11.
14. Schmidt, J. (2008). Ein Netz von Röhren und Interessen. Süddeutsche Zeitung, 18.03.2008: 8. Available at: <http://jetzt.sueddeutsche.de/texte/anzeigen/425081/Ein-Netz-von-Roehren-und-Interessen>
15. Krippendorf, K. (1994). Der Verschwundene Bote: Metaphern und Modelle der Kommunikation. In Die Wirklichkeit der Medien; Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. Merten, K., Schmidt S.J., Weischenberg S., Eds. Opladen, Westdeutscher Verlag
16. Dahlkamp, J., Dohmen, F. et al. (2008). Giftiger Cocktail. Der Spiegel, 25.08.2008 (35): 78. Available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-59403043.html>
17. Gudehaus, C., Eichenberg, A., Weyer H. (2010). Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Metzler Ed. Stuttgart.

Information about the author

Barabash Victor V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Dean, Philological faculty, Head, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, barabash.victor@gmail.com

Dudina Galina S., Postgraduate Student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, Gala.dudina@gmail.com

Received: 23rd March 2016

For article citation: Dudina G.S., Barabash V.V. Representation of the EU-Russian energy relations: coverage of the Nord-stream pipeline's construction in German quality media. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 70-75.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-70-75. [en]

Информация об авторе

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Декан Филологического факультета, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия barabash.victor@gmail.com

Дудина Галина Сергеевна, аспирантка кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия Gala.dudina@gmail.com
Получена: 23.марта.2016

Для цитирования статьи: Dudina G.S., Barabash V.V. Representation of the EU-Russian energy relations: coverage of the Nord-stream pipeline's construction in German quality media. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 70-75.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-70-75. [en]

UDC 31

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86

VELIKIY Petr P.,
Institute of Agrarian Problems,
Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович,
Институт аграрных проблем,
Российская академия наук,
г. Саратов Россия
iagpran@mail.ru

MIGRANTS FROM THE COUNTRIES OF SOUTH- EASTERN REGIONS IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ

In the article on the basis of sociological research in three regions of the country the practices of socio-economic interactions of labor migrants and native countrymen are considered. There has been revealed a specificity of contacts depending on the types of migrants arriving with different purposes and orientations so as to take roots in the receiving country. It is marked that labor migrants, being heterogeneous on demographic, professional characteristics, mastering the language and level of education, have different aims of the arrival to the Russian Federation. The author explains the specificity of socio-economic interaction depending on the places of application of labor by migrants, duration of staying, taking roots in a new environment. The analysis lets to formulate a view about factors defining both solidarity and preconditions of conflicts in interaction between migrants and native population. The models of socio-economic interaction, described in the article, are based on the empirical data – results of interrogatory of experts and interview of migrants and native countrymen. In this context the situation in the Russian countryside and agro-food complex is shown which is characterized on the one hand by the surplus of able to work people and on the other hand by the incapability of modern economic structures to give working place for all rural people. In spite of this contradiction labor migrants have a space of employment which, to the author's mind, has a perspective to widen. The author comes to the conclusion that with the balanced exchange of material resources and spiritual values between the representatives of both sides there are removed the preconditions for contradictions and conflicts in the space of their intercourse. At the same time the asymmetry of social actions is able to influence on the appearance and escalation of tension and it causes the necessity of constant monitoring and correction of migration policy.

В статье на материалах социологического исследования, проведенного в трех регионах страны, рассмотрены практики социально-экономического взаимодействия трудовых мигрантов и коренных сельских жителей. Выявлена специфика общения в зависимости от типов мигрантов, прибывающих с разными целями и ориентирами на предмет укоренения в принимающей стране. Отмечено, что трудовые мигранты, будучи неоднородными по демографическим, профессиональным признакам, знанию языка, уровню образования, имеют разные целевые установки прибытия в Российскую Федерацию. Автор объясняет специфику социально-экономического взаимодействия в зависимости от мест приложения труда мигрантов, длительности пребывания, укорененности в новой для них среде. Проведенный анализ позволяет сформировать представление о факторах, определяющих как солидарность, так и предпосылки конфликтов во взаимодействии мигрантов и коренного населения. Модели социально-экономического взаимодействия, описанные в статье, базируются на эмпирических данных – результатах опроса экспертов и интервью мигрантов и коренных жителей сел. В этом же контексте показана ситуация в российском селе и агропродовольственном комплексе, которая характеризуется с одной стороны избытком трудоспособного населения, с другой неспособностью современных хозяйственных укладов предоставить всем сельским жителям рабочее место. Несмотря на данное противоречие трудовым мигрантам находится пространство занятости, которое по мысли автора в перспективе будет расширяться. Автор приходит к выводу, что при сбалансированном обмене материальными ресурсами и духовными ценностями представителей той и другой стороны снижаются предпосылки для противоречий и конфликтов в пространстве их общения. В тоже время асимметрия социальных действий способна повлиять на появление и эскалацию напряженности, что вызывает необходимость постоянного мониторинга и корректировки миграционной политики.

Keywords: labor migrants, village, villagers, farmers, socio-economic interaction, models of behavior

Ключевые слова: трудовые мигранты, село, сельские жители, фермеры, социально-экономическое взаимодействие, модели поведения

Element rolling refugees in Western Europe in 2015 caused serious concern in Russia, as in other countries at risk - get in the way of intensive migrant flows subjected move residents of neighboring states. As noted by S. Bagdasarov, Head of the Center for the Middle East and Central Asia Study, to us even before the crisis year came to 15 million migrants from CIS countries, and at least 1 million remained under various pretexts [1, P.7]. In addition to understanding the benefits of their labor force participation in different industries in the common consciousness intensified concern about the negative consequences that have already met the indigenous people of the European countries.

According to the UN in 2013 Russia was the second most popular country for migration. Despite the fact that a significant portion of migratory flows accounted for urban settlements, migration growth rate of the rural population due to migration exchange with foreign countries in 2013 amounted to 18 per 10,000 people with 21 per 10,000 urban population [2].

Migration in Russia's rural population growth in 2013 was provided by the citizens of more than 50 countries, but 93% of the total number of secured citizens of the CIS countries, mainly from Uzbekistan, Armenia, Kazakhstan, Tajikistan, Moldova and Ukraine. The greatest shares of the profits in the

countryside of the total number of migrants are citizens of Kyrgyzstan, Kazakhstan, Moldova and Armenia.

Noteworthy the specific age and gender composition of international migrants, are clearly marked in recent years. In contrast to the internal migration of the rural population, where more women than men among both arrivals and departures among the modern international migration in rural areas has a male face, staying mostly of working age men. Thus, men accounted for 60% of migrants who came from other countries; with the departures of foreigners among them was already 73.4% in 2013. Thus, this ratio was 50.7% and 48.9%, respectively [3] has a 2008. These data can be considered as one indication of a sharp increase in recent years, the real scale of labor migration in the area of Russia. The Russian agricultural sector employs workers from more than 50 countries. Their distribution in the Volga Federal District as follows: Kazakhstan - 27%, Uzbekistan - 23%, 13.0% - Armenia, Azerbaijan - 10%, Kyrgyzstan - and Tajikistan - 7%. Their share in comparison with other sectors is low - 10.9%, whereas in public catering - 27.1%, construction - 24.7%, trade - 16.4%, in manufacturing - 15.2% [4]. Distribution of migrants in economic organizations includes the hiring - 28.6%, for farmers - 15.3%, seasonal - 12.6%, set up an independent economy - 52.4%. In Altay Krai have two municipal areas, where migrants make up more than half of the total number of employees of the AIC.

This article summarizes the results of a research project supported by the Russian National Foundation for Humanities (grant 14-03-00033) "Migrant workers in Russia's agro-food complex: a model of social and economic interaction with the local population", the empirical data of which were obtained in 2014.

Recently migrant theme was not burdened by the facts of disaster refugees crossing the borders of the European states and their conflicts with the indigenous population. This saved the research team from the shift in focus to the search conflict aspects of migration. Attention was focused on the "natural" conditions of mutual solidarity, which we associate with self-tuning of socio-economic relations of representatives of one or another of the parties (workers and indigenous people).

With the help of experts, employees of local municipalities, 13 kinds of possible exchange has been allocated. A list of them turned out to be more extensive in the study.

Another feature of the project was an attempt to link the phenomenon of social and economic dialogue with the specific territories. Regions selected for the field of sociological studies (Saratov Region, Altai and Khabarovsk territories), located on the axis of the East-West and South-North. Despite the conventionality of this division, we followed the migrant flows south-eastern regions, for which the intersection of the borders of Russia this movement to the north, and then spread to the regions east and west of the country.

Tools of the research project were designed by the task - to find the facts, the intensity and quality of the exchange of resources, which have both migrants and indigenous people. We realized that these resources are limited as in one or the other side.

In each of the selected regions applied common techniques and research tools: expert profile (300 municipal workers) and a standardized interview migrants and indigenous people (40 per region).

Based on the theory of exchange (Simmel, Blau, Elster, Baudrillard) and taking into account the increase in migratory flows over the horizon from South to North, we can assume that only a balanced exchange, economic and social, between migrants and indigenous rural settlement can be a decisive factor in their conflict-free coexistence, trust and solidarity. Research Toolkit provided a wide range of possible everyday situations where indigenous and re-populate the people (including the length of stay) may come into contact, from labor exchange experience in conducting agricultural activities to visiting each other, joint participation in public works on the improvement of the village, etc. With greater emphasis placed on the behavior of workers, since the part of the indigenous rural population is almost no complaints about the presence of new inhabitants and the coexistence of different ethnic communities in the Soviet and post-Soviet years confirm this.

Their stay in the countryside should be seen against the background of the socio-economic situation, which has occurred as a result of the agrarian reform. Factor of economic benefits inherent in the market economy in agriculture, it is often dominant, repaying the responsibility of farmers and managers of agricultural enterprises to the local community to ensure that it adequately paid jobs, while migrant workers can safely extend the working day and pay less.

There are some differences in the socio-economic interaction, which are closed on: a) the differences in the nature of the duration of their adaptation (seasonal, temporary, being rooted and trans- it); b) to what species their presence more "fit" the Russian region; c) to the arrival objectives in the regions.

Models of socio-economic interaction of seasonal migrants are differentiated depending on the degree of freedom in the labor rhythm, resettlement, Russian language skills, and level of accumulated potential to adapt to other sphere. Groups of migrants employed in the cultivation of melons, often

settle in hastily constructed on the premises around the fields and almost do not communicate with the locals. This is the same everyday and the part of the workers, which are placed within the boundaries of compact settlement. Because of the excessive workload and strict control on the part of the employer and the older ethnic group to chat with the locals just do not have time. It is isolated on a closed model of stay of migrants in the Russian countryside, socio-economic interaction which limited communication with the management only (farm or large-scale farms), and then only through their ethnic group leader.

Much more extensive is the socio-economic interaction with the indigenous population of migrant workers, on their own within the other sphere, out of "organized" migration. The space of their work are leading an individual building or renovating premises some villagers, gardeners, construction companies, which have facilities in rural areas. This group of migrants is involved in an exchange with the local population in employment in a relatively simple economic calculation of basic resources, which are almost never issued the relevant regulations, which leaves room for the influence of the moral factor. If the customer did not like the quality of the work, he unilaterally reduces the size of the payment, and the migrant can not anything to oppose it. This type of model of socio-economic interaction can be called random sporadic type.

Factor randomness of demand resources of migrants and migrant workers present and focused on a longer term stay in the countryside, individual families, not compact. Trying to cater to the local community, they tend to not only help the "grandmothers" (their words) on the farm, but also to participate in common activities for the villages' development, festivals and so on. This model is characterized by a certain stability of the relationship, the adaptability of the first level, which includes a certain level of interpersonal contacts. It adjoins a model second-level adaptation, including behavior rooted migrants accepted stereotypes economic activities specific to the local community. For example, if locale accommodations made to combine work in the village and commuting, migrants are included in this process. Moreover, often showing greater zeal than the members of the local community: the plant growing number of cattle, often goes to trade products. Develop it the other parties of communication, they appear buddies and friends; children studying at the local school, learn the value of international character.

The most successful can be considered a model of social and economic interaction between the third adaptation layers, which unites migrants who have become entrepreneurs. This is rooted part of migrants, on the effectiveness of local farmers is equal, and sometimes superior to them. However, individuals of this type are focused on greater economic exchange inherent impersonal parties "buyer-seller", and from the community they are excluded, preferring to communicate with the authorities of the municipal district. In addition to the above, there is a mixed model of labor personnel (execution of joint labor operations as the representatives of local communities and migrants, which is typical on fisheries for Khabarovsk Territory). They set the tone in the workers, indigenous, migrants assimilate behavior. In other regions, this model is not widespread, due to the specifics of the modern organization of production in agriculture and animal husbandry, where jobs are staffed by representatives of the indigenous population. Model of marital assimilation is emerging in the Far East.

The most intense is the assimilation of migrants, with the introduction of the human environment in their marital relationship with a local partner (the necks), which creates an atypical way of exchange relations. Analysis of a large number of sources on the subject shows that in the Far East discourse is dominated by mixed marriages between Russians and Chinese are, in general, marriage Russian women and Chinese men. Today, more and more Russian women marry Chinese in various regions of the Far East. However, the shares of these marriages are statistically insignificant. For example, for the period from 1997 to 2008 in the Amur Region were officially registered 86 Russian-Chinese marriages, representing 0.0001% of all marriages registered during this period [5].

According to opinion polls conducted at the turn of the 1990s. and early 2000s. [6, P.42] only 12.4% of Chinese respondents expressed a negative or rather negative attitude toward marriage with a Russian, and more than half (60.5%) expressed their positive attitude. It is obvious that inter-ethnic marriages are quite popular among the Chinese. Moreover, such marriages are welcomed and encouraged in China on an official level.

Russian women who marry Chinese people believe that the Chinese men kinder, they do not drink, work hard, bring home all wages, not only work in the workplace, but also at home help - cook, wash, clean, and in general with these women feel confident and calm.

The low involvement of migrants, especially temporary and seasonal, which is observed in all regions in metabolic processes with the indigenous rural population due to the low level of socio-economic activity of the majority of indigenous rural families, the lack of resources they could offer for exchange. Nevertheless, the positive experience of social and economic cooperation, which is complemented by cultural and household, is already available. Experts survey shows the following distri-

bution of ratings: 13 forms of socio-economic interaction: in the first place "workers - employees farmer (39%)", in the second place - to sell to local migrants food and other goods (23.5%), in the third place - workers are employed from the local population (20%), in the fourth place - the workers and the local exchange cooking recipes and (19.2%), on the fifth place - exchange ways of preserving food (17.9%). Estimates of contacts such as local-employees migrants, mutual visiting, renting land for rent to migrants, participation in socially useful activities, and other ranged from 15 to 6.3%. That is another side to find ways to communicate, and in it, in our opinion, are rooted serious prerequisites for deepening the conflict-free co-existence of the rural community, to assimilate the norms that arise in ethnic diversity of cultures and ways of life.

All of these characteristics can be traced behavioral strategies, differing migration intentions to integrate into the host society: passive short-term strategy (income for a family); active long-term strategy aimed at ensuring not only the family but also in the education of children, the opportunity to open any business on his return to his country; active long-term strategy, which sets the target for starting a business or building a career in their adopted country; youth strategy which prevails hedonistic component; women's strategy (a way to get the financial ability to "lift" the children overcome their marginal position in the exit country).

The prospect of rural Russia is a reduction of the rural population, increase in the share of countryside without population. Probably, the situation in certain regions of southern Russia will not be so dramatic due to internal migration between regions. However, other regions of the desertification of rural Russia are inevitable. Perhaps, when the players in the agricultural field (business and authorities) will find that due to the lack of settlements and workers in agriculture is impossible to conduct, in the deserted village will attract migrants. And if they take root there, it will be a different rural Russia, where the share of Russian and other indigenous ethnic groups would be minimal.

This is well illustrated by the two neighboring villages of Saratov Region, the inhabitants of one of them are Kurds, another - Russian: the size of families first - 4.5 persons, the second (Russian) - 2.4 people; Russian marry at the age of 28 (men), 25 years (women); Kurds - 20 years old (male), 18 years old (female). Single and divorced in Russian village - 42%, in the Kurdish - 13%. The migration balance is negative Russian village inhabitants, the Kurdish - positive. The local school, which serves both the village, consists for a half of Kurdish children.

The quality of socio-economic relations and religious influences migrants, most of which adheres to Islam, the religion of the leading countries in output. In some cases, if their faith is shallow, migrants do not spread it to the canons of everyday life and are guided by the prevailing custom in the area, including the small deception exchange counterparties. Another thing, when individuals are representatives of traditional Islam. Long-term contact with the head of the family rooted migrants of this type of faith assures that his stable position in the local community supported the style of behavior - not reply adequately property damage (evil for evil), and success in dealing with unfamiliar customers products grown them in the courtyard, provided observance of the principle of strict separation of the pure from the impure objects. Knowing this, buyers prefer its products, for reasons of reliability and processing technology.

The existing gap in living standards between the North (Russian regions) and south (adjacent areas) form the migration guidelines. Loosely populated rural areas in the minds of Russian labor migrants are seen as areas where you can get resources to improve business in the countries of origin. Transit migrants southern regions, aimed at Russian regions and edges in a line from the Volga River to the Pacific Ocean, despite its length, is really loaded. Uzbeks, Tajiks, Koreans, and Chinese are present everywhere and realize quite similar patterns of interaction with the indigenous population.

We have touched on only a few aspects of socio-economic interaction of migrants and the indigenous population, which in the initial stage of formation looks tolerant. However, in the process of deepening these relations are not excluded contradictions, objectively determined the asymmetry of social action: the benefits of the native population having more stable position and the subjective aspect, related to the recognition of the rights of local people to some additional advantages of its position in the area.

According to K.S. Mokin, "the term "indigenous" (residents) are often interpreted as the right to additional benefits in the territory, which is perceived as a violation of civil rights of all other nationalities" [7, P.42]. Migrants are often perceived as a new element of social protection, reducing the overall level of security of different groups of the host population. Interviews with migrants in the regions studied showed almost complete ignorance of the existence in their adopted territory of the bodies responsible for diasporas, to which they belong, and would ask for help.

The dominance of negative information about migrants in the media, the lack of explanatory work with the indigenous population of the need of external migration does not allow indigenous people to adequately assess the situation. Often attributed to a particular group is not inherent in the neg-

ative qualities that lead to the spread migrant phobia population. Only reliance on coming from the depths of time samples of Russian interethnic communication with other ethnic groups often give examples of effective interaction.

Local people fear that the flow of migrants creates additional problems in the labor market and the housing market affects the worse the conditions and quality of life of the majority of Russians, de-regulate established over time the relationship between subcultures groups [8, P. 114]. This is a real or perceived security of the fall is the factor responsible for the alienation that leads to intolerance of competing strata.

All these processes are waiting to be explored on the basis of a multidisciplinary approach. In conclusion, we note that, despite the small proportion of migrants seeking work in agriculture, their accumulation in rural areas will increase, which updates and scientific understanding of the processes of adaptation, taking into account the wider framework of communication - not only economic, but also cultural, inter-religious. The space of socio-economic interaction between migrants and the local populations in the village has a number of specific features and differences from the city. Their stay in the countryside should be seen against the background of the socio-economic situation, which has occurred as a result of the agrarian reform. At the beginning of the agrarian reform 8 from 10 million were redundant for new economic structures. Since 2009, the number of unemployed has increased, and nearly half a million villagers were desperate to get at least some work [9, P. 212].

However the main group of villagers self-determined use of channels of well-being and survival. The bulk is only indirectly related to agricultural production, and if it interacts with the large-scale farms, then mainly as land lessors and buyers of fodder for his cattle family farm. For this category of workers are not competitors on any fields of living space. Not migrants are competitors for highly skilled professionals - mechanics, working on good, often imported machinery. They are considered essential. On disposal of some of their employer (the farmer or the head of large-scale farms) rather direct its efforts to ensure that the right person to lure from other places than to invite fellow villager, he did not always appreciate how professional and generally reliable person. Migrants in such a situation, the more can not be claimed.

The next group is the youth of the rural families. They tend to focus on employment outside the countryside, in the town, so a permanent employment in agriculture does not suit her, so jobs unskilled in modern large-scale farms are not. This group of workers does not interfere. The same can be said of rural pensioners, who live only a small pension (in a situation of exclusion from the problems of socially organized economy). However, certain categories of migrants, they may have an interest to the employees they hire sometimes to perform a simple operation on a farmstead, unbearable for them because of their age.

Several different fold socio-economic interaction with migrants that have a status close to the local residents on the "rootedness" (who became citizens of Russia or being in a stage of institutional design, closer to that status). In this group with the local population, as a rule, it develops the entire set of interactions inherent in modern rural community. In the model combined the traditional forms neighbor and companionship, and the new forms, due to market ethos.

Among the migrants may turn out to be carriers of the so-called core competencies, the activity of which gives good results in the implementation of breakthrough projects (due to the know-how, professionalism, hard work). In Russia, many prominent figures in various fields of art, literature, science, medicine, technology, sports, etc., with non-Russian names. Many of them come from neighboring countries (ever been in the situation of migrants). This is certainly possible in the agricultural sphere.

In general, the philosophy of their agribusiness is increasingly losing human oriented character. Already appeared in print justify that the entire infrastructure of agricultural production should be concentrated in the regional center (countryside or town), other settlements are unnecessary. Even though such project-option will not realize, however, the filling area (even if guided by purely economic objective - to bring the territorial producers to agricultural land) have to think, and migrants may become the only resource for the task.

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ

Стихия наката беженцев на Западную Европу в 2015 году вызвала серьезное беспокойство в России, как и в других странах, находящихся в зоне риска - оказаться на пути интенсивных мигрантских потоков, подвергнуться заселению жителями сопредельных государств. Как отмечал С. Багдасаров, директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии, к нам еще до кризиса ежегодно приезжали до 15 млн. мигрантов из стран СНГ и как минимум до 1 млн. оставались под разными предлогами [1, С.7]. Кроме понимания пользы от трудового участия их в разных отраслях производства в общепринятом сознании усиливается тре-

вога по поводу отрицательных последствий, с которыми уже встретились коренные жители европейских стран.

По данным ООН Россия в 2013 году являлась второй по популярности страной для миграции. Несмотря на то, что значительная часть миграционных потоков приходится на городские поселения, коэффициент миграционного прироста сельского населения за счет миграционного обмена с зарубежными странами составил в 2013 г. 18 человека на 10000 человек при 21 человеке на 10000 для городского населения [2].

Миграционный прирост численности сельского населения России в 2013 году был обеспечен за счет граждан более 50 государств, однако 93% общей численности обеспечили граждане стран СНГ, в основном из Узбекистана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Молдовы и Украины. Наибольшую долю прибывших в сельскую местность от общего числа мигрантов - составляют граждане Кыргызстана, Казахстана, Молдовы и Армении.

Обращает на себя внимание и специфика возрастного и гендерного состава международных мигрантов, четко обозначившаяся в последние годы. В отличие от внутренней миграции сельского населения, где женщин больше чем мужчин как среди прибывших, так и среди выбывших, современная международная миграция на селе имеет мужское лицо, т.е. пребывают преимущественно мужчины трудоспособного возраста. Так, в 2013 году мужчины составили 60% мигрантов, прибывших из других стран, при этом среди выбывших иностранцев их было уже 73,4%. При этом, еще в 2008 году данное соотношение составляло 50,7% и 48,9% соответственно [3]. Приведенные данные можно рассматривать как одно из свидетельств резкого увеличения в последние годы реальных масштабов трудовой миграции в пространстве России. В АПК России трудятся мигранты из более 50 стран. Распределение их в Приволжском Федеральном округе следующее: из Казахстана – 27%, Узбекистана – 23%, Армении – 13,0%, Азербайджана – 10%, Киргизии – и Таджикистана – по 7%. Их доля в сравнении с другими отраслями невелика – 10,9%, тогда как в общественном питании – 27,1%, в строительстве – 24,7%, в торговле – 16,4%, в обрабатывающем производстве – 15,2% [4]. Распределение мигрантов в хозяйственных организациях следующее: по найму – 28,6%, у фермеров – 15,3%, сезонные – 12,6%, создали самостоятельное хозяйство – 52,4%. В Алтайском крае есть два муниципальных района, где мигранты составляют более половины от общего количества работников АПК.

В настоящей статье обобщены результаты исследовательского проекта, поддержанного РГНФ (грант 14-03-00033) «Трудовые мигранты в российском агропродовольственном комплексе: модели социально-экономического взаимодействия с коренным населением», эмпирические данные которого получены в 2014 году.

В то время мигрантская тематика еще не была отягощена фактами бедствий беженцев, пересекающих границы европейских государств и конфликтов их с коренным населением. Это уберегло исследовательскую группу от смещения акцентов на поиск конфликтологических аспектов миграции. Внимание было акцентировано на «естественные» предпосылки взаимной солидарности, которые мы связывали с самонастраиванием социально-экономических отношений представителей той или иной сторон (мигрантов и коренного населения).

С помощью экспертов, работников местных муниципальных органов было выделено 13 видов возможного обмена. В ходе исследования перечень их оказался более широким.

Другой особенностью проекта явилась попытка связать феномен социально-экономического общения со спецификой территорий. Регионы, избранные для полевых социологических исследований (Саратовская область, Алтайский и Хабаровский края), находятся на оси Восток-Запад и Юг-Север. Несмотря на условность такого деления, мы следовали за мигрантскими потоками юго-восточных регионов, для которых пересечение границы России это движение на север, с последующим распространением на регионы востока и запада страны.

Инструменты исследовательского проекта были сконструированы под задачу – обнаружить факты, интенсивность и качество обмена ресурсами, которыми обладают и мигранты, и коренное население. Мы создавали, что эти ресурсы весьма ограничены как у одной, так и другой стороны.

В каждом из избранных регионов применены единые методики и инструменты исследования: анкета эксперта (300 человек, работников муниципальных органов) и стандартизированное интервью мигрантов и коренных жителей (по 40 в каждом регионе).

Опираясь на теории обмена (Зиммель, Блау, Элстер, Бодрийяр) и учитывая увеличение миграционных потоков по горизонту Юг-Север, можно предположить, что только сбалансированный обмен, экономический и социальный, между мигрантами и коренным сельским поселением может стать решающим фактором их бесконфликтного сосуществования, доверия и солидарности. Инструментарий исследования предусматривал широкий круг возможных ситуаций повседневности, где коренные и вновь заселившиеся люди (с учетом длительности пребывания

ния) могут вступать в контакты: от обмена трудом, опытом ведения сельскохозяйственных работ до гостевания друг у друга, совместного участия в общественных работах по благоустройству села и т.п. При этом акцент больше сделан на поведение мигрантов, поскольку со стороны коренного сельского населения почти нет претензий к присутствию новых обитателей и бесконфликтное сосуществование этнически разнообразных сообществ в советские и постсоветские годы это подтверждают.

Их пребывание в селе нужно рассматривать на фоне той социально-экономической ситуации, которая произошла в результате аграрной реформы. Фактор экономической выгоды, присущий рыночному хозяйствованию в АПК, зачастую оказывается доминирующим, погашая ответственность фермеров и руководителей сельскохозяйственных предприятий перед локальным сообществом за обеспечение его достойно оплачиваемыми рабочими местами, между тем как трудовым мигрантам можно безболезненно удлинять рабочий день и платить меньше.

Существуют некоторые различия социально-экономического взаимодействия, которые замыкаются на: а) различия по характеру длительности их адаптации (сезонные, временные, укорененные, транзитные); б) по тому, к какому виду их присутствия больше «приспособлен» российский регион; в) по целям прибытия в регионы.

Модели социально-экономического взаимодействия сезонных мигрантов дифференцированы в зависимости от степени свободы в ритме труда, расселения, знания русского языка, уровня накопленного потенциала к адаптации в иносфере. Группы мигрантов, занятых на выращивании бахчевых культур, зачастую селятся в построенных на скорую руку помещениях около полей и почти не общаются с местными жителями. Такова же повседневность и той части мигрантов, которые размещены компактно в черте поселения. Из-за чрезмерной трудовой нагрузки и жесткого контроля со стороны работодателя и старшего этнической группы на общение с местными жителями просто не остается времени. Это изолированная замкнутая на себя модель пребывания мигрантов в российском селе, социально-экономическое взаимодействие которой ограничено только общением с руководством (фермерского хозяйства или крупхоза) и то исключительно через своего этнического руководителя группы.

Гораздо более обширным является социально-экономическое взаимодействие с коренным населением трудовых мигрантов, самостоятельно входящим в иносреду, т. е. вне «организованной» миграции. Пространством их труда являются ведущие индивидуальное строительство или ремонт помещений отдельные сельские жители, дачники, строительные фирмы, которые имеют объекты в сельской местности. Эта группа мигрантов участвует в обмене с местным населением в основном ресурсами труда на относительно строгом экономическом расчете, который почти никогда не оформляется надлежащими нормативными документами, что оставляет простор для влияния морального фактора. Если заказчику не понравилось качество выполненной работы, он односторонне уменьшит размер оплаты, и мигрант ничего противопоставить этому не может. Этот тип модели социально-экономического взаимодействия может быть назван случайно-спорадическим.

Фактор случайности востребованности ресурсов мигрантов и присутствует и у мигрантов, ориентированных на более длительный срок проживания в селах, отдельными семьями, не компактно. Стараясь угодить местному сообществу, они, как правило, не только помогают «бабушкам» (по их выражению) по хозяйству, но и участвуют в общих мероприятиях по обустройству сел, праздниках и т. п. Данную модель характеризует некоторая устойчивость отношений, адаптивность первого уровня, которая включает определенный уровень межличностных контактов. К ней примыкает модель второго уровня адаптации, включающая поведение укорененных мигрантов, принявших стереотипы экономических действий, характерных для местного сообщества. Например, если в локале проживания принято совмещать работу в селе и маятниковую трудовую миграцию, то в этот процесс включаются и мигранты. Причем, нередко проявляя больше усердия, чем члены местного сообщества: заводят большее количество скота, чаще выезжают торговать продукцией. Развивают они и другие стороны общения, у них появляются приятели и друзья; дети, обучаясь в местной школе, осваивают ценности интернационального характера.

Наиболее успешной можно считать модель социально-экономического взаимодействия третьего уровня адаптации, объединяющей мигрантов, ставших бизнесменами. Это уже укорененная часть мигрантов, по эффективности равная местным фермерам, а иногда превосходящая их. Однако индивиды данного типа больше сориентированы на экономический обмен, присущей обезличенным сторонам «продавец-покупатель», а от местного сообщества они отстранены, предпочитая общение с органами власти муниципального района. Помимо описанных выше, имеется модель смешанных трудовых персоналов, т. е. совместного выполнения трудовых операций как представителями местных сообществ, так и мигрантов, что характерно для

Хабаровского края, на рыбных промыслах. Тон в них задают работники из числа коренных жителей, поведение которых усваивают мигранты. В других регионах эта модель не распространена, что объясняется спецификой современной организации производства в земледелии и животноводстве, где рабочие места укомплектованы представителями коренного населения. На Дальнем Востоке зарождается модель брачной ассимиляции.

Наиболее интенсивной является ассимиляция мигрантов при вступлении человека из их среды в брачные отношения с местным партнером (шей), что создает нетипичный образ обменных отношений. Анализ значительного числа источников на данную тему показывает, что в дальневосточном дискурсе доминируют смешанные браки между россиянами и китайцами – это, в основном, браки российских женщин и китайских мужчин. Сегодня всё больше русских женщин выходят замуж за китайцев в различных регионах Дальнего Востока. Однако доля эти браков статистически незначительная. Так, например, за период с 1997 г. по 2008 г. в Амурской области официально было зарегистрировано 86 русско-китайских браков, что составляет 0,0001 % от всех браков, зарегистрированных за данный период [5].

По данным социологических опросов, проведенных на рубеже 1990-х и начала 2000-х годов [6, С.42] только 12,4% китайских респондентов выразили отрицательное или скорее отрицательное отношение к браку с русскими, а более половины (60,5%) высказали свое положительное отношение. Очевидно, что среди китайцев межэтнические браки достаточно популярны. Более того, такие браки приветствуются и поощряются в Китае на официальном уровне.

Русские женщины, которые выходят замуж за китайцев считают, что китайские мужчины добрее, они не пьют, очень много работают, приносят домой всю заработную плату, не только работают на производстве, но и дома помогают – готовят, стирают, убирают, и в целом с ними женщины чувствуют себя уверенней и спокойней.

Низкая включенность мигрантов, прежде всего временных и сезонных, которая наблюдается во всех регионах в обменные процессы с коренным сельским населением обусловлена невысоким уровнем социально-экономической активности большинства коренных сельских семей, отсутствием ресурсов, которые они могли бы предложить для обмена. Тем не менее, позитивный опыт социально-экономического взаимодействия, который дополняется и культурно-бытовым, уже имеется. Опрос экспертов показывает следующее распределение оценок: из 13 форм социального и экономического взаимодействия: на первом месте «мигранты – наемные работники у фермера (39%)», на втором - местные продают мигрантам продукты питания и другие товары (23,5%), на третьем – мигранты работают по найму у местного населения (20%), на четвертом – мигранты и местные обмениваются приготовлениями пищи и рецептами (19,2), на пятом обмен способами сохранения продуктов (17,9%). Оценки таких контактов как: местные - наемные работники у мигрантов, взаимное гостевание, сдача мигрантам земли в аренду, участие в общественно полезных мероприятиях и другое, составили от 15 до 6,3%. Та и другая сторона находят пути для общения, и в нем, по нашему убеждению, кроются серьезные предпосылки для углубления бесконфликтного сосуществования сельской общности, усваивающей нормы, которые возникают при этнонациональном разнообразии культур и образов жизни.

За всеми этими характеристиками прослеживаются поведенческие стратегии, различающихся миграционными намерениями по интеграции в принимающее сообщество: пассивная краткосрочная стратегия (заработок для обеспечения семьи); активная долгосрочная стратегия, нацеленная не только на обеспечение семьи, но и на образование детей, возможность открыть какое-либо дело по возвращении в свою страну; активная долгосрочная стратегия, ставящая цель на открытие бизнеса или выстраивание карьеры в принявшей их стране; молодежная стратегия в которой превалирует гедонистическая составляющая; женская стратегия (способ получить финансовую возможность «поднять» детей, преодолеть маргинальность своего положения в стране выхода).

Перспектива сельской России – сокращение сельского населения, рост доли сел без населения. Вероятно, ситуация в отдельных регионах юга России не будет настолько драматичной за счет внутренней межрегиональной миграции. Однако опустынивание других регионов сельской России неизбежно. Возможно, когда игроки на аграрном поле (бизнес и властные структуры) обнаружат, что из-за отсутствия поселений и работников в них сельское хозяйство вести невозможно, в опустевшие деревни станут привлекать мигрантов. И если они укоренятся там, это будет уже другая сельская Россия, в которой доля русских и других коренных этносов окажется минимальной.

Это хорошо видно на примере двух соседних сел Саратовской области, обитатели одного из них курды, другого – русские: размер семей первых – 4,5 чел., второго (русского) – 2,4 чел.; русские вступают в брак в возрасте 28 лет (мужчины), 25 лет (женщины); курды - в 20 лет мужчины, в 18 лет – женщины. Холостых и разведенных в русском селе – 42%, в курдском – 13%.

Сальдо миграции обитателей русского села отрицательное, курдского - положительная. Местная школа, обслуживающая оба села, наполовину состоит из курдских детей.

На качество социально-экономических отношений влияет и религиозность мигрантов, большинство которых придерживается ислама, ведущей религии стран их выхода. В одних случаях, если их вера неглубока, мигранты не распространяют ее каноны на повседневность и руководствуются сложившимися в местности обычаями, включая мелкий обман контрагентов обмена. Другое дело, когда индивиды являются представителями традиционного ислама. Многолетнее общение с главой семьи укорененного мигранта данного типа веры убеждает, что его устойчивое положение в локальном сообществе поддерживается стилем поведения – не отвечать адекватно причиненному материальному ущербу (злом на зло), а успешность в общении с малознакомыми потребителями продукции, выращенной им на подворье, обеспечивается соблюдением принципа строгого отделения предметов чистых от нечистых. Зная это, покупатели предпочитают его продукцию, исходя из соображений надежности технологии переработки.

Существующий разрыв по уровню жизни между Севером (российские регионы) и Югом (сопредельные территории) формируют миграционные ориентиры. Неплотно заселенные сельские территории России в сознании трудовых мигрантов предстают как зоны, где можно получить ресурсы, чтобы поправить свои дела в странах исхода. Транзит мигрантов южных регионов, направленный в российские области и края, находящихся на одной линии от Волги до Тихого океана, несмотря на их протяженность, является равнонагруженным. Узбеки, таджики, корейцы и китайцы присутствуют повсеместно и реализуют достаточно схожие модели взаимодействия с коренным населением.

Мы коснулись лишь некоторых сторон социально-экономического взаимодействия мигрантов и коренного населения, которые в начальной стадии их формирования выглядят толерантно. Однако в процессе углубления таких отношений не исключены противоречия, объективно обусловленные асимметрией социальных действий: преимущества коренного населения, обладающим более стабильным положением и субъективным моментом, связанным с признанием местными жителями права на некие дополнительные преимущества своего положения на данной территории.

По мнению К.С. Мокина «термин «коренные» (жители) нередко трактуется как право на дополнительные преимущества на данной территории, что воспринимается как нарушение гражданских прав всеми другими национальностями» [7, С.42]. Мигранты часто воспринимаются как новый элемент социальной среды, снижающий общий уровень защищенности различных групп принимающего населения. Интервьюирование мигрантов в исследуемых регионах показало почти полную неосведомленность их о существовании в принявшей их территории органов, ответственных за диаспору, к которой они принадлежат и могли бы обратиться за помощью.

Доминирование негативной информации о мигрантах в СМИ, отсутствие разъяснительной работы с коренным населением о необходимости внешней миграции не позволяют коренным жителям адекватно оценить обстановку. Нередко конкретной группе приписываются не присущие негативные качества, что ведет к распространению мигрантофобии среди населения. Лишь опора на идущие из глубины веков образцы межнационального общения русских с другими этносами зачастую дают примеры эффективного взаимодействия.

Местное население опасается, что поток мигрантов создает дополнительные проблемы на рынке труда и на рынке жилья, влияет в худшую сторону на условия и качество жизни большинства россиян, разрегулирует установившиеся со временем отношения между субкультурными группами [8, С. 114]. Это реальное или субъективно воспринимаемое снижение защищенности выступает фактором, обуславливающим отчуждение, приводящее к интолерантности конкурирующих страт.

Все эти процессы ждут своих исследователей на основе междисциплинарного подхода. В заключении отметим, что, несмотря на незначительную долю мигрантов, стремящихся работать в АПК, накопление их в сельских территориях будет возрастать, что актуализирует и научное осмысление адаптационных процессов с учетом более широких рамок общения — не только экономического, но и культурного, межконфессионального. Пространство социально-экономического взаимодействия мигрантов и местного населения в условиях села имеет ряд специфических особенностей и отличий от города. Их пребывание в селе нужно рассматривать на фоне той социально-экономической ситуации, которая произошла в результате аграрной реформы. На начало аграрной реформы 8 млн. из 10 оказались лишними для новых хозяй-

ственных укладов. С 2009 года численность безработных увеличилась еще, и около полумиллиона сельских жителей отчаялись получить хоть какую-либо работу [9, С. 212].

Однако к настоящему времени основные группы сельских жителей самоопределились в использовании каналов благополучия и выживания. Основная масса имеет лишь косвенное отношение к сельскохозяйственному производству, и если она взаимодействует с крупхозами, то в основном как арендодатели земель и как покупатели фуража для скота своего семейного хозяйства. Для этой категории мигранты не являются конкурентами ни по каким полям жизненного пространства. Не являются мигранты конкурентами для высококлассных специалистов – механизаторов, работающих на хорошей, часто импортной технике. Они считаются незаменимыми. При выбытии кого-то из них работодатель (фермер или руководитель крупхоза) скорее направит свои усилия на то, чтобы переманить подходящего человека из других мест, чем пригласить односельчанина, которого он не всегда ценит как профессионала и вообще надежного человека. Мигранты в такой ситуации тем более не могут быть востребованы.

Следующая группа – молодежная часть сельских семей. Они, как правило, ориентированы на трудоустройство вне села, в городе, поэтому постоянная занятость в сельском хозяйстве ее не устраивает, да рабочих мест низкой квалификации в современных крупхозах тоже нет. Этой группе мигранты ничем не мешают. Тоже самое можно сказать о сельских пенсионерах, которые живут лишь на свою небольшую пенсию, т.е. в ситуации отстранения от проблем общественно организованного хозяйства. Тем не менее, к некоторым категориям мигрантов они могут испытывать интерес как к работникам, которых они нанимают иногда, чтобы выполнить несложную работу на подворье, непосильную для них в силу возраста.

Несколько по-другому складываются социально-экономические взаимодействия с мигрантами, которые имеют статус близкий к местным жителям по «укорененности», т.е. либо ставшими гражданами России, либо находящимися в иной стадии институционального оформления, приближения к этому статусу. У данной группы с местным населением, как правило, складывается весь набор взаимодействий, присущих современному сельскому сообществу. В модели их соединяются как традиционные формы соседского и дружеского общения, так и новые, обусловленные рыночным этосом.

Среди мигрантов могут оказаться и носители так называемой стержневой компетенции (core competence), деятельность которых дает хорошие результаты при осуществлении прорывных проектов (за счет ноу-хау, профессионализма, трудолюбия). В России немало выдающихся личностей в разных областях искусства, литературы, науки, медицины, техники, спорта и т.д., с нерусскими фамилиями. Многие из них выходцы из ближнего зарубежья, т.е. были когда-то в положении мигрантов. Такое несомненно возможно и в агросфере.

В целом философия развития собственного АПК все больше утрачивает человекосберегающий характер. Уже появились в печати обоснования того, что всю инфраструктуру сельскохозяйственного производства следует сосредоточить в районном центре (селе или в городе), другие поселения излишни. Даже если такой прожект-вариант и не осуществится, тем не менее, о заполнении территории (хотя бы руководствуясь чисто экономической задачей – приблизить территориально производителей к сельскохозяйственным угодьям) придется думать, и мигранты, возможно, станут единственным ресурсом выполнения этой задачи.

REFERENCES

1. AIF. №12. 2016. Anti-Cross Tour. С.7.
2. Demographic Annual of Russia. 2014: Rosstat. M., 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
3. Demographic Annual of Russia . 2014: Rosstat. M, 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
4. Demographic Annual of Russia . 2014: Rosstat. M., 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
5. Mixed marriages. Available at: <http://amurbereg.ru/otnosheniya-rossii-i-kitaya/smeshannye-braki>
6. Bajkov N.M. The Chinese in public opinion of the inhabitants of the Far-East town. Prospects o the Far-East region – M.: Moscow Fund of Karnegy 1999; Chinese factor in the regional development (sociological aspect); Russia-China: history and the present (collection of scientific articles). Habarovsk. HSPU.2000.
7. Mokin.K.S. Group strategies of integration of ethnic migrations communities. K.S Mokin. Saratov: Scientific book, 2006. P.42.
8. Xenophobia in modern world .V.A. Achlasov and others. Spb.: Spb.University , 2008. P.114.
9. Kalugina Z.I..Market transformation of the Russian agrarian sector. Novosibirsk. 2015. P. 212.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. АИФ. №12. 2016. Антикрестовый поход. С.7.
2. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
3. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
4. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
5. Смешанные браки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://amurbereg.ru/otnosheniya-rossii-i-kitaya/smeshannyye-braki>
6. Байков Н.М. Китайцы в общественном мнении жителей дальневосточного города// Перспективы Дальневосточного региона. – М.: Московский Фонд Карнеги. 1999; Китайский фактор в региональном развитии (социологический аспект); Россия-Китай: история и современность (сборник научных статей)- Хабаровск. Изд-во ХГПУ. 2000.
7. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ / К.С. Мокин - Саратов: Научная книга, 2006. С.42.
8. Ксенофобия в современном мире / В.А. Ачласов и [др]. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. С.114.
9. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Новосибирск. 2015. С. 212.

Information about the author

Velikiy Petr P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences, Academician, Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Honored Scientist of Russian Federation, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Received: 20th March 2016

For article citation: Velikiy P.P. Migrants from the countries of south- eastern regions in the Russian countryside. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 76-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86. [en]

Информация об авторе

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем, Российская академия наук, академик, Петровская академия наук и искусств, заслуженный деятель науки РФ, г. Саратов Россия, iagpran@mail.ru

Получена: 20 марта 2016 г.

Для цитирования статьи: Великий П.П. Мигранты из стран юго-восточных регионов в российском селе. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 76-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86. [en]

UDC 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-87-93

KHALILOV Timur A.,
Scientific Journal "Historical and Social-Educational
Ideas",
Krasnodar, Russia
tkhalilov86@gmail.com

ХАЛИЛОВ Тимур Александрович,
научный журнал «Историческая и социально-
образовательная мысль»,
г. Краснодар, Россия
tkhalilov86@gmail.com

**EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT AND
CORPORATIVE BUSINESS POLITICAL
COOPERATION IN POST-SOVIET RUSSIA:
COMPARATIVE ANALYSIS**

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И
КОРПОРАТИВНОГО БИЗНЕСА В
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Relevance of the research paper agenda is due to the proposition, that state and corporate business are the most high-status and excess-resource subjects of complex political process in the post-Soviet Russian Federation; their dispositions and strategies of political interaction practices largely dictate the type, regime, and model of political order. The novelty of marked research agenda is that the author attempting of comparative and neo-institutional analysis of interests and strategies of political interaction of political-economic subjects. Special attention in the scientific article devoted to the problem of efficiency of political interaction practice between government and corporate business. The article deals with such themes of research issues as the nature and typology of political interaction, institutional formats of political interaction, comparison of dispositions and strategies of interacting parties. Also, in a scientific paper interpreted the political-economic sources of power in post-Soviet Russia. Considerable attention is paid to the analysis of power and domination through the prism of neo-institutional approach. This scientific article author argues that in contemporary Russia simultaneously coexist several institutional modes of interaction of political and economic power, which leads to emergence of the "cage effect" – the ability of state to "capture" of social actors, to dictate the style, shape and interaction mechanisms, to determine the resource potential of the agenda changes.

Актуальность темы научной статьи обусловлена тем суждением, что государство и корпоративный бизнес являются наиболее высокостатусными и сверхресурсными субъектами сложного политического процесса в постсоветской Российской Федерации; их диспозиции и стратегии в практиках политического взаимодействия во многом детерминируют тип, режим, модель политического порядка. Новизна обозначенной научно-исследовательской повестки заключается в том, что автором осуществляется попытка проведения компаративного и неонституционального анализа интересов и стратегий политического взаимодействия данных субъектов политики. Особое внимание в научной статье уделено проблеме эффективности практик политического взаимодействия власти и корпоративного взаимодействия. В статье рассмотрены такие сюжеты исследовательской проблемы, как сущность и типология политического взаимодействия, институциональные форматы политического взаимодействия, сравнение диспозиций и стратегий взаимодействующих сторон. Также в научной статье интерпретированы политико-экономические источники власти в постсоветской России. Существенное внимание уделено анализу власти и господства сквозь призму неонституционального подхода. Автор данной научной статьи утверждает, что в современной России одновременно сосуществует несколько институциональных режимов взаимодействия политической и экономической власти, что приводит к возникновению «эффекта клетки» - способности государства «захватывать» социальных акторов, диктовать им стиль, форму и механизмы взаимодействия, определять ресурсность повестки изменений.

Keywords: state, government, corporate business, political cooperation, efficiency of interaction, political-economic sources, counterparts of political interaction, post-Soviet Russia, contemporary Russia, comparative analysis, "cage effect"

Ключевые слова: государство, власть, корпоративный бизнес, политическое взаимодействие, эффективность взаимодействия субъектов, политико-экономические источники, контрагенты политического взаимодействия, постсоветская Россия, современная Россия, сравнительный анализ, «эффект клетки»

Arguments about the static and dynamic parameters of power relations in modern Russia to lead are not easy for several reasons. Firstly, the concept of power itself has many meanings. This category of political language, depending on the context, can mean a political system in general, the political-administrative class, and sector of human activity, etc. Secondly, due to external circumstances it is obvious that in the near future there will be (or is already happening) internal transformation processes in the Russian power relations system. Third, identify the turned off settings of Russian power space demands from researchers methodological appeal to its sources.

David West, speaking about the Hannah Arendt's phenomenology of political action, comes to the conclusion that "the understanding of politics exclusively through sovereignty and rule leads ... to ignore its essential nature activities that occur between people" [1, p. 200]. Vladimir Nikitaev, fixing the analytical tradition of the study of the political as a strategy of power, points out that the German jurist and political theorist Karl Schmitt, "draws attention to the terms of inter or even state and political identities, which moves as a special law, and the broad legal and sociological thought. So the first thing he finds it necessary to do is to postulate a difference between *political*, *state* and *public* to

specifying *the concept of political independence*, as the base (categorical), to determine *the concept of state* as a political unity and to establish its relationship with another kind of public associations, from the union to humanity" [2, p. 116].

In the context of this research, we will be guided by one of the most common definitions of power, owned by American political scientist Robert Dahl: «A has power over B, if A is the cause of certain behavior of B, provided that without influence from the A, B would have behaved differently" [3, p. 202-203]. In other words, the power is a causal relationship between those who ruled and those who are subservient, arising due to the presence of some A's resources: money, knowledge, social status, power, etc., as well as the ability to use the resources. Macro-sociology specialist Michael Mann, in his works distinguishes four sources of power: economic, militaristic, political and ideological. After World War II, the synthetic construct of political and economic sources prevail in the world. M. Mann said that authentic democracy is characterized by existence and independence of four sources of power from each other [4].

Russian researchers describe along with formal constitutional institutions, public authorities and local government, *practices and procedures of the informal system of relations, interactions, customs, traditions and "rules of the game"*. So, Yu.S. Pivovarov proposes *the concept of "Russian system"*, characterized by supreme power total domination over all other public life spheres, "personified the supreme power" that require "mediating powers" [5]. The Institute of Socio-Economic and Political Studies' Head D.V. Badovskiy, analyzing Russian modernization strategy, describes the "state of triumphant bureaucracy" that "reveals more brightly corporative traits, all scrupulously regulates, builds hierarchies and vertical" [6].

Chief Editor of Academic Journal "World Economy and International Relations", leading researcher at the Institute of World Economy and International Relations (Russian Academy of Sciences) A.V. Ryabov talks about the "feudal archaic" relations of power in Russia, which he removes from the conditional character of property, "the official or implicit privileges of state bureaucracy", reflection of "the transit society unwillingness to further change" [7].

O.E. Bessonova constructs *the concept of "distributing economy"*, in which the relations of property and wealth are managed by non-market and/or non-legal mechanisms, and so-called "official work" - the bureaucracy, which dominates, prevails and stands above the business [8].

Actuality of the scientific article theme dues to the following reasons: political interaction of government and corporate business is the important channel of conventional participation of civil society in political process and the method of compromise negotiation of group political interests. Such cooperation in a democracy suggests an open and sustained dialogue between politics actors as a condition for the optimal balance between stability and innovation development.

Russian corporate business role in the political interaction with the government identified in the monographs of S.P. Peregudov [9] A.V. Pavroz [10], and also in scientific papers of A.D. Bogaturov [11], V.Y. Fokin [12], E.N. Kostina [13]. Attention of political scientists is focused on the corporate business strategies. At the same time interests, strategies and disposition of Russian state authorities by interaction with big business are studied much weaker.

In this article we will attempt to determine based on the binary comparative analysis of the political cooperation interests and strategy of government and corporate business in post-Soviet Russian. The chronological framework of the study is from summer of 2003 to the present. It is "*the Yukos case*" marked the transition of federal officials to limit anti-system opposition of big business, to create a relatively complete system of state corporatism.

The theoretical basis for the study is subject-activity approach, combined with sociological neo-institutionalism. Using this research option opens up the possibility to identify the real interests of political interaction counterparties, their disposition and positioning in political system, institutions and practices, resources of influence and policies. Typology of political interaction between government and big business in Russia is regulated on the basis of important conclusions of S.P. Peregudov [14, p. 255-322], L.I. Nikovskaya and V.N. Yakimets [15, p. 27-35].

The essence of political interaction can be defined as a type of relationship between politics subjects in which they have a mutual influence on each other, share resources of power and influence. Political interaction is the condition of reproduction and development the political system functions. Political cooperation expresses the balance of interests and strategies of political actors included in political relations system. Political interactions reveal the disposition of political actors in the political

system, their interests, and goals of activity. Political interaction acts allow establishing procedures for the functioning and development of the political system.

The parameters of political interaction from a specific type of model of interaction of subjects are *equal partnership kinds of relationships* (consensus, agreement, union, unit, cooperation) or *hierarchical relationships between the participants* (domination, conflict management). The main purpose of political interaction in a democracy is coordination of interests of political actors, consensus and cooperation among them, matching their needs to preserve and to increase the level of political stability.

Institutional formats defined as the embodiment of political order in the society or its individual segments. Institutional formats are regulated in Russia in more informal conventions (agreements) of the subjects of political relations rather than legislation. They are maintained and reproduced by the political and cultural regulators: values, orientations, attitudes of activities. To claim the existence of formats is possible to due by typicality, inter-subjectivity, predictability of the strategies and tactics of political interaction between business and government. Institutional formats of political interaction design basic modes of existence of political actors, harmonize their interests in the competition for power and influence [16, p. 104-106].

According to well-known researcher of corporatism of S.P. Peregudov, "the bureaucracy and big business - and separately, and together - are not the jurisdictions, which are developed and adopted by the most important and fateful for the country's political decisions. Moreover, those solutions which are developed within the framework of this subsystem enter into force only with the approval of the actual political institutions and actors, often incurring substantial correction. It is primarily the institute of President; and a group of influential liberal-minded politicians in the Government and the Presidential Administration, the top of the law enforcement agencies and regional authorities. This "top floor" of the political system, which relies on corporate-bureaucratic subsystem, spliced and interacts with it, but not subject to it, having broader political resources and priorities. So to call Russia corporate state and the "state-corporation", in which rules corporate interest - it is not just a great exaggeration, but inappropriate interpretation of the principles being the basis political structure and political system of the country"[17, p. 56-57].

The political scientist, chairman of the "Center for Political Technologies" B.I. Makarenko, thinking about neo-corporatism in contemporary Russia, reveals the key, in his view, problematic characteristics of the interaction of *political* and *economic*: (1) antagonistic contradictions in the transitional period; (2) weakness of the execution of judgments and arbitration mechanisms; (3) important role of government in the economy, its control over key resources; (4) Russia's political culture, which tends to "non-activist" [18, p. 92-94].

It looks like convincing evidence base judgments about the post-Soviet bureaucracy of political philosopher and political scientist, the author of the original concepts of state apparatus, political opposition, legitimacy of authorities, the founder of political conceptology V.P. Makarenko, who writes that "stabilization of the bureaucracy is dysfunctional. Its features include: (1) parasitism on the social groups, institutions and government agencies; (2) interweaving of material interests with the exclusion of decisions to the top of the hierarchy; (3) prevalence of group interests and negative solidarity over the interests of the country's population; (4) creation of new structures is not to deal with new problems, and for the reproduction apparatus; (5) desire to get government subsidies at all costs. For any political decision hiding group interests apparatus (in the sphere of price and wage policy, fiscal and financial policy, economic and social incentives for production activity, and distribution of the national budget). Government group interest is dominating over interests of population" [19, p. 301].

Given the presence of political and economic sources of power, on the one hand, and the existence of species interaction of *political* and *economic*, on the other hand, it is possible to construct a typology of forms of interaction between political and economic sources.

Table 1. Types of power sources interaction forms

	Political Source	Economic Source
Formal Interaction	<i>Formal Political Interaction</i>	<i>Formal Economic Interaction</i>
Informal Interaction	<i>Informal Political Interaction</i>	<i>Informal Economic Interaction</i>

However, these forms of interaction between political and economic power does not exist independently, autonomously and encapsulated. They interact with each other, thus creating institutional regimes of more complex level of political and economic power interaction. This institutional order describes the polysyllabic of political and economic power interaction.

Table 2. Institutional modes of political and economic power interaction

	Formal Economic Interaction	Informal Economic Interaction
Formal Political Interaction	Pluralist Democracy	Corporative Capitalism
Informal Political Interaction	Government Capitalism	Consensus Corruption

In contemporary Russia at the same time coexist several institutional modes of political and economic power interaction that just provides the possibility of the “cage effect” (the ability of officials to “capture” of social actors, to dictate style, shape and interaction mechanisms, to determine resource potential of agenda changes). In structural turbulent conditions Russian big business will behave heterogeneously [20]. Politically active business-structures, supporting the democratization of contemporary Russia, will seek to break out of the “cage”, to shatter it from inside. Politically active business-structures, which do not support the democratization of contemporary Russia, will continue its active participation and resource support of major government projects. Politically passive business-structures, supporting the democratization of contemporary Russia, will be hardly noticeable in the Russian public space. And finally, politically passive business-structures, which do not support the democratization of contemporary Russia, will continue to practice corruption institutional mode of political and economic interaction by actions of their own. Government is interested to keep the status quo (the designed “cage” model), and will seek to use in their activity a plurality of technologies or even to increase repressiveness.

Leading researchers N.Y. Lapina and A.E. Chirikova fixed the following types of the political authorities and big business interaction in Russia: (1) *patronage model* (characterized the administrative regulation of business); (2) *partnership model* (mutually beneficial interaction between government and big business); (3) *suppression model* (confrontation between authorities and business); (4) “*privatization of power*” model (ruling elite is formed and controlled by the business elite) [21, p. 192]. Depending on the extent of business elite representation in legislative authorities we can identify a number of models. The structure of the deputies can be described as *balanced representation model*, when the leading business groups are represented in the legislature more or less adequately to their role and influence. But it is possible *unbalanced representation model*, when large business groups are not represented or hardly represented in the legislative structures. Such situation is usually possible account of their political passivity.

Patronage model implies administrative and managerial attitude of local authorities towards to big business. This model is characterized by the active support of entrepreneurship of the governor, his protection until the actual splicing of business and government. As examples of such areas, in which prevails patronage model, we can fixe Saratov Region and Krasnodar Region.

Partnership model of business and government interaction was formed in those sectors and regions where the interaction counterparties are interested to conduct positive dialogue and to share different resources. It happens in territories such as Arkhangelsk and Chelyabinsk regions, the Republic of Tatarstan [21, p. 192].

“*Privatization of power*” model is firmly established in the regions where the group or groups of big business took over government structures or control over it. The main condition for fixing this model is the presence of consolidated economic elite, which alone forms the political elite. This model is characterized by a conflict with the political authorities and attempts to pressure on the government structures by the side of corporative business for satisfy their political and economic interests. The examples of this model are Moscow and the Republic of Sakha-Yakutia.

Suppression model occurred in areas with limited economic resources, whose livelihoods completely depend on getting of transfers from the Russian federal budget. A distinctive feature of these regions is weakness of political elites. The dependence on the federal government weakens the elite of the regions and strengthens the discontent of the local population. By way of example can be named Chukotka and Yamal-Nenets Autonomous District, Kamchatka Region [21, p. 192].

In post-Soviet Russia formed a “vertical”, the political-corporative model of political interaction between the political structures and big business. Government conducts the policy of interaction with

corporate business in order to improve their own legitimacy and to stabilize the Russian political system.

The parameters of the political strategy of Russian power in this area include (1) informal institutions and practices of social partnership; (2) priority role of authorities (formation of the partnership system from above); (3) disengagement from the political control over the observance of the equal rights of the actors; (4) agreement of the stakeholders in the treatment of public authorities is seen as a factor of macro-political stability more than a means to resolve conflicts through negotiation and coordination of interests.

Contemporary Russian corporatism is closest to the "Asian" rather than "Western" type of government corporatism. It is characterized by the dominant position of the political structures in relation to business entities, but at the same time and by formula "joint management with the government". Features of corporatism, emerging in contemporary Russia, are manifested in the spread of patron-client relations, domination of big business over small and medium-sized business structures in political interactions system. This trend shifts the balance of formalized and non-formalized methods of influence on political decision-making in favor of informal methods.

At the same time the latest stage in the development of political interaction between government and corporations (from the beginning of the 2000s.) is characterized by a change of the methods and procedures for interactions. Since the beginning of the Russian President V.V. Putin's election was announced the policy of "equidistance" from the business. In a place of the administrative comes political-economic type of control.

Significantly are changing intra-elite relationship lines: if at the initial stages of becoming a contemporary model was dominated contradiction - confrontation between the political-administrative and oligarchic elites, in the process of transformation of the ruling elite in multi-polar "ensemble" centers of power it is replaced competition formed on the principle of the oligarchic clans. In the foreground there is the struggle for access to key resources of government [22, p. 144-174]. Strategies for business-subjects in the political interaction characterized by lobbying business and representation of interests in government agencies, creation of favorable themselves formal and informal institutions of coordination of interests. During the years of the first presidency of Vladimir Putin (2000-2004) in Russia increased the size of the ruling elite and the representation of the business elite in the higher echelons of the government structures (from 1.6% to 11.3%). In contemporary Russia a third of the regional deputies are the representatives of big business, as a rule, corporate business [23, p. 184]. According to the ranking-2015 of "Forbes" magazine, in Russia there are 88 billionaires [24]. These examples demonstrate the strengthening of the symbolic capital of the Russian big business.

The interaction of Russian big business with the government structures characterized by the institutional compromise and informal agreement on the admissibility of selective violations of legal norms, thus maintained the balance of political interests. This model creates the possibility of failure to comply laws and formalized rules. As a result there is implemented an informal exchange of political resources with public authorities. There are parallel institutional modes of political interaction between the government and big business in Russia. One and the same object of relations between business and government, the same interactions are regulated heterogeneous institutional orders and varying degrees of legality. Common to all business-subjects government measures to strengthen of corporatism in Russia contribute to the consolidation of the Russian big business. Such measures that promote the institutionalization of Russian corporatism are the establishment of formalized structures of direct political representation and legal regulation of non-formalized relationships. Russian big business-subjects have small influence on Russian government policy. Among the reasons of such phenomena there is the initial stage of Russian civil society development and some vacuum in the federal legislation.

Business associations are interpreted as one of the institutional forms of cooperation to achieve the common goal on the basis of a compromise of interests. Business associations operate like the form of commerce chambers, trade and industry groups, professional associations, and federations of manufacturers, associations of small and medium-sized businesses. Their presence indicates the maturity of a sector and/or business industry. This means that its representatives see themselves not only as competitors but also as colleagues, aware of the existence of common goals and interests, which protect in the face government together is easier.

Under the Russian Civil Code and the Russian Federal Laws "About Nonprofit Organizations" and "About Public Associations" there are not mentioned business associations. They exist in different

organizational and legal forms (from NGOs to commercial structures known as “union”, “association”, and others).

Despite the statement of Russian President for supporting of business associations, government officials on the ground are showing a lack of interest in their creation. Impede the development some factors: (1) the lack of financial resources; (2) the close relationship of many business associations with political structures that deprive them of their independence; (3) the strong dependence of businesses from their leaders, which impedes the effective lobbying of interests of industries or sectors of the economy as a whole.

Analyzing the formats and strategies of different actors, we can suggest recommendations to subjects of political interaction of government and corporative business structures: (1) it is necessary to create institutional forms of direct business representation in government agencies at the normative regulation of informal practices; (2) it is should to develop procedures for public debate when discussing the most important issues of the political process; (3) it is expedient adopted of the Russian Federal Law “About Lobbying”; (4) it is time to establishment of permanent consultative and expert councils of the business representatives, researches and NGOs at the Russian Federal Assembly, which will have casting vote in decision-making laws in their field of sector interest.

REFERENCES

1. West D. Continental philosophy. Introduction. [*Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie*]. Moscow. 2015. 448 p. (in Russ.).
2. Nikitaev V.V. Political as strategy of power. [*Politicheskoe kak strategiya vlasti*]. Moscow. Logos. 2004. № 6 (45). P. 116-129. (in Russ.).
3. Dahl R. The concept of power. Behavioral Science. 1957. Vol. 2. № 3. (in Eng.).
4. Mann M. Power in the XXI century: a conversation with John A. Hall. [*Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Kholom*]. Moscow. 2014. 208 p. (in Russ.).
5. Pivovarov Yu.S. Russian power and public policy. Notes of historian about the reasons the democratic transition failure. [*Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita*]. Moscow. Political studies. Polis. 2006. № 1. P. 12-32. (in Russ.).
6. Badovskiy D.V. Modernization of Russia: back to the fork? [*Modernizatsiya Rossii: snova na razvilke?*]. Moscow. Russia in Global Affairs. 2009. Vol. 7, № 3. P. 23-34. (in Russ.).
7. Ryabov A.V. Revival of feudal archaic in contemporary Russia: practice and ideas. [*Vozrozhdenie feodal'noy arkhaiki v sovremennoy Rossii: praktika i idei*]. Moscow. Working Papers of Moscow Carnegie Center. № 4. 2008. 16 p. (in Russ.).
8. Bessonova O.E. Russian distributing economy: evolution through transformation. [*Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii*]. Moscow. 2006. 144 p. (in Russ.).
9. Peregudov S.P. Corporations, society, state: evolution of relationship. [*Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo: evolyutsiya otnosheniy*]. Moscow. 2003. 352 p. (in Russ.).
10. Pavroz A.V. Interest groups and transformation of Russian political regime. [*Gruppy interesov i transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii*]. St Petersburg. 2008. 360 p. (in Russ.).
11. Bogaturov A.D. Concept of economic political science and characteristics of its problem field in Russia. [*Ponyatie ekonomicheskoy politologii i osobennosti ee problemnogo polya v Rossii*]. Moscow. Political studies. Polis. 2011. № 4. P. 8-19. (in Russ.).
12. Fokin V.Yu. Political practice of public-private partnership in Russia. [*Politicheskaya praktika gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii*]. Moscow. Political studies. Polis. 2011. № 4. P. 60-69. (in Russ.).
13. Kostina E.N. Features of corporate citizenship principles implementation in Russia (on example of oil industry). [*Osobennosti vnedreniya printsipov korporativnogo grazhdanstva v Rossii (na primere neftyanogo biznesa)*]. St. Petersburg. Political Expertise. Politeks. 2010. Vol 6. № 3. P. 88-96. (in Russ.).
14. Peregudov S.P. Russian political system in world context: institutions and mechanisms of interaction. [*Politicheskaya sistema Rossii v mirovom kontekste: instituty i mekhanizmy vzaimodeystviya*]. Moscow. 2011. 432 p. (in Russ.).
15. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public policy as resource and factor of post-crisis modernization. Modernization and politics in the XXI century. [*Publichnaya politika kak resurs i faktor postkrizisnoy modernizatsii. Modernizatsiya i politika v XXI veke*]. Moscow. 2011. P. 27-35. (in Russ.).
16. Druganova Yu.K. Basic models of political and business elite interaction in Russia. [*Osnovnye modeli vzaimodeystviya politicheskoy i biznes-elit v Rossii*]. Krasnodar. Theory and practice of social development. 2011. № 1. P. 104-106. (in Russ.).
17. Peregudov S.P. Business and bureaucracy in Russia: dynamics of interaction. [*Biznes i byurokratiya v Rossii: dinamika vzaimodeystviya*]. Moscow. Politia. 2007. № 1 (44). P. 52-64. (in Russ.).
18. Makarenko B.I. Neo-corporatism in contemporary Russia. [*Neokorporativizm v sovremennoy Rossii*]. Moscow. Comparative politics. 2011. № 2 (4). P. 90-97. (in Russ.).
19. Makarenko V.P. Russian power and bureaucratic state. Part 1. [*Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo. Chast' 1*]. Rostov-on-Don. 2013. 649 p. (in Russ.).
20. Khalilov T.A. Role of business-subjects in democratization process of contemporary Russia. [*Rol' biznes-sub'ektov v processe demokratizatsii sovremennoj Rossii*]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical

- and *Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. №. 7. Vol. 1. P. 56-63. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-56-63. (in Eng.).
21. Lapina N.Yu., Chirikova A.E. Regional elites in the Russian Federation: behavioral models and political orientations. [*Regional'nye elity v Rossiyskoy Federatsii: modeli povedeniya i politicheskie orientatsii*]. Moscow. 1999. 192 p. (in Russ.).
22. Chirikova A.E. About the theory of elites. [*O teoriyakh elit*]. Moscow. Society and economy. 2008. № 3. P.144-174. (in Russ.).
23. Kryshanova O.V. Anatomy of Russian elite. [*Anatomiya rossiyskoy elity*]. Moscow. 2005. 384 p. (in Russ.).
24. World ranking of billionaires-2015. [*Mirovoy reyting milliarderov-2015*]. Available at: <http://www.forbes.ru/milliardery-package/281267-mirovoi-reyting-milliardero-2015> (accessed: 04.2015)]. (in Russ.).

Information about the author

Khalilov Timur A., Science Editor, Scientific Journal "Historical and Social-Educational Ideas", Krasnodar, Russia, tkhalilov86@gmail.com

Received: 25th Feb. 2016

For article citation: Khalilov T.A. Effectiveness of government and corporative business political cooperation in post-soviet Russia: comparative analysis. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 87-93.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-87-93. [en]

Информация об авторе

Халилов Тимур Александрович, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», г. Краснодар, Россия tkhalilov86@gmail.com

Получена: 25 февраля 2016

Для цитирования статьи: Khalilov T.A. Effectiveness of government and corporative business political cooperation in post-soviet Russia: comparative analysis. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 87-93.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-87-93. [en]

***Education
and Pedagogical Sciences***

***Образование
и педагогические науки***

UDC 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-97-108

GREBENNIKOVA Veronika M.

Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

ГРЕБЕННИКОВА Вероника Михайловна,

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

MOTSAR Larisa

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

МОЦАРЬ Лариса Степановна,

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
motsar@kubsu.ru

SPULBER Diana,

University Rome and University of Genoa,
Genoa, Italy
diana.spulber@unige.it

SPULBER Diana,

Университет в Риме и Университет Генуи,
Генуя, ИТАЛИЯ
diana.spulber@unige.it

PROFESSIONAL AND SOCIAL ADAPTATION IN OLD AGE

The article examines the experience of old people education in the Krasnodar region. Education of old people needs in the legal, methodological, social and psychological support. Professional and social adaptation during adulthood is a very important period for old people. Training of personality with special educational needs in the context of personality development is seen as a stage of adaptation, adaptation to the activity, finding ways to realize the potential abilities for pensioners in life. As a fact, people of creative labour, interacting with the macro-economic environment, such as, policy, social and educational activities, is more resistant to growing old.

Keywords: personality, professional readiness, training of personality, socio-psychological adaptation, old age, elderly people, pensioners

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

В статье анализируется опыт образования пожилых людей в Краснодарском крае. Образование пожилых людей нуждается в правовой, методической, социальной и психологической поддержке. Профессиональная и социальная адаптация во взрослой жизни является очень важным периодом для пожилых людей. Обучение личности с особыми образовательными потребностями в контексте развития личности рассматривается как этап адаптации к деятельности, поиск путей реализации потенциальных способностей для пенсионеров в жизни. Люди творческого труда, взаимодействующие с экономической окружающей средой, например, политики, работники социальной и образовательной сфер деятельности, более устойчивы к профессиональной адаптации.

Ключевые слова: профессиональная готовность, психологическая адаптация пожилых людей, психологическая поддержка, обучение личности.

In modern society, the question of adaptation of people becomes more urgent on the background of the current socio-cultural, economic, technological transformations, so to changes in General as to specific situations of professional activity.

In the most General terms, the professional adaptation is the process of a person entry into a new employment situation, where his personality is interacted with professional environment, affecting the system of relations in the team. If relatively recently professional adaptation was associated primarily with the initial phase of professional activity [15], but now, the look at the problem becomes more wider. Professional adaptation is considered as a stage of professional formation, which is associated with dramatic changes in the types and forms of activity, its nature and even the social environment of the individual [16].

Thus, an increasing in the social, economic, production and other areas uncertainty, the randomness and disorganization worsening of them, the emergence of many "environments" adaptation, their complexity and qualitative change not only dramatically increase the demands on the adaptive abilities of the personality but also significantly expand the field of professional adaptation. Earlier, it was discussed exclusively as a problem of young professionals, now the occupational adaptation is becoming very important for individuals of any age and at any stage of professional formation.

Professional adaptation can be defined as the process of personality's entry into a new employment situation, where his personality and professional environment interact, affecting the system of relations in the team. To address the readiness of the individual to the activity as such there are different approaches. Among them the most common are functional, in which readiness is viewed as a mental state (Y. M. Zabrodin, et al.) and also personal, where the readiness is investigated as a stable personality characteristic, and as a complex of personality trait (B. G. Ananiev, et al.)

During the period of study complex activity-oriented psychological properties and qualities in the personality is formed. It's seen through the factors of readiness for professional activity and life in society. For this reason, the problems of professional adaptation, taking advantage of psychological

readiness for change of leading activities and their pedagogical maintenance is often investigated in the context of the process of professional education [13, etc.].

More the less the experts pay attention to the discussion of professional adaptation during adulthood, however, this problem is becoming more acute. In a changing technological environment tens of thousands of people are facing the problem of changes in the profession, the development of new, unfamiliar activities. Poor coordination of educational institutions and the labour market compound this problem and it often leads to overproduction of professional training system, the undemand specialists on the labour market. So, as I. I. Mironova is noted, the reduction in the number of students in specialized secondary educational-institutions was the result of changes in the system of professional education in the 90s of the twentieth century and the first decade of the XXI, mass production of school graduates of unclaimed specialists, large disparities between the needs of national economy and specialization graduates [9, c. 122].

There is another category of people for whom the professional adaptation is extremely important, elderly one. The population is ageing, the number of older people is increasing and their share in total population over the last decade has become a global phenomenon, characteristic not only for developed countries, but almost to all over the world. There are different points about the causes of demographic change. According to most researchers, it is determined as a constant reduction in the number of children due to the decrease in the birth rate and the increasing number of elderly and old people due to increased life expectancy [8, c. 16].

In this regard, the evolution of approaches to defining the lower boundary of the elderly is a very interesting thing, significantly various, not only in different historical periods, but also in the different countries. According to M. A. Denisenko, they correspond to the most common retirement age adopted in different countries of the world. As history shows, the retirement age was established not so much by physiological or demographic criteria, but much depending on the outcome of the struggle employers, governments and trade unions [4, c. 27-28]. So, one of the first systems of social security, formed in the late 19th century, the average age of retirement to 70 years was established, but only units of people lived to this age.

In the twentieth century the lower retirement was considered to be a great social achievement, but by the end of the century the situation had been changed. And if in Russia people of working age are men aged 16 to 59 and women aged 16 to 54 years of age, and people over the limit of working age are classified as elderly [14], in the international classifications 60 years older persons aged is included to this group (the world average). But this boundary tends to increase. At least according to the latest UN recommendations the boundary is recommended to determine at the age of 65. This is due to changes in legislation in many countries, increasing the age of retirement (table 1)

Table 1 - The retirement age in the developed world, according to 2012

Country	Age of retirement		Note
	Men	Women	
Austria	65	60	
Belgium	65	65	
UK	65	60	In 2016 it is planned to increase the retirement age for men
Germany	65-67	65-67	
Norway	67	67	
USA	65	65	By 2015 it is planned to raise the retirement age to 69 years
France	60	60	By 2015 it is planned to raise the retirement age to 62 years
Sweden	61-67	61-67	The draft law is developing the retirement age increase to 75 years
Switzerland	65	64	
Japan	70	70	
Russia	60	55	

As can be seen from the data, Russia is among the countries with the earliest retirement. Only a few countries set the same boundaries (Belarus, Ukraine, Uzbekistan and China), it is not already meet world practice. Also, the fact is that the age of retirement is correlated with the average life expectancy in the country (Fig. 1).

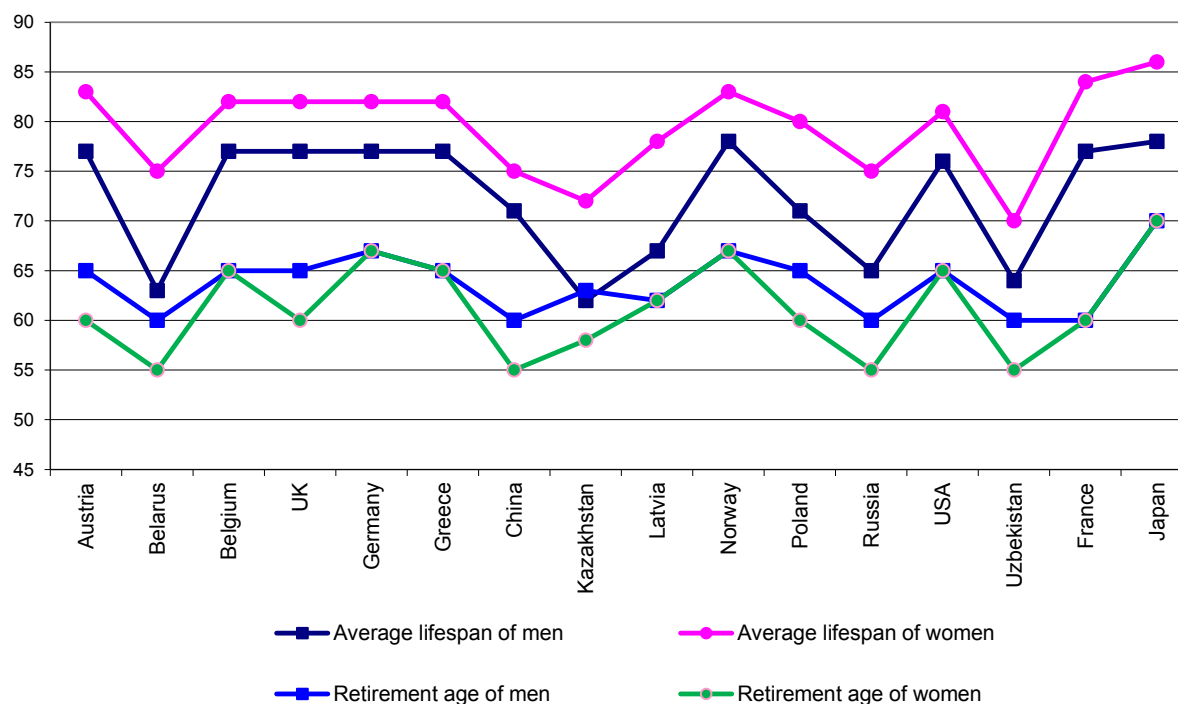

Figure 1 - Average lifespan and retirement age in countries of the world

Today, the attitude toward retirement has changed dramatically. The majority of women at the age of 55 and men at 60 years of age have reasonably good health and activity. At the same time the employers do often limit the ability of workers. This problem requires an integrated approach - social, economic and technological. The development of medicine allows us to hope that the age of "active ageing", i.e. the state when outpassed 55, 60 and even 65-year-old age person can lead a full life and maintain high professional activity is steadily increasing. Automation of production will give the chance for older working people even with deteriorating physical-sky condition. The transition to the information society also extends the functionality of older age.

In 1982, the United Nations convened the world Assembly on ageing, the purpose of which was "the development of an international programme aimed at providing guarantees of economic and social security for the elderly, as well as opportunities for contribution to national development" [2]. At the Assembly it was decided that the government should facilitate the participation of older persons in life of economics. With this purpose:

- a) Appropriate measures should be taken, in cooperation with the organizations of employers and workers, so that older workers could fully as possible, continue to satisfy the conditions and to have a guarantee of employment;
- b) Governments should eliminate any discrimination in the market of labour force and to ensure genuine equality of treatment in the professional life. Stereotypical negative attitudes towards older workers sometimes are common among entrepreneurs. Governments should adopt measures to inform entrepreneurs and consultants in matters of employment, of the abilities of older workers, which remain in most professions at a very high level. Older workers should enjoy equal access to programs and professional orientation systems, training and employment;
- c) Measures should be taken in order to help older people to find or regain employment or independent work by creating new opportunities for employment and facilitate their training or re-training. The right of workers to employment should be based rather on their ability to perform tasks than on the actual age.

The same ideas have evolved in the concept of the United Nations educational type, scientific and cultural organization (UNESCO) concerning learning throughout life, in which it is recommended to encourage the development of informal, organized on a community basis and aimed at the organization of leisure activities and entertainment programs for the aging in order to develop their sense of independence and responsibility towards society. These programs should be supported by national governments and international organizations.

Changes happening in society require decisions of psychological problems also, namely, the study of problems of professional adaptation of older workers who are forced to change the scope of activities in adulthood or are willing to learn new work after retirement.

In our opinion, the approach to forming the professional adaptation skills as basic of a future profession in old age in the period of learning as well as for training in earlier ages. However, adult "learners" training have specific features. They have more pronounced formation of man as the subject of cognition, communication and work. Moreover, modern society poses the task of continuous improvement knowledge and professional skills for an adult, expanding the scope of communication, in this context; the readiness to learn among people of older age groups is often even higher than in the young.

Psychologists prove that the most dangerous in the period of adulthood a state of stagnation should be considered with no progressive development of personality. Reasonable and adequate re-assessment of values in the middle of life will lead to a profound renewal of the personality; create favorable conditions for successful inclusion in the next age periods.

In advanced age a person experiences new challenges of development and the most important psychological tasks include: maintaining its consistency with own identity and finding the meaning of life. Solving problems of age level can be realized by using a person's internal resources, such as: the ability to social contacts and the need for them, unmet need of spiritual-cognitive, creative kind, the desire to change. People of creative labor, interact with the macro-economic environment (policy, social and educational activities) and so they are more resistant to growing old.

"Active" seniors can get a job they want and can perform. In Russia in average - third of persons of retirement age continue to work. Another trend is the increasing demand for qualified personnel in business and the civil service side of the labor market.

The transition to a new position and especially new job is a difficult stage in the life of any person. The unusual situations, not yet completely clear responsibilities - all create painful feelings. Fear and anxiety, loneliness and uncertainty are known satellites of the process of professional adaptation, overtaking in the first week of the employee's new job and causing serious psychological discomfort.

How to make the adaptation process took place in the shortest time as gently as possible? It is necessary to reduce the adaptation process and make it as soft as possible for the employee.

The adaptation process has two sides:

- professional - the acquisition of knowledge, skills, important personal characteristics, which was formed professionally and positive attitude towards work;
- socio-psychological development of socio-psychological climate, attitudes, norms and values adopted in the company, the approval of his position with the goals and objectives of the company.

A new employee will build relationships with the staff, based on their own experience and on the basis of his own resources (social, behavioral, person values). Starting a new job, people actively involved in professional and socio-psychological relations.

Psychologists in their papers determined that major feeling of an adult person should be the feeling of complacency (B. G. Ananiev, et al.). After all, the essence of life is to overcome the difficulties, doubts, diseases, defects, imperfections and suffering including (sad syndromes as afghan with the specific aftereffect in the period of adulthood). But the essence of life lies in the creation of a new sense of life, of transformation of potentially devastating events of human life in the process of its improvement. In this regard, the task of finding the skills of professional adaptation is a problem solved at any age.

At a press conference in RIA "Novosti" entitled "Russian pensioners: to find their place in modern society" the strategy of old retired persons was discussed. Future project should provide differentiated approach to definition forms of social support of the elderly: some of them would be treated, the others are trained. Russian pensioners are eager to go to work. This request went from the desire of a large number of older people to extend their employment longevity. According to statistics, retired persons continue to work likely in theirs "native" specialty as doctors and teachers, but there are also cases where pensioners are ready to change profession. In answering this query in Russia for several years there are training programs of computer literacy for retirees - in 2012 it was revealed 1300 new computer classes for seniors and in 2013 it became 1788.

Law has already changed. Before nowadays, the employment actualized at the level of the unemployed only, but from July 2013 the programme for the pensioners employment has begun to work in some subjects of the Federation, having the right to direct funds for retraining, advanced training of citizens who are beyond working age. Only one year about three thousand pensioners of Tatarstan,

Yakutia, Udmurtia, Khabarovsk Krai, Leningrad region, Kaliningrad have been trained through these programs.

In the Krasnodar region similar work has also been started. Thus, within the framework of the city program "Older generation" in Krasnodar retirees' free education is running. In the framework of the regional program "Promotion of employment" the region employment service also organized professional training. After graduation, the specialist is in demand and employed as the training is conducted only on demand in the region specialties. Hiring of the specialist is negotiated with the employer and monitored them in the workplace.

At the moment 120 retired residents have already become the participants of Kuban regional program "Promotion of employment". They will gain skills and knowledge in a range of specialties: cook, seamstress, PC user, seller, etc.[12]

Computer courses for the elderly are becoming increasingly popular. In the framework of the project "Electronic Citizen", leadership of Krasnodar Municipal Formation developed the concept of the programme implementation of population computer literacy study. The Krasnodar city administration of the municipal management of information, communication technologies and communications has developed a program of training course. In accordance with it one of the priority groups for training pensioners and the elderly are elected. The programme was launched in 2011 and up to date, every year in the city from 350 to 400 pensioners are learned, however, it is still a very insignificant figure for the region.

The importance of the problem under consideration is recognized at the highest level. So, in behalf of President Vladimir Putin it is stated to the Cabinet of Ministers States, that: until July 1, 2015, to prepare a strategy on the use of pensioners' labor potential of as a resource for economic growth of the country [11]. Legal requirements for employers are changed. Now age restrictions for citizens are deemed to be discriminatory.

Experts in the field of psychology and pedagogy should not stay aside. The problem of pensioner's professional adaptation, willing to prolong professional life should become subjects of research, in which its features should be studied, the relationship with no psychological forms of adaptation (biological, social, environmental, institutional, and et al.) that are specific for older age groups.

It is important to organize employment centers of appropriate level and psychological work with active retirees, to develop programs of professional adaptation for elderly people, to provide training, psychological counseling, which will enable people to prolong active life significantly, feeling its relevance and opportunities of professional development.

In General, summing up the review, we can conclude that the problems of professional adaptation in the modern world, acquire new traits, covering mature and older people wishing to continue to realize active life. The criteria for referring people to the elderly in most of States is the retirement age, but a single qualification for the recognition of the older man has not yet been developed in the world practice. Depending on the State, the elderly is considered the age of 60 years, but in recent years elderly borders have the trend to growth and in many ways this approach is quite objective.

The increase in the share of elderly in the total population of the planet (at the moment she is about 11%, but in 2050 will reach at the U.N. estimated 21% of the total in the world and 40% in developed countries), and the increase in life expectancy is accompanied by increase life quality. It leads to the fact that an increasing number of people in older age live sufficient activity and capacity. Legislative changes form for the elderly even more opportunities for self-realization, but the psychological aspects of this problem are often left outside the sphere of specialists' attention.

In this regard, there is a need to develop comprehensive programs of professional adaptation for older age groups, the search for new approaches in psychological work with older people on the level of employment, organization of trainings, individual programs, etc.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

В современном обществе, на фоне происходящих социокультурных, экономических, технологических трансформаций все более актуальным становится вопрос адаптации людей, как к происходящим изменениям в целом, так и к конкретным ситуациям профессиональной деятельности.

В наиболее общем виде под профессиональной адаптацией понимают процесс вхождения человека в новую трудовую ситуацию, где его личность и профессиональная среда взаимодействуют, влияя на систему отношений в коллективе. Но если сравнительно недавно профессиональную адаптацию связывали преимущественно с начальным этапом профессиональ-

ной деятельности [15], то сегодня взгляд на проблему становится значительно шире. Профессиональная адаптация рассматривается как любой этап профессионального становления связанный с кардинальными изменениями в видах и формах деятельности, ее характере и даже социальном окружении индивида [16].

Таким образом, возрастание неопределенности социальной, экономической, производственной и иных сфер, обострение их хаотичности и неорганизованности, появление множества «сред» адаптации, их усложнение и качественное изменение не только резко повышают требования к адаптивным способностям личности, но и существенно расширяют поле профессиональной адаптации. Рассматривавшиеся раньше исключительно как проблема молодых специалистов, вопросы профессиональной адаптации становятся сегодня актуальными для лиц любого возраста и на любом этапе профессионального становления.

С психологической точки зрения существуют различные подходы к рассмотрению проблемы готовности личности к деятельности как таковой. Среди них наиболее распространены функциональный, в котором готовность рассматривается как психическое состояние (Ю.М. Забродин и др.), и личностный, где готовность исследуется как устойчивая личностная характеристика, как комплекс личностных черт (Б.Г. Ананьев и др.).

Еще в период обучения у личности формируется комплекс деятельностно-ориентированных психологических свойств и качеств. Он рассматривается через факторы готовности к профессиональной деятельности и к жизни в социуме. Именно по этой причине вопросы профессиональной адаптации, психологической готовности к изменению ведущей деятельности и их педагогического сопровождения чаще всего исследуются в контексте процесса профессионального образования [13 и др.].

Значительно реже обращаются специалисты к вопросу профессиональной адаптации в период взрослости, вместе с тем эта проблема становится все более актуальной. В меняющейся технологической среде десятки тысяч людей сталкиваются с проблемой изменения профессии, освоения новых, ранее неизвестных видов деятельности. Усугубляет эту проблему и слабая координация образовательных учреждений и рынка труда, часто приводящая к перепроизводству системой профессионального образования специалистов, невостребованных на рынке. Так, в работе И.И. Мироновой отмечается, что результатом изменений в системе профессионального образования в 90-е гг. XX в. и первом десятилетии XXI стало сокращение числа обучающихся в средних специальных учебных заведениях, массовый выпуск высшей школой невостребованных специалистов, масштабные диспропорции между потребностями народного хозяйства и специализацией выпускников [9, с. 122].

Еще одна категория людей, для которых вопрос профессиональной адаптации чрезвычайно важен – пожилые. Демографическое старение населения – увеличение числа пожилых людей и их доли в общей численности населения – за последние десятилетия стало глобальным явлением, характерным не только для развитых стран, но практически для всего мира. Существуют разные точки зрения о причинах изменения демографической ситуации. По мнению большинства исследователей, она обусловлена как постоянным сокращением численности детей вследствие снижения рождаемости, так и увеличением числа пожилых и старых людей в связи с ростом продолжительности жизни [8, с. 16].

В этой связи весьма интересна эволюция подходов к определению нижней границы пожилого возраста, существенно рознящейся не только в разные исторические периоды, но и в разных странах. По мнению М.А. Денисенко, они соответствуют наиболее распространенным пенсионным возрастам, принятым в разных странах мира. Как показывает история, пенсионные возрасты устанавливались не столько по физиологическим или демографическим критериям, сколько в зависимости от исхода борьбы работодателей, государства и профсоюзов [4, с. 27-28]. Так, одни из первых систем социального обеспечения, сформированные в конце 19 в. устанавливали средний возраст выхода на пенсию 70 лет, но доживали до этого возраста единицы.

В XX в. снижение планки выхода на пенсию считалось огромным социальным завоеванием, но к концу столетия ситуация изменилась. И если в России людьми трудоспособного возраста считаются мужчины от 16 до 59 и женщины от 16 до 54 лет, а людей старше предельного трудоспособного возраста относят к категории пожилых [14], то в международных классификациях к группе пожилых относят лиц в возрасте 60 лет (в среднем по миру). Но и эта граница имеет тенденцию к увеличению. По крайней мере согласно последним рекомендациям ООН ее рекомендуется определять в 65 лет. Это связано с изменениями в законодательстве многих стран, увеличивших возраст выхода на пенсию (таблица 1)

Таблица 1 – Пенсионный возраст в развитых странах мира по данным на 2012 г.

Страна	Возраст выхода на пенсию		Примечание
	Мужчины	Женщины	
Австрия	65	60	
Бельгия	65	65	
Великобритания	65	60	С 2016 г. планируется повышение пенсионного возраста для мужчин
Германия	65-67	65-67	
Норвегия	67	67	
США	65	65	К 2015 г. планируется повышение пенсионного возраста до 69 лет
Франция	60	60	С 2016 г. – 62
Швеция	61-67	61-67	Разрабатывается законопроект о повышении пенсионного возраста до 75 лет
Швейцария	65	64	
Япония	70	70	
Россия	60	55	

Как видно из приведенных данных, Россия входит в число стран, где установлен самый ранний выход на пенсию. Только в нескольких странах мира установлены такие же границы (Беларусь, Украина, Узбекистан и Китай), что в целом уже не соответствует мировой практике. Отметим также и то обстоятельство, что возраст выхода на пенсию коррелирует со средней продолжительностью жизни в стране (рис. 1).

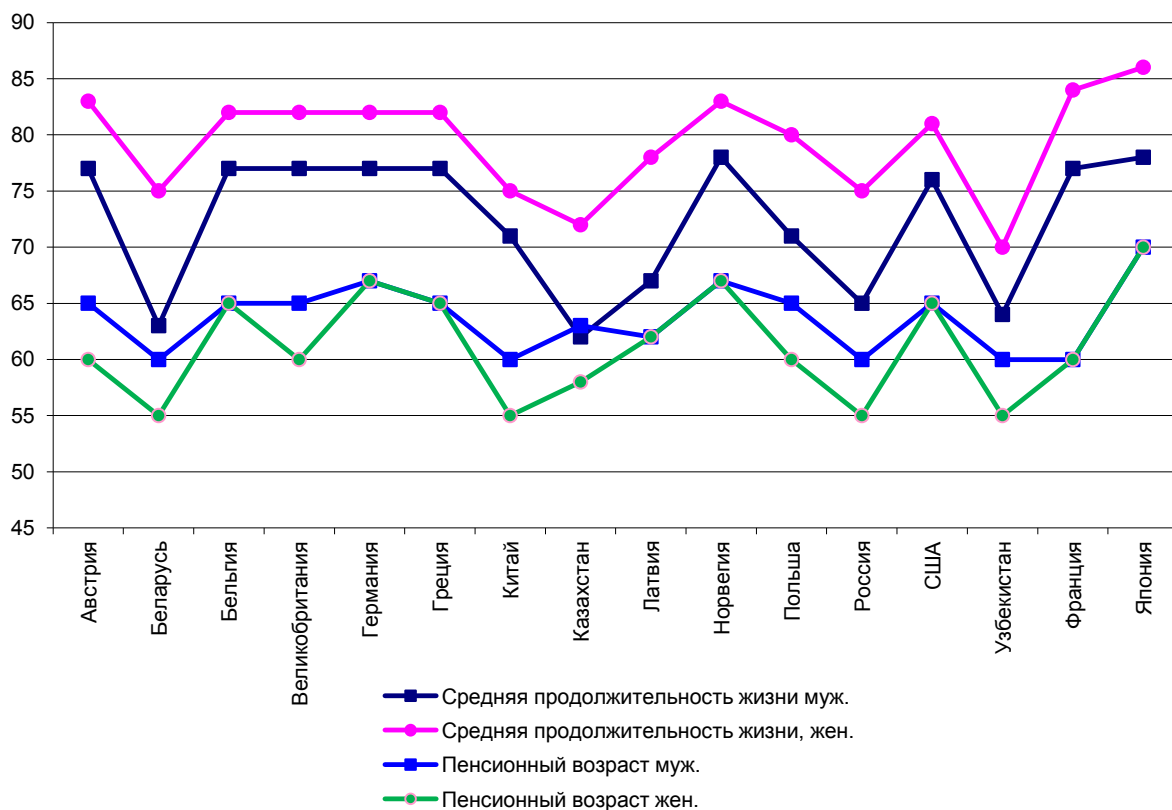

Рисунок 1 – Средняя продолжительность жизни и возраст выхода на пенсию в странах мира

Сегодня отношение к выходу на пенсию резко изменилось. Женщины в 55 лет и мужчины в 60-летнем возрасте в подавляющем своем большинстве сохраняют достаточно хорошее здоровье и активность. В тоже время работодатели часто ограничивают возможности работников. Эта проблема требует комплексного подхода – социального, экономического и технологического. Развитие медицины позволяет надеяться, что возраст «активной старости», то есть состояния, когда перешедшей границу 55-ти, 60-ти и даже 65-ти летнего возраста человек может ве-

сти полноценную жизнь и сохранять высокую профессиональную активность будет неуклонно повышаться. Автоматизация производства позволит работать даже стареющим людям с ухудшающимся физическим состоянием. Расширяет функциональные возможности старшего возраста и переход к информационному обществу.

В 1982 г. ООН провела Всемирную ассамблею по проблемам старения, целью которой стала «разработка международной программы действий, направленной на предоставление гарантий экономического и социального обеспечения лицам пожилого возраста, а также возможности для вклада в национальное развитие» [2]. На Ассамблее был принят решение о том, что правительства должны облегчать участие лиц пожилого возраста в экономической жизни. С этой целью:

а) следует принять соответствующие меры в сотрудничестве с организациями предпринимателей и трудящихся, с тем чтобы пожилые трудящиеся могли полностью, насколько это возможно, продолжать работу в удовлетворительных условиях и иметь гарантию занятости;

б) правительства должны устранить любую дискриминацию на рынке рабочей силы и обеспечить подлинное равенство обращения в профессиональной жизни. Среди предпринимателей подчас распространено стереотипное негативное отношение к пожилым трудящимся. Правительства должны принять меры для того, чтобы информировать предпринимателей и консультантов по вопросам занятости о способностях пожилых трудящихся, которые в большинстве профессий сохраняются на весьма высоком уровне. Пожилые трудящиеся должны также пользоваться равным доступом к программам и системам профессиональной ориентации, подготовки и трудоустройства;

с) следует принять меры, с тем чтобы помочь пожилым людям найти или вновь получить работу по найму или самостоятельную работу путем создания новых возможностей в области занятости и облегчения их подготовки или переподготовки. Право трудящихся на занятость должно основываться скорее на их способности выполнить поставленные задачи, чем собственно на возрасте.

Эти же идеи нашли свое развитие и в концепции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), касающейся обучения на протяжении всей жизни, в которой рекомендуется поощрять развитие неофициальных, организованных на общинной основе и направленных на организацию отдыха и развлечений программ для стареющих в целях развития их чувства самостоятельности и ответственности перед обществом. Эти программы должны пользоваться поддержкой национальных правительств и международных организаций.

Происходящие в обществе изменения требуют решения и психологических задач, а именно, исследования проблем профессиональной адаптации пожилых работников, вынужденных изменить сферу деятельности в зрелом возрасте или готовых освоить новые виды работы, выйдя на пенсию.

По нашему мнению, подход к формированию навыков профессиональной адаптации еще в период обучения основам будущей профессии в пожилом возрасте так же правилен, как и при обучении в более ранних возрастах, вместе с тем, взрослые «обучающиеся» обладают и специфическими чертами. У них значительно полнее выражено формирование человека как субъекта познания, общения и труда. Более того, современное общество ставит перед взрослым человеком задачу непрерывного совершенствования своих знаний и профессионального мастерства, расширения сферы общения, в этой связи готовность к обучению у людей старших возрастных групп часто оказывается даже выше, чем у молодых.

Психологи утверждают, что самым опасным в период взрослости следует считать состояние застоя, при котором не происходит прогрессивного развития личности. Разумная и адекватная переоценка ценностей в середине жизни приводит к глубинному обновлению личности, создает благоприятные предпосылки для успешного вхождения в следующие возрастные периоды.

В пожилом возрасте у человека возникают такие задачи развития, как сохранение согласованности с собственной идентичностью и нахождение смысла жизни. Решение задач возрастного уровня может быть реализовано при использовании человеком внутренних ресурсов, таких как: способность к социальным контактам и необходимость в них, нереализованные потребности духовно-познавательного, творческого плана, желание к изменению. Легче всего решают эту проблему люди творческого труда, активно взаимодействующие с макросоциальной средой (политикой, общественной и образовательной деятельностью).

«Активные» пенсионеры могут устроиться на работу, которую они хотят и могут выполнять. По России в среднем – треть лиц пенсионного возраста продолжают работать. Еще одной

тенденцией стал рост спроса на квалифицированные кадры, как в бизнесе, так и на госслужбе со стороны рынка труда

Переход на новую должность и тем более новое место работы – сложный этап в жизни любого человека. Непривычная обстановка, не совсем еще понятные обязанности – все это порождает тягостные чувства. Страх и тревога, одиночество и неуверенность – известные всем спутники процесса профессиональной адаптации, одолевающие в первые недели работы на новом месте сотрудника и вызывающие серьезный психологический дискомфорт.

Как добиться того, чтобы процесс адаптации прошел в наиболее короткий срок как можно мягче? Для этого необходимо сократить процесс адаптации и сделать его как можно мягче для сотрудника.

Процесс адаптации имеет две стороны:

- профессиональная – овладение знаниями, умениями и навыками, сформированность профессионально важных личностных особенностей и положительного отношения к работе;
- социально-психологическая – освоение социально-психологического климата, системы отношений, норм и ценностей, принятых в компании, согласование своей позиции с целями и задачами фирмы.

Новый сотрудник будет выстраивать отношения с коллективом, исходя из собственного опыта и на основе собственных ресурсов (социальных, поведенческих, ценностных). Приступая к новой работе, человек активно включается в систему профессиональных и социально-психологических отношений. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых определено, что важнейшим самоощущением взрослого человека должно быть чувство не успокоенности (Б.Г. Ананьев, Л.П. Гримак, Е.А. Климов, А.А. Бодалев, Н.Н. Обозов, Е.Ф. Рыбалко, Э.Д. Смит, А.В. Толстых, Е.С. Филатова, Э.Франкл, Т.Ханна, Э.Эриксон и др.). Ведь сущность жизни состоит в преодолении трудностей, сомнений, болезней, недостатков, несовершенства и страданий в том числе (печальные синдромы, как афганский, чеченский – с их специфическим последствием, т.е. в период взрослости). Но сущность жизни заключается и в созидании нового ощущения жизни, превращения потенциально разрушительных событий жизни человека в процессе его совершенствования. В этой связи задача обретения навыков профессиональной адаптации – задача, решаемая в любом возрасте.

На пресс-конференции под названием «Российские пенсионеры: найти свое место в современном обществе» В РИА «Новости» обсудили стратегию, которая должна предусматривать дифференцированный подход к определению форм социальной поддержки граждан пожилого возраста: одних будут лечить, других – учить. Российские пенсионеры жаждут пойти и поработать. Этот запрос пошел от желания большого количества людей пожилого возраста продлить свое трудовое долголетие. Чаще всего по своей «родной» специальности остаются работать врачи и педагоги, но нередко и случаи, когда пенсионеры готовы изменить профессию. Отвечая на этот запрос, уже несколько лет в России действуют программы по обучению пенсионеров компьютерной грамотности – в 2012 г. было открыто 1300 новых компьютерных классов для пенсионеров, в 2013-м – 1788.

Изменилось и законодательство. Если раньше вопросы занятости актуализировались только на уровне безработных граждан, то с июля 2013 г. программы занятости пенсионеров стали работать в ряде субъектов Федерации, получивших право направлять финансовые средства для переобучения, повышения квалификации граждан, которые находятся за пределами трудоспособного возраста. Только за один год порядка трёх тысяч пенсионеров Татарстана, Якутии, Удмуртии, Хабаровского края, Ленинградской области, Калининграда прошли обучение по этим программам.

В Краснодарском крае также начата подобная работа. Так, в рамках городской программы «Старшее поколение» в Краснодаре запущена программа бесплатного обучения пенсионеров. В рамках региональной программы «Содействие занятости населения» краевая служба занятости также организовала профессиональное обучение. После завершения учебы специалиста он востребован и трудоустроен, так как обучение ведется только по востребованным в крае специальностям, а принятие на работу оговаривается с работодателем и отслеживается закрепляемость на рабочем месте. На данный момент участниками программы уже стали 120 жителей Кубани, вышедших на пенсию. Они будут получать знания и навыки по ряду специальностей: повар, швея, пользователь ПК, продавец и др. [12].

Все большую популярность приобретают и курсы компьютерной грамотности для пожилых. В рамках проекта «Электронный гражданин» руководством МО г. Краснодар разработана концепция реализации программы обучения населения компьютерной грамотности. Управлением информационно-коммуникационных технологий и связи администрации муниципального образования город Краснодар разработана программа обучающего курса, в соответствии с кото-

рой одной из приоритетных групп для обучения избраны пенсионеры и люди пожилого возраста. Программа была запущена в 2011 г. и на сегодняшний день ежегодно в городе обучаются от 350 до 400 человек, вместе с тем, в масштабах всего региона это пока крайне незначительная цифра.

Важность рассматриваемой задачи признается на самом высоком уровне. Так, в поручении президента Владимира Путин кабинету министров говорится: до 1 июля 2015 г. подготовить стратегию по использованию трудового потенциала пенсионеров в качестве ресурса экономического роста страны [11]. Изменились законодательные требования к работодателям. Теперь возрастные ограничения для граждан, которые принимаются на работу рассматриваются как дискриминационные.

Не должны остаться в стороне и специалисты в области психологии и педагогике. Проблема профессиональной адаптации пенсионеров, желающих продлить свою профессиональную жизнь должна стать предметом исследований, в рамках которых следует изучать ее особенности, взаимосвязь с внепсихологическими формами адаптации (биологической, социальной, «экологической», организационной и др.), формами, специфичными для старших возрастных групп.

Целесообразно на уровне центров занятости организовывать и психологическую работу с активными пенсионерами, разрабатывать программы профессиональной адаптации для пожилых людей, проводить тренинги, психологические консультации, которые позволят людям значительно продлить активную жизнь, чувствуя свою востребованность и получая возможность профессиональной реализации.

В целом, резюмируя проведенный обзор, можно сделать вывод, что проблемы профессиональной адаптации в современном мире приобретают принципиально новые черты, охватывая зрелых и пожилых людей, желающих продолжать активную жизнь. Критерием отнесения людей к лицам пожилого возраста в большинстве государств выступает пенсионный возраст, но единого ценза для признания человека пожилым в мировой практике пока не выработано. В зависимости от государства, пожилым считается возраст старше 60 лет, но в последние годы намечена тенденция увеличения границ пожилого возраста и во многом такой подход достаточно объективен. Увеличение доли пожилых людей в общей структуре населения планеты (в настоящий момент она составляет около 11%, но к 2050 г. достигнет по оценке ООН 21% в целом по миру и 40% в развитых странах, а также увеличение продолжительности жизни, сопровождающееся еще и ростом ее качества, приводит к тому что все большее количество людей сохраняют и в старшем возрасте достаточную активность и способность к эффективной профессиональной деятельности. Законодательные изменения формируют для пожилых людей все более широкие возможности для самореализации, вместе с тем психологические аспекты этой проблемы часто остаются вне сферы внимания специалистов. В этой связи назрела необходимость разработки комплексных программ профессиональной адаптации для представителей старших возрастных групп, поиск новых подходов по психологической работе с пожилыми людьми на уровне центров занятости населения, организация тренингов, индивидуальных программ и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ананьев, Б.Г. Психология и проблемы человекознания / под ред. А.А.Бодалева. М., Воронеж, 1996.
2. Венский международный план действий по проблемам старения (Принят в г. Вене 05.08.1982 - 06.08.1982 Всемирной ассамблеей по проблемам старения)
3. Гамезо, М., Петрова Е., Орлова Л. Возрастная и педагогическая психология. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/index.php
4. Гребенникова В.М. Образовательные потребности общества: материалы Международной научно-практической конференции/ под ред. Ю.О. Подгурецкий, Россия-Польша, Краснодар-Ополье, 2008 г.
5. Денисенко М. Тихая революция // Отечественные записки. № 3 (24). 2005. С.27-49
6. Ермолаева, М. Практическая психология старости. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/index.php
7. Забродин, Ю. М. Психология личности и управление человеческими ресурсами. М, 2004.
8. Зеер, Э.Ф. Психология профессий. М., 2006.
9. Лапис Г.А. Активное долголетие: Молодость и здоровье после 50 лет. - СПб: Весь, 2003
10. Миронова И.И. Взаимосвязь рынка труда и системы профессиональной подготовки кадров / И.И. Миронова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014.С.
11. Моцарь, Л.С. Личность в инклюзивном образовательном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Шершень, г. Воронеж, 2013 г.
12. Перечень поручений по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста», состоявшегося 5 августа 2014 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. <http://www.kremlin.ru/news/46397>

13. Служба занятости Краснодарского края. <http://www.kubzan.ru/>
14. Старостникова В.Ю. Стратегии профессиональной адаптации студентов в социальном пространстве высшего учебного заведения. Нижний Новгород, 2010
15. Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»
16. Филиппов Р.Ф. Социальные аспекты интенсификации труда. Л., 1989.
17. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М., 2013. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/1277 ISBN: 978-5-00044-077-
18. Сайт КубГУ . <http://www.kubsu.ru/ru/node/7946>
19. Spulber D., Grebennikova V. M., Nikitina N. I., Socio-psychological aspects "happy old age" and opportunities of social services in its provision. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Том 7. № 7 vol.1. Pp. 67-75. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-67-75 (in English)

REFERENCES

1. Ananiev, B., Psychology and the problems of chelovekoznanija. Ed. by A. A. Bodalev, M. Voronezh, 1996.
2. The Vienna international plan of action on ageing, (Adopted in Vienna 05.08.1982 - 06.08.1982 by world Assembly on ageing problems).
3. Gamazo, M., Petrova, E., Orlova, L. Age and pedagogical psychology. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/index.php
4. Grebennikova, C. M. Educational needs of the society: materials of International scientific-practical conference/ Ed. by Y. O. Podgorecki, Poland-Russia, Krasnodar-Opolie, 2008.
5. Denisenko, M. The quiet revolution . National notes. No. 3 (24). 2005. ps. 27-49
6. Ermolaeva, M. Practical psychology of old age. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/index.php
7. Zabrodin, Y. M. Personality psychology and human resource management. M. 2004.
8. Seer, E. F. Psychology professions. M. 2006.
9. Lapis, A. Active longevity: the Youth and health after 50 years.- SPb.: Vest, 2003.
10. Mironov, I. I. The relationship of the labour market and the system of professional training. I. I. Mironov. Krasnodar: Kuban State University, 2014.
11. Motsar, L.S. The person in inclusive educational spaces: materials of International scientific-practical conference / Ed. by I. V. Shershen, Voronezh, 2013.
12. The list of instructions following a meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation On the development of the system of social-shields elderly citizens", held on August 5, 2014 . the Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/46397>.
13. Employment service of the Krasnodar region. Available at: <http://www.kubzan.ru/>
14. Starostenkov, C. Y. Strategy of professional adaptation of students in the social space of higher education institutions. Nizhny Novgorod, 2010.
15. The Federal law from 02.08.1995 No. 122-FZ (as amended on 21.11.2011) 'On social services for senior citizens and persons with disabilities'.
16. Filippov, R. F. Social aspects of intensification of labour. L., 1989.
17. Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy. M., 2013. Available at: http://psychology_pedagogy.academic.ru/1277 ISBN: 978-5-00044-077-
18. Сайт КубГУ. Available at: <http://www.kubsu.ru/ru/node/7946>
19. Spulber D., Grebennikova V. M., Nikitina N. I., Socio-psychological aspects "happy old age" and opportunities of social services in its provision. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Том 7. № 7 vol.1. Pp. 67-75. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-67-75 (in English)

Information about the author

Grebennikova Veronika M., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Pedagogy, Psychology and Communicativity, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Kuban State University
Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Motsar Larisa, Candidate of Psychological Sciences, Assistant of Vice-rector on Scientific Work and Innovations, Kuban State University, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of the KubSU,
Krasnodar, Russia
motsar@kubsu.ru

Информация об авторе

Гребенникова Вероника Михайловна: доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии Кубанского государственного университета
vmgrebennikova@mail.ru

Моцарь Лариса Степановна: кандидат психологических наук, помощник проректора по научной работе и инновациям ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», доцент кафедры педагогики и психологии ФППК КубГУ.
motsar@kubsu.ru

Spulber Diana PhD in Methodology of Research in Psychology, Scientific Advisor at Unesco Chair University of Genoa, lecturer at Link Campus University Rome and University of Genoa, Genoa, Italy
diana.spulber@unige.it

Spulber Diana, кандидат наук по методологии исследований в психологии, научный советник, кафедра ЮНЕСКО Университета Генуи, преподаватель Link Campus University Риме и Университет Генуи, Генуя, ИТАЛИЯ
diana.spulber@unige.it

Received: 10th March 2016

Получена: 10 марта 2016

For article citation: Grebennikova V.M., Motsar L., Spulber D., Professional and social adaptation in old age. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 97-108.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-97-108. [en; ru]

Для цитирования статьи: Гребенникова В. М., Моцарь Л. С., Spulber D., Профессиональная адаптация личности в пожилом возрасте. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 2. Часть 1. с. 97-108.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-97-108. [en; ru]

UDC 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-109-113

DOHNAL Josef,
Masaryk University,
Brno, Czech Republic,
University of Ss. Cyril and Methodius,
Brno, Slovak Republic
josef-dohnal@volny.cz

DOHNAL Josef,
Университет имени Масарика,
г. Брно, Чешская Республика,
Университет имени св. Кирилла и Мефодия,
г. Брно, Чешская Республика
josef-dohnal@volny.cz

**STUDENTS' MOTIVATION AT THE
UNIVERSITY LEVEL (AN ESSAY BASED ON
EXPERIENCE OF FOREIGN LANGUAGE
TEACHING)**

**МОТИВАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СТУДЕНТОВ (ЭССЕ, ОСНОВАННОЕ НА
ОПЫТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ)**

The essay is based on the personal experience of the author. The theme of motivation of university students is explored on the example of Czech universities. The important role of motivation in the teaching/learning process is stressed and a decline of students' motivation to get excellent results is stated. The author speaks about three factors which play in this process a decisive role. Factor No. 1: The students do not believe that the knowledge is the main precondition for a successful career. Secondly it is the system "student-is-client" which transfers the responsibility for the results of the teaching/learning process to the teacher who turns into provider. Finally, it is the too high number of universities which are pressed to compete in collecting money by raising the number of students as high as possible. This fact changes the position of students in the system substantially, too. A role play also ceaseless "innovative" changes and various projects going on all the time and bringing some times rather disturbances than an improvement of the system. All these factors contribute to a decline of motivation on both sides – teachers and students begin to mistrust each other to a certain extent, and the results of the teaching/learning process get worse.

Эссе, основанное на личном опыте автора, касается вопроса мотивации студентов университетов на примере Чешской Республики. Подчеркивается основополагающая роль мотивации студентов в учебном процессе и факт, что мотивация студентов добиваться отличных результатов падает. Автор пытается дать характеристику трем факторам, которые, по его мнению, играют в этом процессе важную роль. Во-первых, это факт, что студенты не считают знания основной предпосылкой для успешной карьеры. Во-вторых, это внедрение убеждения, что студент = заказчик, и с ним связанной тенденции переносить ответственность за результаты процесса обучения больше на преподавателя, который становится «поставщиком». В-третьих, это постоянное слишком большое количество университетов и вузов, которые по экономическим соображениям вступают в «гонку за средствами», то есть пытаются привлечь по возможности больше студентов, понимающих, что это меняет их положение в системе. Свою роль играют и постоянные изменения, связанные с тенденцией работать все время над «инновационными проектами», которые иногда вместо систематической работы вносят в процесс обучения скорее нарушения. Результатом является падение мотивации и преподавателей, и студентов и связанная с ними определенная мера недоверия обеих сторон и ухудшение результатов процесса обучения.

Keywords: motivation, stimulation, teaching/learning process, foreign languages, knowledge, precondition for a successful career, system "student-is-client", number of universities

Ключевые слова: мотивация, стимуляция, процесс обучения иностранным языкам, знания, предпосылки успешной карьеры, система «студент = заказчик», количество университетов.

Motivation is the real basis of any self-imposed activity the human being does. Motivation means that the individual invests his/her own resources, i.e. energy, time, knowledge, talent, ... so as to achieve a (desired) goal.

There is no doubt – motivation is a key precondition for an effective teaching/learning process concerning all the subjects taught in the schools and universities. If one speaks with the teachers, motivation is also one of the most frequent themes of their conversations and complaints. What is the reason of it? The teachers rely on the high motivation of the students – they believe that the students are keen to learn as much as possible – and they are disappointed by the reality because of lack of motivation which show their students in day-by-day teaching/learning activities. On the other hand, the students are not satisfied with the ability of teachers to teach them – they complain that the teachers are not able to transfer the necessary knowledge and skills to them. What is the result? Both sides of the process are unhappy and feel that the other side does not understand the needs of them.

If the key precondition for the desired effective teaching/learning does not function then it is necessary to look into the complex process, to organize relevant research, to try to understand the reasons of misunderstanding between the teachers and the students. What a pity – there is quite a lack of such a relevant analyses but at our disposal is a lot of general essays bringing only some common and to all known information that motivation is needed. Let us also try to explain our (incomplete) point of view based on a more than 30 years long praxis of teaching foreign languages at university level.

For a closer look at the question of "delivering" motivation into the teaching/learning process it is essential to understand the difference between motivation and stimulation. Motivation is an inner phenomenon based on motives, which can be understood as impulses urging the respective person to

struggle, to effort, urging the bearer of the motives to energise oneself so as to achieve the motives defined/expressed as goals or needs. Thus motivation – having inner roots – cannot be “delivered” from outside, by another person. We can say that the responsibility for the motivation lies in the respective person oneself (sometimes it is called intrinsic motivation). The others can stimulate – this means they can “deliver” impulses, which may induce motivation (some sources call it “extrinsic motivation”).

Any person is in any moment of his/her life in touch with the complex outside environment being a part of the whole dissipative structure including all the parts of it – people, animals, nature, technology, politics, economy, culture, ... so all the processes, which have any direct or indirect impact on one's life. These elements influence one's motivation by so called stimulation. The stimulation awakes the motives in one's mind (either unconscious or conscious). If the motive is strong enough, that means if the respective person assesses the particular motive as enough necessary or enough attractive, the motivation “appears” bringing an increase in energy which the person is willing to spend on the way of reaching the motivating goal. This is only the very beginning of a real activity – the will (influencing the quantum of energy given to the particular motive) has to be strong enough so as to bring the behaviour of the person to a chain of activities targeted on the desired achievement. On this way the energy is not “secured” for the chain of activities – the motive can lose its attractiveness for the individual, some other motives stronger as the earlier one may appear, some insurmountable barriers may prevent the person from reaching the goal, the time or any other resource may be supposed inadequate – quite a lot of other influences may cause that the energy “dries out”.

That implies that all these three factors – motivation, stimulation and factors influencing both of them should be taken into account when speaking about the process of teaching/learning any subject taught in the contemporary schools and universities, e.g. foreign languages. If only one or two of them are considered weak the result is not adequate and may not work in the practice. It seems that the difference between the two notions – motivation and stimulation – are not clearly defined and understood during the last two decades. Speaking about “motivation” means mostly – at least in the Czech milieu – to deliver some reflections on stimulation; very often we read about the motivation the teacher has/shall to transfer to his/her students; the teacher is the motivator, it is his/her duty to motivate others. It is forgotten that the teacher (as an outside person) can students only stimulate, but not motivate, that it is not a direct and short way from stimulation to motivation (which is an intrinsic factor).

Let us concern with the university students' motivation to learn. What are as a matter of fact their motives which brought them to the university? Is this a diploma which shall be an evidence of their ability to pass a chain of exams at a university during the rest of their life? Is this a sum of theoretical knowledge and the ability to transform them into practical skills in their occupation? Is this a sort of privileged status connected with a university degree? Is this a chance to earn more money in their post-university life? One may consider many more motives which can move the students to come to a university and to study there. Not every time may be the knowledge and the skills the main resource of the motivation of these students. On the other hand – the teacher's task is to show and bring the knowledge and the skills to the students – neither a diploma, nor money, ... So the teacher takes into account only a part of the potential motives of the students – and only this part becomes (mostly) the content of the package of his stimulation instruments. The teacher could not be responsible for the other goals which the student wants to achieve. When the knowledge and the skills are not a goal but only a means how to reach another goal how the teacher can know about it and how he/she shall use it in his/her stimulation? Moreover if the student becomes aware of the fact, that not only the knowledge and the skills taught at the university but another factors (connections, favouritism, loyalty, stroke of luck, ...) may lead to the same goal why should he/she trust the teacher and why should he/she accept his stimulation impulses and react positively on them? It means that even if the teacher fulfils his obligation and stimulates his/her students the results of his/her activity depend on the inner reaction of the student himself/herself. To differentiate between various goals of the students and to react in the stimulation and in the teaching activities (which should be adapted to the goals) so that any student feels activated in his/her motives is quite impossible for the teacher. Thus student's own will and activity are necessary so as to respond to the teacher's stimulation.

Here we come to the crucial point of our reflection: it is the question which side is more responsible for the results of the teaching process? Is it the teacher or the student? Again it is not an easy question but the answer is even more difficult. According to our conviction it is necessary to differentiate: the teacher who shall act using a plan of studies, i.e. fulfil his/her tasks in preparing lectures and seminars in that way that the students come into particular system, information, skills and concepts offers all these to the students pointing out what is compulsory (subject of exams) and what not. Student's obligation is to accept this compulsory sum of information, to prepare for the exams and according to his/her motivation to choose other impulses hidden in the teacher's influence. Students also

have the choice to ask the teacher to add some more information, if they show own interest in it. Thus the responsibility is divided – both sides of the teaching/learning process are responsible for the results. It seems to be self-evident in such an extent that it could be taken as superfluous to speak about it.

The problem is that the contemporary education system does not take the above mentioned facts into account sufficiently. More and more often we meet the conviction that the student is a customer, the teacher a provider in the teaching/learning process. Such an attitude implies the idea that it is the teacher who shall fulfil the needs of the student. Student is the person who consumes, uses the delivered goods although the goods have an abstract character. This basic idea of the provider-customer relationship brings quite a lot of other consequences. The most part of the responsibility for the results of the teaching/learning process bears the teacher in such a concept. He/she is not only responsible for the organisation of the teaching/learning process, for the methods used, for choosing the textbooks and teaching aids, but also for the results – for the “delivered” knowledge and skills. Therefore innovations of the teaching methods, continuous re-qualification of all teachers, always new (“innovative”, “upgrading”, ...) projects are required steadily, responsibility for which lies on teachers. This is typical for all the subjects – and the following abundance of various projects in which it is necessary to involve the students, too, results in the feeling of instability on the one hand, and in the feeling of incompetence of teachers who have to improve their (unsatisfactory?) teaching skills on the other hand. The consequence is that students resist to being involved in too much project activities which as the matter of fact took their attention away from the systematic procedures of the teaching/learning process and, which is more problematic, they mistrust their teachers who are supposed under qualified. As customers students tend to regard the complex teaching/learning process as unsatisfactory.

Some other factors contribute to the mistrust. Students hear quite often that the teaching/learning process has to be amusing – they have the right to enjoy it. They are the customers – so they should be in a position in which they have the right to decide whether the teacher prepares the classes amusing enough or not. The teacher as provider is obliged to do his/her best for reaching this goal. If the teaching/learning process includes according the students' view too much (what is “too much”?) stronger discipline, too much information, too much exercises, too much new words, too much grammar etc. they do not enjoy it. Even if such a process leads to the planned results the opinion of the students is that the teaching/learning process is unsatisfactory. The teacher is guilty, because he/she uses inappropriate methods, he/she does not entertain – students do not enjoy the classes.

Sometimes the students are right – the teacher had not spoken with them about the goals, about the possible methods and their advantages, about the conditions in the framework of which the goals shall be reached. We regard such conversation as necessary at the very beginning of the teaching/learning process so as to clearly define how the process will be organised and why just in that way. Then it is necessary to prove whether the goals are really reached during the process. The both sides shall be aware of the results – if they are satisfactory, the motivation may arise.

Another factor is the specific characteristic of foreign languages teaching/learning process is that it should be really continuous – students should train the skills connected with the foreign language every day. That means that they have to do their homework not because of their teacher but because of themselves. If they do not train every day, the results (=the skills) are poor. The customer-provider philosophy contradicts to this practice – the customer shall consume what the provider delivers; here the customer becomes a self-providing being. He/she uses a tool (information, procedure, shown skill, ...) training himself/herself. Similar to any tool – if it is not used, it cannot bring the results. If the results (i.e. knowledge or skills in a foreign language) do not appear, the teacher is mostly blamed because “he/she did not teach me to know/to do it”. Without results does not come motivation.

Again, at the very beginning must be clearly said what is the role of the teacher and what is the role of the student who has to work hardly even at home. It is not an easy task – in the last 2-3 years we are confronted with the conviction that as few homework as possible shall be imposed on the students. Why? Firstly, students have the right to have enough leisure time – and the home work “steals” it from them. Secondly, the homework accentuates the social differences between the students: these ones from “less social stimulating” families are disadvantaged in comparison to those ones whose parents help them to work at home or at least stress the use of homework and prepare suitable conditions for it. The tendency to eliminate homework brings a risk of quite poor skills – a reason for lower motivation: it is mostly so that the better the results the higher the motivation.

The third reason of motivation problems is the administrative one. According to the European Union policy the percentage of university graduates shall reach utmost 40 % of the population. The intention is that the higher percentage of university graduates the higher the economic potential of the

respective country that means of the E.U. taken as a whole. We can see a run like struggle to reach this goal. The authorities responsible for education tend to evaluate the whole education system and the respective university according to the percentage of successful students – the higher number of successful students, the better the university. There are not given obligatory criteria which the student has to fulfil at any university of the respective type. This results in a mass-chase on university degrees (but not on knowledge and skills).

This mass-chase begins at the secondary schools already. In Czech Republic the capacity of secondary schools overcomes the number of children in a year of birth by about 1,3 to 1,5. What are the consequences? The schools fight for students promising better conditions for studies, arguing with the percentage of successful students. To reach the suitable percentage, the requirements are lowered quite often. Students seeing that not their efforts but the efforts of teachers are important for passing lose any reason for being active, struggling for more knowledge, trying to overcome the results of others. No competition on one side, the necessity to lower the requirements so as to make it possible for poor students to pass on the other side – all these factors have a bad impact on motivation: students have not to make efforts because the teachers have to secure good results. The lower number of students in the school the lower the requirements. After four years in such a milieu there remains very little motivation for active (motivated) attitude toward the teaching/learning process on the students' side.

Bringing the same lax attitude towards study efforts from secondary schools to universities is quite easy. Even the number of universities grew rapidly in the past two decades. In some of them occurs the same as in the secondary schools – the universities need students at any cost and lower the requirements. The university can change it hardly being sometimes in the same position as a secondary school; if there are not enough students, there the university does not exist more. It is really very hard for the teacher to arouse real motivation in the situation in which the student knows very well that the job of the teacher depends on him/her. He/she is one of the main sources for the teacher's salary – the teacher has to deliver him/her his/her degree, because his/her teacher is funded for that. Only the strongest universities can afford to stand by a high level of knowledge/skills required.

No doubt – such a situation influences the motivation of the students; they are not pressed to work hardly enough, they know that the university needs them and that the path to a degree is an easy one. And it is the teacher who becomes a prisoner of the economic criteria in this way and who is put in a complicated position. If he/she really wants to work with the students, he/she uses a lot of his/her time for the lectures and educational work (consultations, tutorials, textbooks, ...). But then he/she is not able to take part in international exchange programmes, him/her lacks time for writing and publishing intensively, for preparing and fulfilling various programmes innovating already twice innovated programmes of study. Many of the teachers feel overworked, robbed of respect and of their chance to educate students in an exacting way thus demotivated. A danger of a circle comes into existence – in which extend could demotivated teachers motivate students?

It seems one of the ways to a higher level of students' motivation includes higher motivation of the teaching staff. If the teachers become the real organisers of the teaching process, if they are not pressed by the economic and administrative criteria to activities which do not contribute to a higher level of teaching/learning process they will feel more free to search for teaching methods with more respect to students' needs and talents which could arise their stimulation of the students' motivation to work hardly, to get the results anticipated in the study programmes and to exclude those who do not copy with the requirements of the study programmes from the teaching/learning process. In that way the saying of the "teacher of nations" Jan Ámos Komenský could be taken as a basis of the touch of both sides of the teaching/learning process: Come here, child, and learn how to be wise.

REFERENCES

1. Kroupová M.; Budíková M. Analýza neúspěšnosti bakalářského studia matematiky. In: 14th International Conference on Applied Mathematics APLIMAT, 2015 February 3-5, 2015, Bratislava, материалы междунаро. конф. Bratislava: Slovenská technická univerzita 2015, c. 525-532.
2. Čihounková J.; Šustrová M. Analýza obtíží při průchodu studiem a její konsekvence ve vysokoškolském poradenství. In: Vysokoškolské poradenství versus vysokoškolská pedagogika. сб. науч. тр. Praha: ČZU v Praze 2009. c. 120-125.
3. Phillips Spurling T. A Study of Motivation and Self-Efficacy in University Students <http://www.campbellsville.edu/a-study-of-motivation-and-self-efficacy-in-university-students> Motivation and Goals. <https://student.unsw.edu.au/motivation-and-goals>. Дата обращения 14. 01. 2016.
4. Motivation: Lost Or Just Misplaced? <http://www.brown.edu/campus-life/support/counseling-and-psychological-services/motivation-lost-or-just-misplaced>. Дата обращения 14. 01. 2016.

5. Afzal H.; Ali I.; Khan M. A.; Hamid K. A Study of University Students' Motivation and Its Relationship with Their Academic Performance; статья в науч. журнале. International Journal of Business and Management Vol 5, No 4 (2010), <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijbm/article/view/5691/4612>. Дата обращения 14. 01. 2016.
6. Florian H.; Müller J. L. Conditions of university students' motivation and study interest <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/00003572.htm>. Дата обращения 14. 01. 2016.
7. Blašková M.; Blaško R. Motivation Of University Teachers And Its Connections Human Resources Management & Ergonomics Volume VII 2/2013; статья в науч. журнале. http://frcatel.fri.uniza.sk/hrme/files/2013/2013_2_01.pdf. Дата обращения 14. 01. 2016.

Information about the author

Dohnal Josef, Candidate of Philological Sciences, PhD, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University, Brno, Czech Republic, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius, Brno, Slovak Republic
josef-dohnal@volny.cz

Received: 14th January 2016

For article citation: Dohnal J. Students' motivation at the university level (an essay based on experience of foreign language teaching). Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 109-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-109-113.
[en]

Информация об авторе

Dohnal Josef , кандидат филологических наук, доктор философии, доцент философского факультета, Институт славистики, Университет им. Масарика, г. Брно, Чешская Республика; доцент кафедры русистики философского факультета, Университет им. св. Кирилла и Мефодия, г Брно, Чешская Республика

josef-dohnal@volny.cz

Получена: 14 января 2016

Для цитирования статьи: Dohnal J. Students' motivation at the university level (an essay based on experience of foreign language teaching). Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 109-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-109-113.
[en]

UDC 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-114-123

TEREGULOV Filarit Sh.,
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russia
terfil@yandex.ru

ТЕРЕГУЛОВ Филарит Шарифович,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия
terfil@yandex.ru

ABOUT SOCIAL HERITAGE AND SOCIAL GENOME

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ НАСЛЕДОВАНИИ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНОМ

This paper is referred to deep educational science, in which the objective reality is associated with peculiarities of perception, how far the beliefs of scientists, emerging stereotypes and language of science can physically and notionally present the origins and mechanisms of personal becoming. It is very difficult to find other burning question for humanity, on which so many arguments are focused and which forces pedagogical community to change their opinion to the contrary so many times. Within this framework, the life-sustaining activity of people is viewed historically as the outer-inner evolving system in which the philosophical categories of biological and social aspects are considered as the two poles between which the educational sphere is formed. The main idea of this study is sociogenetic approach which makes it possible to consider that the life-sustaining activity of people is a compromise solution, which can be found by multiple considerations and manifesting as vast variety. The article gives the grounds for the educational activity, including the initial setting of social channels and then circulation through them among specimens of different information modalities, establishes life-time formation of Intelligence and Personality of newly born specimens of the humanity. Study Materials are valuable for both methodologists-theoreticians and technologists of education.

В данной работе речь идет о той глубинной образовательной науке, в которой соотносится объективная реальность и особенности познания, насколько представления ученых, складывающиеся стереотипы и язык науки способны физически и понятийно представить истоки и механизмы становления человека. Вряд ли найдется другой животрепещущий вопрос для человечества, на который направлены столько споров и столько раз заставлявших педагогическую общественность менять свое мнение на противоположное. В этой связи жизнедеятельность людей рассматривается как исторически внешне-внутренняя эволюционирующая система, в которой философские категории биологического и социального рассматриваются как два полюса, между которыми разворачивается образовательная сфера. Ведущей идеей исследования является социогенетический подход, позволяющий считать жизнедеятельность людей компромиссным решением, находящимся путем неоднократных согласований и проявляющимся огромным разнообразием. В статье обоснована образовательная деятельность, включающая исходно наладку социальных каналов и далее циркуляцию по ним между особями разномодальной информации, установлено прижизненное формирование у вновь рождающихся представителей рода человеческого органа Интеллекта и основы Личности. Материалы статьи представляют ценность, как для методологов-теоретиков, так и технологов образования.

Keywords: social communication channels, basis (codes and genes), agreements; developed sociogenome as a complex of social agreements and conditions for proper functioning of the humanity

Ключевые слова: социальные каналы общения, основания (коды, гены), соглашения; развитый социогеном как совокупность социальных соглашений и условие гармоничного функционирования человечества

Introduction

The main theme of the March 2015 issue of the journal "Knowledge is power" was the question whether "Genes determine everything?" And the chapter ends with the following sentence: "It is tempting to consider the usage and modifications of the term "gene" and its fluxions in the fields of knowledge which are very distant from the genetics (e.g., in the humanities), as well as in the mass consciousness and culture" [1].

There is no need to postpone it. Thus, V.Styopin, the country's largest philosopher, RAS academician reminds: "In the life of society, the culture performs the same functions as the genes in biological organisms. It is a kind of a **genome in accordance with which the society changes and reproduces**" [2]. The concept of culture embraces everything people touch throughout the history of mankind. The science as an objective reflection of the environment in people's minds historically develops in the context of culture, and it applies to both natural and social fields of knowledge. It also includes the educational sphere. No wonder that eminent pedagogue scientists agree with that idea [3].

It is known that J.Watson and F.Crick were awarded the Nobel Prize in 1962 for the discovery of biogen (deciphering the structure of the DNA molecule). On the 26th of June, 2000 in the White House the international project "Human genome" and a private American corporation "Celera" announced with the help of US President B. Clinton that a hereditary code carried in human genes had been almost deciphered. The finding has already been included to the greatest ones in the human history. Scientists from twenty countries, including Russia participated in the project of a genome decipherment.

But does it seem that seeing and recognizing how the natural formation of the social genome is set through hundreds of generations, through millions of human destinies by mostly bloody, and very rarely peace agreements, is an extremely difficult job, and it is worth more than one Nobel Prize?

Logical form vs analysis

All the aforementioned may indicate that the idea of the matter having a genetic nature finds its way in minds of many scientists. And now we need to roll up our sleeves and start thinking about its constructive content. Moreover, perhaps somebody has already taken some steps in this direction. And it seems to me that I know this person.

Evolution of living matter is connected with the increase of a number and quality of successively tied inner bodies. From this perspective the sociogenome appeared logically in evolution arena as another means of fixation and self-organization of a new basic level of reality reflection after atoms, molecules, cells, and after the DNA molecule (biogenome).

The sociogenome arises:

1) as a result of resources exhaustion of inner strengthening of hereditary information in one of the previous specific bodies - the brain in form of an instinctive experience and limitedness of possibilities of its subsequent adaptation to changing environmental conditions;

2) due to the evolutionary extension of sequence of specific inner bodies in form of the developed new cortex and appearance of objective grounds for new cycle of objective reality reflection;

3) due to an evolutionary finding of the maturity optimal balance of the outer and fixed inner bodies and an effective correlation between them.

Thus, being a natural extension of a known human biogenome, the sociogenome evolutionary manufactures specific material in the society reflecting properties and ratios of reality, but it is passed from the generation to a generation in an external way. As a result of its intravital assimilation the child turns from a biological individual into a social personality and the aggregate of the latter ones is able to constitute the harmoniously functioning single body of the Mankind. Destiny of a separate person, as well as the destiny of the mankind as a whole [4] depends on the quality of a developing sociogenome.

If the environment takes the lead in biogenome formation and the internal content of any organic tumor by its various chemico-molecular redesigns and complexes (genes) reacted and fixed the dynamics of events in it by its sequence, then at the rate of a sociogenome a human population takes over the initiative. Each subject involved in the society exhibits his activity directed more narrowly to the environment. Thus the circle becomes wider and closes. A person and the Mankind as a whole as a final link in biosocial form of a matter motion are fully turned inside out towards the environment and carry out an extensive, multidimensional, long and most detailed reflection of objective reality. These fragmentary notions about oneself, as well as about the environment extremely require alternate coordination and generalization, which is forming the essence of any genetic process and basis for sustainable functioning of arising tumors.

But the obvious observation and experimental research of the sociogenome formation process are complicated by many reasons. The first reason is a spontaneous and empirical nature of its formation, its unity with many other processes, and external non-reducibility to these unities. Thus, for example, speaking of the brain as of a specific internal organ, we must state that our body consists of a lot of other internal organs and systems, but with other specific functions. But at the same time one can single out the general for them outer body - cutaneous-muscular framework with built-in sense bodies, as well as with the organs of movement and manipulative behavior. If the other internal organs and the systems of our organism execute very subsidiary functions (nutrition, oxygen enrichment, detoxification, etc.), our outer body begins mainly to play an additional role of an intermediary between the brain and the objective reality. The outer body, transmitting impulses through the sense organs and the senses from sociable interaction of all the body (including the internal organs) with objects of the environment into the new cortex, contributing the latter to «deform» (most probably, to continue forming), it fixes inside the properties and relations of reality being reflected and their operation thus transforming into the Intelligence organ. And, on the contrary, the generalizations and various «conclusions» made in the new cortex can lead by means of our outer body to transformation of the environment and the further development of the reality. Thus reality realizes by means of human individuals the self-reflection and the subsequent development, prepares its changing to a new form of the matter motion.

Our task of a sociogenome transcript is complicated more by the picture of the genetic past extracted from the depths of evolution, being deprived of clarity, characterized by absence of the formation process itself. The latter became fundamentally non-observational with any increase of the re-

ception organs possibilities. It, as other processes, leaves after itself only milestones, the phased tumors (original atoms, molecules, cells, etc.). Therefore all the developed phased tumors retrospectively seem arising in ready and mature form without phase of trial search. It is hard to imagine how many lives of individuals and their generations up to now the human population laid into confirmation of only preliminary and framed agreements of a human dormitory. And how much it will cost to search for a full featured social agreement and confirm it, how many things we will have to sacrifice to the forming sociogenome of a present civilization if we do not realize the true essence of a biosocial form of matter motion.

The same example with a biogenome included in a DNA molecule is baffling many scientists trying to explain its sudden and so complex structure and looking passionately for intermediate stages and not finding satisfactory answers for today. And what is the situation with a sociogenome piercing a track for itself through independent, individual, separated and not grounded to each other in any way life collisions and social activity? It is hard to imagine such overbuilding self-organization, how the universal dependence on that single one that has to be built gradually emerges through its own opposition. Having assumed the mature appearance, the sociogenome determines its headship over all the biosocial form of matter motion.

Further, we are uselessly searching for its sources in the consciousness and behavior of separate individuals because the genetic social process appears only in cooperation, group, chain of generations, which makes the sociogenome formation in each separate individual fundamentally elusive, by its nature it is escaping an investigator's look. Its formation starts as interpersonal, intergenerational links and relations.

The following peculiarity of a sociogenome formation consists in its global character capturing the entire planet Earth and going on in the whole the mankind. And the difficulties of its presence observation are related with narrow horizon of researchers, narrow-minded thinking, biological and social breaks in a circuit of the generations through which a weak dynamics of its expansion is not reflected. Admittedly, the germs of a sociogenome begin to be established with the interaction of two individuals of an opposite sex. Its subsequent development is coming through increase of the set of individuals and the expansion of the range of their residence, making their relationship with the other couples and the expanding world actual and coordinating them.

The advantage of a sociogenome of a biogenome consists in formation of a mankind complex body actually covering all the Earth and thus essentially widening the reflecting base. Simultaneously the reflected base and, in accordance, the possibilities to reflect the most different ecological niches are expanding. At the same time the reservation of the individuals relative autonomy allows the body of Mankind to avoid clumsiness – an inevitable concomitant of giant organisms. The dinosaurs confirmed by their destiny the inferiority of a gigantomania idea. Moreover, the optimal sizes of human individuals and the optimal balance of their built-in bodies allow them to interact closely enough with the objective reality, to reflect its proportionate and significant associations and balances and their ample opportunities for the formation of numerous dynamic coalescences allow to make necessary generalizations and form an integral picture of the world, serve to form different necessary Mankind's body organs.

Forming various social structures, coalescences, and commonalities, covering regions, countries, and continents, the sociogenome is filled and improves slowly but steadily. But the sociogenome acquires classical form and full maturity only during increase of capacities to carry out harmonious functioning of a human civilization on all the earth. One does not need to think about this quality of a sociogenome as about a smooth process of gradual involvement of an ever larger and greater number of people living on earth until combinings them into Mankind. First, it is discrete, second, it is multi-layered and, third, double-sided. During the expansion of the range of people interaction and at the emergence of their commonalities, simultaneously a transformation of individuals constituting the first is going on.

In other words, the basic tendency of matter development by means of a coalescence and isolation of structural formations reaches its maximum at human level. At the same time the range of their interactions extremely expands. Consequently, the contradictions accompanying this genetic process are also extending to the maximum. The initial attempts of individuals junction manifest themselves in the striving to absorb each other, to subordinate the others and the isolation – in defence of the independence from surrounding people, in self-building. Naturally, the subsequent solution of these oppositely directed tendencies required from individuals achievement of a number of compromises on a broad spectrum of interactions, the voluntary limitation, and delegation of certain functions to each other i.e. of deliberate solution of the mentioned problem with a lot of coordinations. This enlightenment came after a sea of blood. But even today the rivers of blood continue to remain an indispensable condition for elaboration of some socially significant social agreements.

Therefore the mature form of these opposite states symbiosis in a human population is provided only by the production of corresponding coordinated genes and their intensive exchange. The most mature form of the individuals detachment corresponds to the concept of Identity and their integrality—to Civilization. Basically possessing a single social genome, the individuals deliberately unroll only one or another of its fragments and thus they are able to form a harmoniously functioning combined body of the Mankind, preserving at the same time their uniqueness.

The following reason of sociogenome observation difficulties lies in long and not yet complete character of the formation since the moment of the human society origin until the present time with an attempt to look into future. Without a long period of maturation no change in nature can occur. But, if there is such a period of coordinations, something completely new inevitably develops. The new things often enter so quietly that, when we begin to notice them, they have already fixated in many minds and are functioning in mature enough form. In any area when something really new begins to hardly come up, we do not notice it for that simple reason that we do not see prospects in the future to notice it in the very beginning. When these new things grow, than, looking back, we uselessly begin to search its germ or first sketches. The sociogenome belongs to this category, it almost does not leave evidence after itself.

The sociogenome as a phenomenon has two circumstances which make our vision of it more difficult. We may not catch it because of its being reproduced in long intervals and all our being is completely concluded between its two appearances. Or it escapes us even more radically because, having appeared someday, it never recurs any more. Is it a cyclic phenomenon with a very long period or a unique phenomenon?

The situation with a sociogenome is characterized by an even harder variant. Our individual life on a sociogenome-formation scale turned to be too short because for laying only the original social elements not tens, but hundreds of generations of people were required. In the closing stage the completeness of a sociogenome formation and the level of reproduction of it by individuals increase so much that the successful functioning of the mankind directly coordinates with each individual's responsible attitude towards life. Deliberate or unintentional unrolling of separate insufficiently consistent fragments of a sociogenome by individuals is fraught with a disastrous effect for the mankind. Unstable equilibrium in trends of isolation and junction of people on base of a powerfully assembled sociogenome can get out of control in virtue of different errors. Then the accumulated strength of a sociogenome is collapsed relentlessly to the destruction of the entire achieved coordinations pyramid. Apparently, that is the reason why the powerful empires and civilizations broke up inevitably, completely disappeared from the face of earth. Only the bits of genetic material in form of, for example, the remains of Atlantis, Troy, etc. buried under the water layer are reminding of the frustrated civilizations tragedies. And each new civilization revived from scratch on the ash from the previous ones without any possibilities of the someday started business continuation by borrowing ready recipes of a sociogenome formation.

The simultaneously occurring ontogeny can also obstruct the objective study of social phylogenesis, ontology of sociogenome. Although we say that the ontogeny is an accelerated phylogenesis, it does not go through all those numerous difficult and boring stages of coordination, does not invent social codes again, which formed the essence of a sociogenome formation. Ontogeny is, in the first place, an assimilation of ready social genes by newborn individuals. But the ontogeny is not only the repetition of phylogenesis, but also its continuation. Therefore, acquiring ready social genes, the individuals simultaneously participate in their development, connect to search by trial and error to or consciously to the design of new genes. The noted layering of an evolutionary process with individual social work masks the genetic essence and overshadows the prospect of a biosocial form of matter development itself. The continuing non-differentiation of historical collective and individual social work processes defines an empirical way of a sociogenome formation and leaves it beyond the field of a research study for a long time. Finally the social processes are presented as simple reproduction of historically formed separate social functions and their adaptation to modern conditions by new generations. Comprehensive genetic essence of the society and the corresponding prospect, coming up through a lot of blood and bloodless coordinations attempts, falls into oblivion. As a result we are impartially observing and are compelled to state how the spontaneous granulation of separate properties and relations of reality occurs, notions representing large social genes and passed into service by some circle of persons arise. But summing up the detached points of the granulation people haven't manage to constitute the genome itself which would unfold and explain all the creation. Myths, fairy tales, legends, testaments and beliefs etc. fill this social niche. As a result there is a distorted reflection of the world, ecological and social niches in people's minds, basing on which they live and interact with the environment and their congeners. The main thing is that the human individuals do not

know all the truth about themselves and their destiny. Using false notions, people betray their nature [6].

In different historical eras this elusive property of the matter development was known as its spirit, soul, intelligence and was interpreted as ideal intangible substance. Thus, in early stages of scientific thought evolution the people's capacity for using tools and creation of new objects allowed them to assert that if something arises in the nature, this new object must have a personified creator, the author who preliminarily models this created object before the beginning of production preliminarily models, forms in its internal structure, i.e. builds its ideal model in advance. It is similarly assumed that for the production of all the rest of the the nature objects the mechanisms of an emergence of which are unclear there must be a creator, a sensible subject named God or differently.

People had to delegate this genetic function to God. The Bible says: In the beginning was the Word. The word was God's... high-powered work of the Lord God during a week have generated the variety of the world, a powerful blossom of which we observe nowadays. Having created people in his own image, He, however, amazed them in rights to his god business. The People had to limp along being slaves of God. It's all in God's hands! But a number, degree and frequency of misfortunes continuing to fall on the mankind as if from the horn of Amalthaea made some people to doubt their god's sending. Many cyclically recurring cataclysms begin to point with vast obviousness at carelessness of people and their weak orientation in the environment, at bad knowledge of objective reality laws. It turns out that a lot of things also depend on people. An appeal: God help those who help themselves becomes the instruction manual. Thus, the person unwittingly starts to deal with a disposition of Providence: making items of material and intellectual culture, producing social genes. Moreover, we have a corresponding indulgence. It is said in the holy Gospel of John: "He who sent me is with me. The Father hasn't left me alone, for I always do the things that are pleasing to him. I and the Father are one. The Father is in me, and I in the Father"(chap. 8; 29, 38). Therefore it is necessary to extrude a slave from oneself constantly, to take responsibility for present and future. Having committed an irremediable sin someday, having tasted fruit from the tree of knowledge, we cannot stop halfway. Then the God's word becomes a Word embracing all the mankind which is called sociogenome.

Considering everything indicated above, namely a sociogenome's being on the historically smallest phase, spontaneous, empirical and disguised character of its formation and the most important - serious consequences of inconscient sluggish social agreements carried out through series of bloody wars, religious strife, ethnic conflicts, and domestic hardships, its objective study and scientific management become vitally important.

As a result of theoretical analysis it is possible to open the essence of a sociogenome phenomenon, considering only present – intermediate positions of things existing in present without a deep historical excursion. To do that one needs to assume that the considered phenomenon represents the process of organic transformation of some specificity into another, which is greater and more developed. In other words, one genome replaces another and at the same time the higher phase is always built from material produced by its preceding evolution. At the same time the superfluous «spares» which took part in intermediate coordinations break up without a residue soon. Dismantling of a building timber reveals the panorama of a sociogenome majestic building. The look a monumental building is being opened, representing by the present time more historically developed phase of a sociogenome, including its past and discovering in some changed «removed» form. Evolutionary preceding coordinations levels faded away in genetic battles, show up in form of fossils and form unchanging for today foundation plates, the ground and lower floors of the universe. Although the construction works moved to upper floors, the ajar architecture still remains simple and future is very foggy. It is still unclear how many floors will be erected and what kind of roof will crown this building. The sociogenome is an evolutionary unfinished building which is on our record today [7].

At the same time one can assume not all the modern structural components of this phenomenon are developing evenly and spheres anticipating the others can be separated, the parts across which the social agreements go on even at present time clearly and very violently. In other words, all the tendencies that are difficult to see in the reality mass, i.e. in the living itself because their being under earlier, more undeveloped state, can be seen sharply, clearly and vividly in the education sphere. No wonder that the evolutionary differentiation of human activity under the pressure of environment emphasized the younger generation education among the first ones as being a promising and fateful structure. Education is a basis for all the subsequent vital human activity. From this perspective the education process before just the vital activity receives certain advantage and the corresponding justification of itself. In other words, study of education sphere gives as an immediate result the critically theoretical understanding of current trends and facts of sociogenesis and the vital activity would clear up only a yesterday of social agreements. Thus the significant milestones in a sociogenome development appear. Therefore consideration of the education history, today's pedagogical practice, and

professional training allows finding this genetic process precisely in the points where it reaches a mature enough expression.

Conclusion and lessons for a subsequent analysis

So because of a vast number of individuals and dispersion across all the Earth it would not be possible to cover them with a single cover and create a full-fledged biological organism. A sociogenome that began to circulate between people is gradually assuming the functions of people linkage and their differentiation within the Mankind. The sociogenome has a dual function: complete building of a person and simultaneously building of a whole Mankind body. It presupposes the solution of two problems: complete formation of the Intelligence body in each individual and their further building into the body of Mankind. If the first task is the education sphere, the second one is a social problem. But building of individuals into some social niches of mankind is accomplished through professional education. Hence it is possible to differentiate and orientate the sociogenome to three spheres: basic education, professional education, and social activity. Education is directed at the formation of universal social base, professional education is directed at occupation by a subject of some particular social niche and various social activities provides harmonious functioning of corresponding services and the bodies of the Mankind. Perpetual reforms of national education eloquently indicate the intensity of a mature sociogenome search and the passions that accompany this process. Once more, coordinating the various sides of vital activity (the personal interests, interests of family, society, production and state), we are trying to find content of general secondary education. Introducing the whole range of educational standards generations, we approach professional education and system of higher education to modern requirements. At the same time, approving of the single educational space, we coordinate general requirements for crucial human competences, etc.

Ignorance of a primary variety stages of genetic grounds and then selection of several optimal varieties from them, logically observed on all the previous levels of structural construction, lead to confusion in social processes. For example, more than 300 kinds of elementary particles were formed in quantum primordial soup, but only three of them formed the stable atom. The following diversity in the number of nucleons in a nucleus and electrons on a shell has led to the formation of about 110 chemical elements and selection of six ones of them has laid the bases of the organics, etc. Therefore it is logical that at first there was a great variety of genetic grounds in the society and then the process of their natural interaction (coordination) and generalization should have logically led to the selection of several optimal ones. And until that, being within such a wealth of various manifestations of a still unappreciated universal trend, doing the necessary qualification of phenomena and significant bold generalizations is not a simple task at all [8].

An existing inflexible system of science, «nationalism» of narrow specialists zealously treating their preserves, and disaffection to «outsiders» trying to make an interdisciplinary synthesis do not contribute to the formation of a full-fledged sociogenome and, especially, to its public acknowledgement. Thus, the study of a natural line of logically complicating levels of the matter motion is scattered on different branches of scientific knowledge between which there are some intractable ridges (quantum mechanics, atomic physics, inorganic chemistry, biology, neurology, psychology, pedagogy, sociology, political science, etc.). The problem of the present external social genes which people use in vital activity and in the educational process, is in their incompleteness and fragmentation. A mechanical pile of separate social genes conditionally divided into tens of compartments i.e. disciplines, stems of a lot of sciences occurs. Therefore the efforts of teachers and scientists are aimed at justification and realization of interdisciplinary relations, creation of complex disciplines, search of invariants, universal means of reality learning, and the fixation of this reflection results in external form. Appeals of scientists to realize various approaches are situated in this direction: dialectical, integrated, synergistic, hermeneutics, axiological, holistic, action, individual and other approaches and orientations. Modern science requires, first of all, a general theory of self-organizing systems development, coordination of all levels of a matter motion of matter through relay passages.

Rapid growth of the genetic fragments number of different modality observed for today from an external perspective – a social memory – creates serious problems for vital activity, including the educational sphere. The researchers state that on one hand, a fact of knowledge doubling in every 4-5 years, but, on the other hand, their ageing. This instability strongly oppresses people. They are confused now and they are looking for the meaning of life, trying to build up life guides, the hierarchy of goals, sequence of actions in this dynamic world. A lot of people feel the strongest nostalgia for «good old times» and find some support in religion, etc.

For the education it is difficult times too. A problem of selection from these genetic pieces of a certain sum of knowledge and skills which would compose the content of a youth's general education arises. As the result the periodically occurring mechanical information selection and its further accretion with new relevant divisions, courses, disciplines under the pressure of life leads to the excessive swelling of educational content, which is fraught with the loss of health by students and demand increase of the educational duration, reforms, modernizations, etc. This is a typical characteristic of education modern state. Sociogenetic essence of education is being persistently ignored.

The difficulties in mentioned above essence reflection in education sphere will disappear if we distinguish in social coding the proper social basis (original nucleotides), composition and combinatorics of which form one or another social gene. For example, letters are chosen to be social "nucleotide" foundations. The letters themselves (consonant, vowel, labial, palatal, glottal, etc.) do not have any meaning, but assimilation of their pronunciation and spelling is a necessary stage and a section of education. The same one can be asserted relating to music notation, basics of vocal, painting, choreography, etc. In algebra these are conventional socially agreed and accepted signs – symbols (letters), as well as operator signs of plus, minus, radical, etc. But the subsequent combinatorics of social bases – letters (notes, etc.) – and their corresponding agreements with items and phenomena of the environment breed a social gene. The social genes begin to indicate separate objects, properties, and relations of objective reality and participate in exchange processes between individuals.

A characteristic of forming original social genes is in their relation with immediate sensory sensations from the environment and in their variety. For example, originally so-called nominative symbols – names, quality designations of the environment subjects, participial forms, etc., were developed and they showed up as coordinate conditional phonemes and graphemes. Newly formed vast sea of social genes represents the world at the level of detached phenomena that weakly agree with each other and are generalize (as the genetic relations of reality itself are not found or do not have a suitable identification), they cause large genes and empty social genomes with difficulty. But rich vocabulary of operator words or etymological characteristics develops gradually, determining sense and function relations between above mentioned subjects. Operator words (not, under, sure, or, for, really etc.) and the etymological operators (connectives, suffixes, forms of cases, etc.) do not display anything on their own and do not carry any objective duty but that they were probably the greatest invention for social genetic recombinations and generalizations rather than creation of notional words. The proverbs, sayings, mathematical, physical, chemical formulae, different concepts and theories are only separate attempts to agree (veridical or perversely) numerous separate phenomena, processes, universe levels into a certain integral compact picture. Being islands, their number still remains great. For example, the dictionary of Russian language of V.Dal explains over 200 thousand words and 30 thousand proverbs.

As we see, the mankind is still far away from the fundamental coordination and generalizations of numerous social genes and formation of a developed joined social genome. Along with the search of new grounds and the invention of folding and generalizing means (concepts), people have chosen another way. They began to join separate social genes into a thread – the sentences, sequence of which had already made up a text holding and reflecting complex events, their dynamics. And there you can see a sadly-majestic story on love that have suddenly flashed up (powers of a coalescence) between Romeo and Juliet against the hatred (powers of isolation) of the Montague and Capulet families made up from in total two and a half tens of alphabet letters. Like giant molecules of a biogenome, hypertexts began to form in the sociogenome, in which the particular social genes began to separate by paragraphs, the complete fragments – by sections, chapters, sections, the significant genetic grounds – by underlining, by bold type, and similar socially conformed ways.

Considering correlation and mutual transfigurations of external and internal one, we must confirm that the external social expression is forcedly deficient. It is impossible to bear the full internal feelings because any thought is composed of sensory casts and intellectual processes. Therefore, people, attempting to coordinate the external and internal one and erect a bridge between them, have created so-called symbols. They serve as links, pattern between the sensory and intelligence. In other words, along with a sensory aspect, the symbol also has a sense aspect. Initial and final links are grasped (agreed) in the symbol, it holds the internal content together and creates an impression of integrity and enlargement. Precisely this aspect addresses our understanding and makes us reflect, that is how the intellectual aspect is made. Originating from sensory sense, it signifies something and requires interpretation i.e. new coordinations. Effecting in a symbol together, these two sensory and intellectual aspects make up its specific character. Involving in its process the functions of different brain structures, it is associatively richer than purely word thinking. Using images in his inner plan, the person can co-

ordinate million fold information per unit time than using words. And, on the contrary, being perceived by the brain, the specifically chosen sensory signals instantly revive in it and are filled with some imaginative-intelligence part. Moreover, specific types of social work appeared over time, they began to specialize on this brain quality. Paintings of Malevich, Čiurlionis, music of Scriabin, Jean Michel Jarre, poetry of Khlebnikov, Kedrov, etc. can be an example.

A range of external social bases (the Latin alphabet, Cyrillic script, Arabic ligature etc.) as well as a lot of social genes (words) in one and the same language marking one object could contribute to the delusions of non-cognition and absence of single, objective logic in considered sphere. And when, on the contrary, a lot of items from different areas are called one word. Not established, imaginary random nature is a significant index of an external genetic trial, first of the search of human individuals by trial and error of bases and genes different variants and then of the optimal choice from them by means of universal social coordination.

Therefore it is regular for groups and quite numerous communities to communicate for a long time, being exposed to features of different existence conditions of existence, producing specific system of world perception and corresponding means of utterance. Original genetic barriers originate and a requirement in generalized single social bases for all the Mankind comes to a head. The noted aspects presuppose the process of deliberate and purposeful coordination between individuals and by larger formations: ethnoses, nations, ethnic groups, states and countries on the basis of compromises and consensus achievement.

In the course of the social agreement and consensus achievement the individual (and then collective) reactions to certain environment challenges, as well as the external materialized denotements (symbols) correspond and become single social genes. In general, gradual transformation of all the sensorimotor information received by a person from the objective reality into «anthropomorphic» form is the essential side of the proper social genetics. In fact the complete transformation of objective reality into social genes occurs as into the most convenient form and a short way of their reconstruction (development) in the brain of contemporaries and the future generations for ultimately formation of a single sociogenome by means of various combinations and full coordinations.

But people not only patiently recorded, collected and generalized this information about the environment for generations, but used some of them for social transformations and/or tested for scientific purposes. The person, absorbing social genetic material into his brain, receives the possibility to arbitrarily, selectively perform necessary coordinations and, if it is necessary due to an open nature, to take the necessary genes from other sources and discover them in special cognitive procedures. The internal plan of coordinations becomes broader and is supplemented by an external plan. An expanse for a biplane exchange and coordination of the social bases and social genes, their work in a set and the choice of optimally corresponding ones is revealed. Subjects of material and intellectual culture appear. Under these conditions the possibilities of collective multiple generalization and increase of the latter ones were revealed. Being reproduced in every subject, serving as the means of their communication and interaction, a subject of enrichment and development, the sociogenome determines the status of each person in the society and simultaneously develops the «morphology» and defines «physiology» of all the Mankind as a new community. As a result the sociogenome as a genetic material determining structure, functioning, and development of the Mankind is like as connecting vessels in two images: individual - collective, internal - external, biological - social, bringing different cyclic processes to life: interiorization – exteriorization, coagulation – expansion, generalization – detailing, analysis - synthesis, idealization - materialization, etc., causing scientific and educational procedures and different kinds of social works.

This evolutionary fact served for the environment division into natural one and the humanized, artificial one. All the human body as a whole is used as a means reflecting the world and expressing the impressions of it. All types of social works (literature, poetry, painting, choreography, music, singing, pantomimicry, etc.) find themselves demanded. The person consists of self-feeling and self-development of objective reality, he aspires unity and indiscrete totality. In the right forms of space, in the mutual coordination of events, the truth, beauty, symmetry and genetic clearness of the environment start to show. As a result a triad of the processes and their spheres of functioning became possible: perception - experience - evaluation; science - art - morality. At the same time the coordination of relations in symbiosis of the mankind and the environment with respect to different structural units (and plans) constitutes specific fields. With respect to oneself it is an esthetics, to other individuals – ethics, to the nature – ecology, to the plant – economy, to the state – law, etc.

Two lines of social reflection being marked (of the first and the second natures) constantly interact with each other and begin to correspond. The singled out peculiarities of a sociogenome agree

with known philosophical concepts: historical – logical, abstract - concrete, individual - collective, material - ideal, sensory - intellectual, and constitute an objective base for them. Search of the unity in diversity of genes correspond to the method of ascension from abstract to concrete.

In that regard the internal plan has also become binary: sensory and figurative. Moreover, the structure of the new cortex itself was binary in form of left and right hemispheres with identical representatives of the reception organs, as well as of all the human body. These hemispheres are tied with the so-called callosum and have a continuous information exchange, they are specialized on certain ways of its treatment. In other words, the new cortex allows individuals to carry all those operations (so-called recombinations, replacements, complements, folding, unrolling, generalizations, etc.) which were intrinsic to a DNA molecule in biological inheritance, but in far increased volume, varieties and speeds. In general, this internal exchange of social genes can and should be interpreted as a twist of a double superspiral of original social «DNA» one offshoot of which is the binary new cortex of the brain and the other one is a binary environment.

From all mentioned above in regards to our problem we can conclude that the sociogenome forms and develops only in human brain and the social memory is its external encoded state follows from all spoken. We will also note that the sociogenome formation the development of an optimal Mankind's body can not be considered satisfactorily decided for today. A lot of important internal bodies of Mankind are only in the stage of updating and an empirical design. First of all, those individuals and their communities nominated as combined brain and appealed to strengthen unity and provide normal development of the Mankind body have reflected the environment, objective reality, a biosocial form of matter motion itself with great and serious distortions. As a result the Mankind body is being torn for today by ethnic, religious strifes, social conflicts, and wars. Regular update of individuals, biological reproduction of population as cells of the Mankind body is neglected. Their uncontrolled breeding often ends up in malignant tumors. Social stereotypes (genomes) developed in the dawn of human history proved to be strong. This circumstance leaves an educational process and the respective professional group at low level of functioning and does not allow to form a serious social status among newborn biological individuals allowing them to fit into the Mankind body and occupy free social niches. Stability of the Mankind body functioning is not supported with balanced and adequate nutrition. Immunodefence mechanisms remain undeveloped, the cells-killers (social mutants) have possibilities to freely penetrate into any body organs. Guided by myths and distorted notions about the society development, the organs of recognition, correction, and utilization do not contribute to timely Mankind organism purification from social slags, "miscreants", and other negative phenomena.

The empirical attempts to resolve this problem in separate countries and continents inevitably face the showdown between them, which sometimes lead to opposition and mutual destruction. Unrestrained individualism and mechanical collectivism, the abstract reasonings about personality and society interaction, advantages of communist or capitalist structure of the latter, as we see, are far from true understanding and constructional solution beyond the limit of the sociogenome. Planet Earth is able to develop and maintain only one Mankind body. Realization of this fact should not be belated.

Being the little brother of a biogenome, the sociogenome in its development assumes not only original role of the Intelligence body formation and the formation of the Identity basis in each individual of a human population, but also all the rest of the biogenome functions with respect to all the Mankind. In other words, architecture of the Mankind body, the nomenclature, structure, composition, functional responsibilities of bodies and services intended to provide sustainable existence and human development as a new community, start to determine and they will be formed by the sociogenome, including deliberate regulation of the individuals number, duration of their active functioning, refresh rate and many other exchange processes, i.e. regarding all those tasks carried out by a biogenome with respect to morphology and physiology of the certain human body. This pair of genomes is simultaneously the means, the way, the mechanism of self-preservation, self-reproduction, and self-development of the Mankind. The glory of evolution on the biosocial stage of a matter motion is in the highest act of the collective vision reached by embracing all the mankind striving to research and coordinate reality. All our life is a multilevel genetic trial. And the direction of this invaluable gift of matter evolution depends on the Mankind.

REFERENCES

1. Genes determine everything?//Knowledge is power. 2015th, No. 3, page 43.
2. V.S. Styopin About methodological approaches to analysis of social learning// Moscow university reporter. Series 7 - philosophy. 2014, No. 3, page 7.

3. *R.M. Asadullin* A person in a mirror of education. M. – 2013; *A.S.Zapesotskii* Culturology and pedagogy: problems of correlation//Pedagogy, 2010, No. 6.
4. *F.Sh. Teregulov* Configuring biosocial pedagogy. Ufa, 1999; *F.Sh. Teregulov*. Educational anthropogeny in built-in bodies and social genomes. Ufa, 2001; *Teregulov F.SH.* The sociogenome phenomenon // Pedagogics. 2001. No. 8.
5. *F.Sh. Teregulov* *The matter and its consciousness*. M. – 2002.
6. *F.Sh. Teregulov* *Education and sense of human life*//Higher school reporter *Alma mater*, 2015. No. 1.
7. *F.Sh. Teregulov* The sociogenome is the mechanism of the mankind self-organization // National education. 2005, No. 1.
8. *F.Sh. Teregulov* Sociogenome: difficulties on the path of its study and public acknowledgement// Siberian pedagogical magazine, 2011, No. 2; *F.Sh. Teregulov* Study of the sociogenome//Higher school reporter *Alma mater*, 2014. No. 2.

Information about the author

Teregulov Filarit Sh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia,
terfil@yandex.ru

Received: 11th March 2016

For article citation: Teregulov F.Sh. About social heritage and social genome. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. p. 114-123.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-114-123.
[en]

Информация об авторе

Терегулов Филарит Шарифович, доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия
terfil@yandex.ru

Получена : 11 марта 2016

Для цитирования статьи: Teregulov F.Sh. About social heritage and social genome. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. p. 114-123.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-114-123.
[en]

UDC 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-124-126

SHTURBA Victor A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

ШТУРБА Виктор Александрович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

In the article author analyze the socio-cultural phenomenon of education through the prism of its values and target components. Understanding of the role and place of education in society is not possible out of the human essence context. In living nature man appears as a phenomenon - this thesis is recognized the absolute majority of scientific and philosophical theories, concepts and doctrines, including non-humanistic oriented. It is known that man is a social being - society is environment for its full life. As Aristotle said, only the gods and the animals can live outside society. However, human nature does not imply a simple social existence in the form of an intensive exchange of information with similar entities and, based on this, building complex collective actions. The man has a mind that is capable of abstract thought, speech, language, complex psyche, important component of which is imagination. These features formed the basis of theoretical and methodological basis of the analysis of education as a phenomenon. The author indicated value and target measurement of socio-cultural phenomenon of education, which led to the conclusion about the need to rely on a properly organized philosophical and pedagogical knowledge, the importance of implementation in the educational process of program-target approach and the relevance of the audit of modern educational models for non-borrowed trainings, upbringing and socialization.

В статье анализируется сложный социокультурный феномен образования сквозь призму его ценностных и целевых компонентов. Осмысление роли и места образования в обществе невозможно вне контекста человеческой сущности. Ведь именно в живой природе человек предстает в качестве феномена – этот тезис признается абсолютным большинством научно-философских теорий, концепций и учений, в том числе и отнюдь не гуманистически ориентированных. Известно, что человек является социальным существом – средой для его полноценной жизнедеятельности служит именно социум. Как говорил Аристотель, только боги и звери могут жить вне общества. Однако человеческая природа подразумевает не простое социальное существование в виде интенсивного обмена информацией с себе подобными существами и построение на основе этого сложных коллективных действий. Человек обладает разумом, способным к абстрактному мышлению, речью, языком, сложной психикой, важной составляющей которой является воображение. Именно эти особенности легли в основу теоретико-методологического основания анализа образования как феномена. Автор статьи обозначено ценностно-целевое измерение социокультурного феномена образования, что позволило прийти к выводам о необходимости опоры на соответствующим образом организованные философско-педагогические знания, важности внедрения в образовательный процесс программно-целевого подхода и актуальности аудита современных образовательных моделей с целью отказа от заимствованных форматов обучения, воспитания и социализации.

Keywords: education, phenomenology, socio-cultural approach, system, valuable components of education, target components of education, educational policy

Ключевые слова: образование, феноменология, социокультурный подход, система, ценностные компоненты образования, целевые компоненты образования, образовательная политика

In the matter of the study of education as an important and complex element, factor, and parameter of macro-historical process require special treatment of its theoretical and methodological grounds. One of the most effective options of education's analysis is phenomenology, understood by us as strictly scientific philosophy. According to Husserl, the founder of this approach, the philosophy should implement general guidance of cognitive and practical activity of people, helping them to work on solving the mysteries of "peace and life" [1]. Based on the designated research paradigm, we can to perceive factor or element of macro-historical process as phenomenon and to expose to universal and rigorous scientific and philosophical analysis. Accordingly, the fair will be nominated by the author thesis of inorganic nature, the absence of linearity and non-predetermination of education development process.

Education, like a science, is located under the banner of infinity, as the search attempts of start, birth, appearance of education, indicate the prospects of its end, death, disappearance. After all, scientific and philosophical understanding of education is revolutionizing the History, which transformed from the history of evolutionary development of "human of finite resources" in the history of the revolutionary development of "human of infinite possibilities" in the modern world.

The existence of macro-parameters as language and thinking, in many ways, determines the behavior of a particular individual, and their totality: from different social groups to social communities.

In general, human being held not only in the objectively existing physical world, but also in the created artificially constructed the noosphere¹ – the world created by the conscious activity of the hu-

¹The concept of the noosphere independently entered French anthropologist Pierre Teilhard de Chardin and Russian scientist and philosopher V.I. Vernadsky. In fact it was a conscious overcoming

man species. Generalizing the concept, we can say that man lives in an artificial world of their culture, while being aware of the individual himself. In reality, the position of an individual is almost unattainable; it is a myth, moral utopia: man arises and exists only in interaction with other people and under their influence and impact. Accordingly, the existing "biological software" for a man is not enough to be a member of society. It should be an existing "bio-program" to add stored by signs, symbols, and culture images program. This updated "bio-cultural software" is essentially collective work. Accordingly, the "cultural software" allows realizing the myth and/or utopia about an individual. This process is continuously movement and development, and the substance which bears this collective work, in the world of scientific and philosophical tradition is called a spirit or a soul.

It is a time to note that the natural process, signed formation of the human spirit, traditionally called the education¹, is a certain order, which consists of several phases: training, education, and socialization. There is also another version of the substantive interpretation of the category of education, which includes four components:

- Education as a value;
- Education as a system;
- Education as a process;
- Education as a result.

The existence of these elements implies their unity in multi-syllabic dynamic phenomenon: the attempt of analytical decomposition of the studying object does not negate the other parallel existing characteristics. For fixing the even more clear understanding of the peculiarities of the author's view of the problems, we note that in this scientific paper we, using historiosophical methodology, consider the existing parallel macrosystemic of education characteristic as an integral social phenomenon and its system characteristics as a combination of interrelated subsystems of various general and professional education units - preschool, school, secondary vocational, higher, postgraduate, etc.

Valuable characteristics of education are a set of three modules: *education as value of state*, *education as value of public*, and *education as value of person*.

The importance of *education as value of state* is obvious: every state is perceived through the prism of moral, intellectual, economic, social, and cultural dimensions. Accordingly, governments must be maximally interested in the development of education in order to improve not only their own real position in the ranking of the leading countries of the world, but also the effectiveness of its own public diplomacy, one of the tools that are attractive national educational policy model. Accordingly, this postulate of the state value of education needs a certain mechanism of implementation. This goal is achievable rationale multiplicity of effective technologies of theoretical and practical activities, aimed at ensuring the prestige of education in society, awareness of its strategic importance, supported by both material and financial investments, as well as moral and ethical obligation on the part of the authorities. For this purpose is necessary to open and to analyze the value priorities of education for the state, to prove these priorities publicly and to persuade strategic political and administrative decisions makers in the vital importance of educational services for the progressive development of the country, society and citizens.

The importance of *education as value of public* rather ambiguous: there are societies which, at first sight, can not be identified as having high levels of education, but rather look closely, we will find in those "alter-societies" their own educational systems, which will differ from habitual to us "normal" systems.

However, it should be noted that this provision does not mean that *education as value of public* – I better or worse than *education as value of public* – II. Strictly speaking, this is not a question of vertical: we are dealing here with the horizontal variety of models and formats. Therefore, it is fair to recognize that the *education as value of public* – I is just different from the *education as value of public* – II: evaluative of vertical type in this matter is extremely inappropriate. After all, due to the peculiarities of each society, we need to recognize the characteristics of each individual model of education, respectively, and its value will also be different. As a society we have not ranked today in the vertical, and the educational model can not be compared to the vertical. Bologna system can not be recognized automatically better than, for example, the Soviet educational system. After all, there is a particular public inquiry, which institutional environment responds. Of course, the West is better devel-

dominant in Western thought and outlook of the mechanistic picture of the world, in which people displayed outside world, and treats him as a researcher and owner. Noosphere is a necessary part of the world picture, and man can not treat to nature as a subject to an object.

¹ This process has a lot of definitions; there is still no consensus on the interpretation of this phenomenon. Given into account the characteristics of human nature, we consider, the term "education" in this case is the most appropriate.

oped elitist education, but better of Soviet mass educational experiment did not come up with anything. Considering these statements, we conclude that the best educational practices will not such good automatically in a different socio-cultural environment.

In examining collegiate models predetermining the state and the social value of education, we lose sight of the key parameters such as individual motivation, stimulated attitude, and desired level of quality of life. Unfortunately, we must recognize that in contemporary Russia collegiate formats continue to prevail over personality oriented education model, that can be interpreted as an inertial trend, given existing socialist orientation in the days of the Soviet regime, and continues to this day: the imperial core harder carries psychological trauma and side of the effects of the Soviet Empire collapse, rather than imperial periphery.

The next part of the researched subject is the interpretation of *education as system*, which is not just a multitude of some facilities, but interrelated totality. It is in this case, the system acquires the integrative, synergistic, and new features and characteristics do not displayed directly from the qualities of the components, included in the system, and is not a simple sum of the mechanistic qualities of the constituting systems' parts [2, p. 7].

System properties of education give the existence of common attributes characterizing a system as a whole, as well as forming its components, whatever their level of and profile: flexibility, dynamism, variability, adaptability, stability, predictability, continuity, integrity [3, p. 54]. These characteristics are common to almost anyone educational system: the vertical hierarchy of schools (kindergarten - school - university - postgraduate education institution - doctorate institution), horizontal (profile) variety and the administrative-territorial hierarchy levels of government (federal, regional, municipal).

The understanding of *education as process* does not have value as independent research: it can be a key element for the understanding of more strategic and complex phenomena. *Education as result* is desired characteristic of the majority of individuals, which continue to be the goal in itself, but did not become a full-fledged tool for the realization of personal change program.

Thus, given into account the results of our scientific and philosophical analysis of values and target components, the practice of education as a socio-cultural phenomenon should be based on properly organized philosophical and pedagogical knowledge; it should be implemented in the framework of program-oriented approach with defined goals, objectives, methods, tools, resources, and criteria for performance assessment; it should not be based exclusively on borrowed teaching, education and socialization formats.

REFERENCES

1. Husserl E. Philosophy as Rigorous Science. [Filosofiya kak strogaya nauka]. Novocherkassk, 1994. (in Russ.).
2. Blaumberg I.V., Yudin E.G. Formation and Essence of System Approach. [Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda]. Moscow, 1973. (in Russ.).
3. Gershunsky B.S. Philosophy of Education for the XXI Century. [Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka]. Moscow, 1997. (in Russ.).

Information about the author

Shturba Victor A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University, Krasnodar, Russia, akademus07@rambler.ru

Received: 19th Feb. 2016

For article citation: Shturba V.A. Education as a socio-cultural phenomenon. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 124-126. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-124-126. [en]

Информация об авторе

Штурба Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, akademus07@rambler.ru

Получена: 19 февраля 2016

Для цитирования статьи: Shturba V.A. Education as a socio-cultural phenomenon. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 124-126. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-124-126. [en]

УДК 81-119

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132

ШУЛЬЖЕНКО Марина Юрьевна,
Кубанский государственный технологический
Университет, Краснодар, Россия
marinaieiu@mail.ru

SHULZHENKO Marina Yu.,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
marinaieiu@mail.ru

ПОПОВСКАЯ Виктория Борисовна,
Кубанский государственный технологический
Университет, Краснодар, Россия
kvashevitch.victoria@yandex.ru

POPOVSKAYA Victoria B.,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
kvashevitch.victoria@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СОЗНАНИЯ

COGNITIVE BASIS OF MENTAL PROCESSES OF CONSCIOUSNESS

Данная статья посвящена изучению когнитивной роли языка в процессе формирования ментальных репрезентаций мира и формах их существования и преобразования в сознании. Когнитивная деятельность человека определяется не только как получение или приобретение знаний из внешнего мира, но и как овладение и использование различных практических умений и навыков по переработке поступающей информации, то есть основное внимание уделяется познанию мира человеком. В целом когнитивная лингвистика занимается исследованием содержательных параметров языка и ментальной информации, то есть информации, хранящейся в ментальном лексиконе внутри мозга и составляющей основу мыслительных процессов, протекающих в сознании человека. Чтобы понять, как люди думают и познают мир, необходимо изучать когницию, осуществляемую человеком. Главной составляющей когниции является язык. Он отражает результаты когниции как процесса, ориентированного на решение практических задач по приспособлению человека к окружающей среде, по классификации данных непосредственного восприятия, по переработке и усвоению информации и т.д. Когниция связана со всеми процессами, посредством которых сенсорные данные трансформируются, хранятся и используются. Когниция – это манипуляции со знаниями и работа с информацией. В рамках когнитивной лингвистики актуально исследование термина «концепт», выступающего в качестве некой универсальной мыслительной единицы сознания, которая способна не только аккумулировать в себе все признаки вещей и интегрировать в себе важную и релевантную информацию об окружающем мире, но и трансформировать уже имеющиеся знания. При этом важно подчеркнуть, что концепт не является постоянной, неизменной единицей, в его содержании могут происходить различной степени изменения, обусловленные развитием языкового общества и влиянием экстралингвистических факторов.

The article is devoted to the cognitive role of the language study in the process of the world mental representations, forms of their existence and transformation in one's consciousness. Human cognitive activity is defined not only as a reciepience or an acquisition of knowledge from the outside environment, but also as a mastery and usage of various practical abilities and skills to process coming information. It means that person's activity to cognize the world is in focus. Al in all cognitive linguistics deals with the investigation of informative language and mental data, that is the information stored in the mental lexicon inside one's mind which forms the basis for mental processes progressing in human consciousness. In order to understand how people think and cognize the world one should study cognition realized by men. The main constituent part of cognition is language. It reflects the results of the cognition as a process focused on the solution of practical tasks on one's adaptation to the environment, data classification of immediate perception, processing and mastering of information etc. Cognition is connected with all these processes by means of which sensory data are transformed, stored and used. So cognition is a manipulation with knowledge and work with information. Within the bound of cognitive linguistics the study of such a phenomenon as a "concept" is a matter of topical interest. It acts as a universal mental unit of consciousness which is able not only to accumulate all peculiarities of things but also to covert already obtained knowledge. It's necessary to point out that concept is not a constant invariable unit; there can be different changes in its content caused by the development of linguistic community and influence of extralinguistic factors.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, смысл, язык, ментальный процесс, сознание, мышление, когнитивный подход, концепт, информация, картина мира, анализ.

Keywords: cognitive linguistics, sense, language, mental process, consciousness, mind, cognitive approach, concept, information, worldview, analysis

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX в., но ее предмет – особенности освоения и обработки информации,

способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка в действии – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX в. По определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, «когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [1, с. 53-55].

В современном понимании «язык не система правил для порождения структур, а система ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемой конвенциональными правилами и стратегиями. Они – ресурсы и правила – выступают типовыми блок-схемами текстовой деятельности» [2, с. 5-6]. Когнитивная наука исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании окружающей действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций на материале языка. Структуры знания, фиксируемые в языке, – это, прежде всего, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в

область так называемого коллективного знания. По мере ввода в лингвистику человеческого фактора меняется природа объекта и предмета самой науки: лингвист теперь имеет дело не с абстрактным овеществленным конструктом, не с инструментом, обслуживающим какую-либо постороннюю деятельность, а непосредственно с коммуникативной деятельностью человека, обладающего таким же, как и сам исследователь, сознанием. В рамках когнитивно-антропоцентрической парадигмы сформировалось новое видение объекта исследования, акцентирующее внимание на всем многообразии форм проявления человеческого бытия, позволившее перейти от моделирования абстрактной языковой системы к исследованию языка в функционировании, взаимосвязи языка и мышления, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека, то есть рассмотрению его когнитивной функции.

Именно понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в сознании человека, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку. «Язык в действии – это текстовая деятельность, вплетенная в другие виды деятельности. Она носит творческий, а не репродуктивный характер. Соответственно, овладение языком носит преимущественно не лингвистический, а познавательный характер. Поведение человека, в том числе текстодеятельностное, детерминировано его знаниями в первую очередь» [3, с. 35]. В современной теории языка текст как вербально-когнитивное образование не может иметь единственно правильной и общепризнанной трактовки и определения, что можно объяснить плюрализмом подходов к его определению, множественностью механизмов его интерпретации, особенностью интенций языковых личностей, творящих текст, и спецификой индивидуальной когнитивной системы каждого из участников этого процесса. Когниция как процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании, в настоящее время в современной науке понимается наиболее развернуто – «означавший ранее просто «познавательный» или «относящийся к познанию», термин когнитивный все более приобретает значение «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» [4, с. 9].

Мы разделяем точку зрения ряда ученых (А.Г. Баранов, Т. Виноград, И.Н. Горелов, А.Е. Кибрик, Дж. Лакофф, Дж. Фодор, Р. Якобсон и др.), согласно которой концептуализация внешнего мира заложена в языке и не всегда может быть выведена из различий в условиях его бытования, но вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека, что является общей чертой всех языков. В этом направлении нам следует выяснить суть понятия «концепт» и попытаться истолковать один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы индивида. Концептологический подход предполагает, что человек «живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами» [5, с. 11]. Благодаря концептам – особым ментальным образованиям – у человека формируется концептуальная картина мира, то есть система представлений о мире, включающая как вербальный, так и невербальный компоненты.

Концепт представляет собой дискретную единицу коллективного сознания, которая в детерминированной форме хранится в национальной памяти представителей культурного сообщества. Будучи когнитивной единицей смысла, концепт является абстрактной идеей или ментальным образом, сформировавшимся на основе других единиц, выступающих в качестве характеристик данного концепта. В когнитивной лингвистике концепт имеет сложную генеративную структуру, которая разделяется на лингвистический смысл и культурное значение. Именно поэтому его часто называют «единицей смысла», «абстрактной идеей», или «ментальным символом». Концепты как элементы сознания совершенно независимы в языке, они выступают посредниками между словами и экстралингвистической реальностью. Концептами могут стать только те явления действительности, которые представляют собой культурологическую ценность. Существуют различные подходы, которые основываются на роли языка в процессе формирования концептов и демонстрирующие связь между языком и культурой. Наиболее удачным подходом к изучению концепта, по мнению ряда ученых, выступает комплексный подход, разработанный С.Х. Ляпиным и В.И. Карасиком, так как в рамках данного подхода «концепт рассматривается с онтологических позиций, как форма бытия культурного феномена. Концепты трактуются как первичные культурные образования, трансформируемые в различные сферы бытия человека, такие как язык, искусство, религия и др.» [6, с. 156-157]. «Они могут проецироваться на языковую действительность, находя прямые или описательные соответствия. Степень их языкового выражения, скорее всего, не одинакова в различных культурах в зависимости от значимости данного концепта и чаще всего характеризуется частотностью и различной комбинаторикой признаков, нежели их отсутствием или наличием» [7, с. 15].

Ю.С. Степанов считает, что «концепт существует в ментальном мире человека в виде "пучка" представлений, понятий, ассоциаций, переживаний, которые сопровождает слово. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий, антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8, с. 40]. Концепт – многомерное образование, включающее образные, понятийные и ценностные характеристики, культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих свою лексико-семантическую парадигму. Концепт включает в себя слово и непосредственно связанное с ним переживание, характеризуется абстрактностью представления о чем-либо, способностью к моделированию и схематическому представлению, культурной и исторической значимостью.

И.А. Стернин отмечает, что «сложная структура концепта связана с его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления» [9, с. 58].

Неоспорим тот факт, что концепт является ментальной структурой, которая репрезентирует знания индивида о конкретном фрагменте действительности. Будучи частью картины мира, концепты отражают ценностные ориентиры, как отдельных людей, так и всего культурного сообщества в целом. Это означает, что концепты могут включать в себя как универсальные ценностные характеристики, так и индивидуальные особенности представителей языкового континуума.

Попытаемся наглядно продемонстрировать когнитивную природу концепта в художественном произведении, проанализировав диаметрально противоположные по набору ценностных характеристик лингво-культурные концепты «добро» и «зло». Данные понятия являются незыблемыми истинами в любой культуре и имеют огромную аксиологическую значимость. «Добро» можно охарактеризовать как все хорошее, положительное; все, что приносит счастье, благополучие, пользу. Его антипод концепт «зло» – как все дурное, плохое, вредное. Дихотомия «добро-зло» является практически неразделимой, это некое бифуркационное образование, когнитивно-культурологический анализ которого приводит к выявлению определенных суждений, норм, критериев. В этическом понимании зло всегда противопоставляется добру; в христианстве источник зла – грех как противление благу Богу, гордыня, стремление стать на место Бога и господствовать над миром.

Подобное «зло» в лице Змея-искусителя, лорда Генри Уоттона, неожиданно проскальзывает в безмятежную жизнь еще доброго, чистого и непорочного Дориана Грея. Казалось бы, невинное знакомство с благородным аристократом, но именно оно приводит к моральному разложению личности главного героя и фатальным последствиям в его жизни. Необходимо обратить внимание на то, что Змей нигде не упоминается в тексте, но описание внешности Лорда Генри безошибочно указывает на этот образ: *...long nervous fingers, ...graceful wave of the hand ...pointed brown beard, ...olive-coloured face and worn expression ..., low, musical voice, ...low languid voice that was absolutely fascinating.* - Длинные чувственные пальцы ...плавные жесты, ...каштановая борода, ...смуглое лицо и усталое выражение, ...низкий, певучий голос, ...что-то завораживающее было в низком и протяжном голосе.

«His cool, white, flower-like hands, even, had a curious charm. They moved as he spoke, like music, and seemed to have a language of their own» [11, с. 28-2].

«Даже руки его, прохладные, белые и нежные как цветы, таили в себе странное очарование. В движениях этих рук, как и в голосе, была музыка, и казалось, что они говорят своим собственным языком» [10, с. 25].

Используя стилистический прием аллюзии, автор раскрывает содержание концепта и выводит своего читателя к безошибочному пониманию образа соблазителя, скрывающегося под личиной неординарной личности и друга, передающийся через воссоздаваемый образ библейского Змея – символ соблазна, зла и грехопадения, закрепленный в христианской культуре.

COGNITIVE BASIS OF MENTAL PROCESSES OF CONSCIOUSNESS

Cognitive linguistics has been developing for the last two decades of the XX century but its subject – peculiarities of data mastering and processing, ways of knowledge mental representations by means of the language in action – was laid down in the first theoretical works on linguistics in the XIX century. According to the definition given by V.Z. Demyankova and E.S. Kubryakova "cognitive linguistics studies language as a cognitive mechanism playing role in information coding and transforming" [1, p.53-55].

In the present-day interpretation "language is not a system of rules for creating structures but a system of resources for expressing sense in textual activity governed by conventional rules and strategies. They – resources and rules – are model block-schemes of textual activity" [2, p.5-6]. Cognitive science studies mental processes occurring in the time of perception, conception and consequently cognition of the environment by consciousness and also types and forms of their mental representations on the language material.

Knowledge structures fixed in language are, first all, the structures of experience, thinking and world appraisals shared by all members of the given linguistic community and as a result included in the domain of the so called collective knowledge. With the advent of human factor into linguistics the nature of the subject and object of the science has changed: now a linguist deals not with an abstract materialized construct, not with an instrument servicing some outside activity, but directly with a human's communicative activity having the same way of thinking as the researcher himself. In the bounds of cognitive-anthropocentric paradigm there is a new vision of the object investigation focused on the multiple forms of human existence manifestation allowing to move from the modeling of abstract lingual system to the study of language in operation, interconnection of language and thinking, main language functions, man's role in language and the role of language for a man, that is the study of its cognitive function.

It is exactly the understanding and study of the language as a means of forming and expressing thoughts, storing and organizing knowledge in one's consciousness and knowledge exchange that lies in the foundation of the cognitive approach to the language. "Language in action is a textual activity interspersed into other forms of activity. It has a creative but not reproductive nature. Consequently the acquirement of language has mainly not a linguistic but cognitive nature. A person's behaviour, including text-producing, in the first place is determined by their knowledge" [3, p.35]. In the modern language theory text as a verbal-cognitive formation can't have only one right and universally accepted interpretation and definition which can be accounted for the pluralism of approaches to its definition, the multiplicity of mechanisms for its interpretation, special intentions of language personalities creating the text and the peculiarity of individual cognitive system of every participant of this process. Cognition as a process of knowledge acquirement, reflection of the environment in one's consciousness and transformation of this data in one's mind in the present-day science is understood widely – "the term "cognitive" earlier denoted as simply "informative" or "related to knowledge" nowadays is more acquiring a meaning "interior", "mental", "interiorized" [4, p.9].

We share the opinion of some scientists (A.G. Baranov, T. Vinograd, I.N. Gorelov, A.E. Kibrick, J. Lakoff, J. Fodor, R. Jakobson and others) according to which the conceptualization of the outer world is embedded in language and not always can be singled out from the differences in conditions of its existence. Language categorization of all objects and phenomena of the outside world is oriented on a person and is a common feature to all languages. In its way we should elucidate the essence of the notion "concept" and try to interpret and construe one of the main processes of man's cognitive activity consisting in comprehension of all incoming information and leading to the formation of concepts, conceptual structures and the whole individual conceptual system. Conceptual approach suggests that a man "lives, thinks and acts in the world of concepts and with respect to them traditionally interpreted notions, images, behavioural stereotypes and so on act as particular, projective, reduced forms" [5, p.11]. Thanks to concepts – special cognitive formations – a man is able to create a conceptual world picture that is the system of notions about the world including verbal and nonverbal components.

Concept is a discrete unit of collective consciousness which in deterministic form is stored in the national memory of representatives of the cultural community. Being a cognitive unit of sense, concept is an abstract idea or a mental image formed on the basis of other units acting in the capacity of the given concept's characteristics. In cognitive linguistics concept has got a complicated generative structure which is divided into linguistic sense and cultural meaning. Exactly on this reason it is often called as "a sense unit", "an abstract idea" or "a mental symbol". Concepts as elements of consciousness are absolutely independent in language; they perform as intermediaries between words and extralinguistic reality. Only those phenomena can become concepts that represent culturological value. On the current stage of linguistic development there are some approaches to the definition of concept. Scientists of different countries study concept as a linguistic-cognitive, linguistic-culturological, psycho-linguistic phenomenon and each of the researches builds the bounds of concept. There are different approaches based on the language role in the process of concept formation and demonstrating the connection between language and culture. According to some scientists the most successful approach to study concept is a complex one worked out by S.Kh. Lyapin and V.I. Karasick, as within the framework of this approach "concept is studied from the ontological positions as a form of cultural phenomenon existence. Concepts are treated as primary cultural formations transformed into various spheres of man's existence, such as language, art, religion and others" [6, p.156-157]. "They can be projected onto the

language reality by means of finding direct or descriptive correspondences. The degree of their language expression, most likely, is not the same in different cultures depending on the meaningfulness of a given concept and is often characterized by frequency and various combinatory features but not by their absence or presence" [7, p.15].

Y.S. Stepanov believes that "concept exists in the mental world of a person as "clusters" of ideas, notions, associations, feelings which attend a word. Concepts are not only contemplated, they are experienced. They are the subject of emotions, likes and dislikes, and sometimes collisions. Concept is a main cell of culture in the human world" [8, p.40]. The concept is a multidimensional formation with figurative and value characteristics, culturally marked verbalized sense represented in the plane of expression by means of a series of its language realizations creating their lexical-semantic paradigm. The concept includes a word and an experience directly connected with it. It is characterized by an abstract presentation of something, an ability to shape and represent schematically and by cultural and historical significance. a

I.A. Sternin points out that "a complex concept structure is attributed to its active dynamic role in the process of thinking – it functions all the time, it is actualized in its different constituent parts and aspects, connects to other concepts and pushes away from them" [9, p.58].

It is beyond any doubt that the concept is a mental structure which represents an individual's knowledge about a concrete fragment of the reality. Being a part of the world picture, concepts reflect value points both certain individuals and cultural community on the whole. It means concepts can imply both universal value features and individual peculiarities of representatives of the language continuum.

By visual demonstration we'll try to illustrate the cognitive nature of the concept in fiction by analyzing diametrically opposite by a set of value features linguistic-cultural concepts "good" and "evil". These conceptions are unshakable truths in any culture and carry a great axiological value. "Good" can be characterized as everything pleasing, welcome; giving pleasure; enjoyable or satisfying. Its antipode "Evil" is a powerful force that some people believe to exist, and which causes wicked and bad things to happen; morally bad. The dichotomy "good-evil" is practically inseparable, it is a bifurcational formation, cognitive-culturological analysis of which deals to the exposure of certain judgments, norms, criteria. In the ethical interpretation evil is always opposed to good; in Christianity a source of evil is a sin, resistance to God, pride, a desire to replace God and dominate over the world.

Such "evil" in the person of the Serpent Lord Henry suddenly appears in a quite life of Dorian Gray, still pure and immaculate. It seems to be an innocent meeting but it leads the main character to the moral degradation and fatal consequences in his life. It is worth paying attention to the fact that the Serpent is not mentioned in the text but the description of Lord Henry's appearance unmistakably points to this image:... *...long nervous fingers, ...graceful wave of the hand ...pointed brown beard, ...olive-coloured face and worn expression ..., low, musical voice, ...low languid voice that was absolutely fascinating.*

His cool, white, flower-like hands, even, had a curious charm. They moved as he spoke, like music, and seemed to have a language of their own» [11, c.28-2].

Using the stylistic method of allusion the author reveals the concept's contents and comes the reader to the unerring interpretation the seducer's image hiding under the cover of an extraordinary personality and friend expressing by the recreated image of the biblical Serpent, that is a symbol of seduction, evil and the Fall.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – 245 с.
2. Баранов А.Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997 – Вып. 1. – 212 с.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М.: МГУ, 1992. – 336 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Ляпин С.Х. Концептология: к составлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып 1. – С. 11-35.
6. Карасик В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. унта, 1997. – Вып. 2. – С. 154-173.
7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 3-16.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

9. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – 182 с.
10. Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Король жизни. – М: Художественная литература, 1993. – С. 7-187.
11. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Penguin Popular Classics, 1994. – 256 с.

REFERENCES

1. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pnkrzts Y.G., Luzinz G.L. A concise dictionary of cognitive terms. [Kratky slovar konitivnykh terminov]. M.: MSU, 1997, 245 p. (in Russ).
2. Baranov A.G. Cognitive typicality of the text (to the problem of abstraction levels of text activity). [Kogniotipichnost teksta (k problem urovney abstrktsi tekstovoi deyatel'nosti)]. Speech Genres. Saratov, "Colledge", issue 1. 212 p. (in Russ.).
3. Kibrik A.E. Essays on general and applied problems of linguistics (universal, typical and special in language). [Ocherki po obshchym i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universalnoe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke)]. M.: MSU, 1992, 336 p. (in Russ.).
4. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: on the way to get knowledge of language: Speech parts from the linguistic point of view. Language role in the cognition of the world. [Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira]. M.: Languages of Slavonic Culture, 2004, 560 p. (in Russ.).
5. Lyapin S. Kh. Conceptology: to the approach making. Concepts. Scientific works of Concept Center. [kontseptologiya: k sostavleniyu podkhoda]. Arkhangelsk, 1997, Issue 1, pp. 11-35. (in Russ).
6. Karasick V.I. Subcategorical cluster of temporality (to the characteristics of lingual concepts). [Subkategorialniy kluster temporalnosti (k charakteristike yazykovykh kontseptov)]. Concepts. Scientific works of concept center. Arkhangelsk, 1997, Issue 1, pp. 154-173. (in Russ).
7. Karasick V.I. Cultural dominants in language. [kulturnye dominanty v yazyke]. Linguistic personality: cultural concepts. Scientific works. Volgograd-Archangelsk, 1996, pp. 3-16. (in Russ).
8. Stepanov Y.S. Constants. Russian culture dictionary. Investigation experience. [Konstanty. Slovar russkoi kultury. Opyt issledovaniya]. M.: School "Languages of Russian Culture", 1997, 824 p. (in Russ).
9. Sternin I.A. Methodology of concept structure investigation. Methodological problems of cognitive linguistics. [Metodika issledovaniya struktury kontsepta. Metodologicheskie problem kognitivnoi lingvistiki]. Voronezh, 2001, 182 p. (in Russ.).
10. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. [Portret Doriانا Greya]. Korol zhizni – King of life. M.: Khudozhestvennaya literatura – Literary work, 1993, pp.7-187. (in Russ.).
11. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Penguin Popular Classics, 1994, 256 p. (in Eng.).

Information about the author

Shulzhenko Marina Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business English, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, marinaieiu@mail.ru

Popovskaya Victoria B., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Business English, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, kvashevitch.victoria@yandex.ru

Received: 12th Feb. 2016

For article citation: Shulzhenko M.Yu., Popovskaya V.B. Cognitive basis of mental processes of consciousness. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 127-132. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132. [ru; en]

Информация об авторе

Шульженко Марина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового английского языка, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия, marinaieiu@mail.ru

Поповская Виктория Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового английского языка, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия, kvashevitch.victoria@yandex.ru

Получена: 12 февраля 2016

Для цитирования статьи: Шульженко М.Ю., Поповская В.Б. Когнитивная основа ментальных процессов сознания. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 127-132. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132. [ru; en]

Хроника, события, факты

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-128-136

Состоялся круглый стол «Россия 1917–2016 годов: проектирование вместо учреждения?» в рамках XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север-Юг» (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 19 марта 2016 года).

ПАВЛОВСКИЙ Глеб Олегович,
главный редактор,
Интернет-журнал «Гефтер»,
президент,
«Русский институт»,
г. Москва, Россия
gefter@gefter.ru

1. Бутылка в океане.

Я бы предпочел говорить о теме, которую бы назвал проблемным завещанием Михаила Гефтера. Однако Гефтер не оставлял никаких философских завещаний, и такая идея показалась бы ему безвкусной. С другой стороны, есть вопрос нестыкуемости мышления Гефтера со всеми почти дискуссиями его времени. Михаил Яковлевич, человек социабельный, дорого заплатил за уединенность на миру и после смерти почти выпал из дискурса об истории России и ее государственной загадке.

Это можно объяснить эффектом «бутылки в океане»: в конце концов, Гефтер необязательно принадлежал к тому сообществу, которое его окружало. Собеседники Гефтера могли остаться в том времени и той эпохе, что не сбылась, оставшись только возможной. Здесь мы приближаемся уже к собственно Гефтеру. Любимый пример Михаила Яковлевича – открытый мир 1945 года, победоносный, полный сил и намерений, но к 1950 году исчезнувший навсегда.

Несомненно, Гефтер не принадлежал к одной из тех России, которые нам известны. Я могу утверждать это тем уверенней, что приложил много напрасных усилий оосовременить Гефтера, привязать его к той или иной эпохе с ее повесткой – политической, философской, историографической. Но его нет ни в одной. В то же время он непонятным образом общителен многим и наверняка – что доказано его разговорами – был готов говорить с любым.

Говорить – не принимая! Разговаривать – не соглашаясь жить продиктованным тебе образом. Он хранил верность той, как он бы сказал, несбывшейся России, за которую воевал, но которая потеряла шанс воплощения. Когда именно – об этом надо судить особо.

2. Много России – ни одной единой России.

Гефтер твердо настаивал на том, что нет такой вещи, как «единая история России». При том, он не относился к скептикам, видящим в истории лишь недопустимое обращение с языком. Он согласился бы на словосочетание «история России» лишь на обложке, под которой описаны истории разных, неединичных исторических «тел» (Гефтер: Россия – это мировое тело). Ни одно из них не вытекало из предыдущего и тем более не предполагало последующего. Но прослеживалось единство действия, заданное уникальным чудом монгольского нашествия.

Монголы, пройдя Евразией до Западной Европы, создали и организовали безгосударственное пространство экспансии (Гефтер), насыщенное переносимыми навыками и заимствованиями. Пространство, пронзенное потрясающей идеей: что эта необозримая территория может быть под единой властью. Мысль безумная, невозможная до тех пор для любого киевского и русского князя, да и для любого европейского короля. Но после краха империи, созданной Чингизом, идея осталась в наследство. Пространство экспансии превратилось в простор отсутствия власти.

Гефтер очень настаивал на безумии самой затеи Ивана IV: власти над пространством, не имеющим ни пределов, ни даже образа, и уж во всяком случае, не единого. Проект стал политической и психической болезнью царя Ивана. Болезнь нашла злодейски гениальную идею: превратить север глобуса в свой государев двор, а население, состоящее из бесконечно разных племен, поравнять с дворовым холопством. Возникает если не единая Евразия, то единая Гиперборея (по сей день один из официальных титулов канонической территории московского Патриарха). Причем холопская Гиперборея.

3. Власть без институтов: холоп как мобильный институт.

Крепежом, осью новой власти стало притязание на любое человеческое существо в этом пространстве как тотального подданного в масштабе. Здесь не банальное требование лояльности, а тотальное распоряжение всем человеком как микроинститутом контроля территории «всей Руси» в любой ее точке. Другие институты не нужны – пространство подданства там, где есть живой подданный. Человек превращен в подвижный и легко распоряжаемый, сверхмобильный «институт» власти. В ее порученца, прикрепленного не к земле, а к способу распоряжения им самим. Следующий за царем Грозным проектировщик, царь Петр, достроит модель до инновационного «вертикально-горизонтального рабства» (Гефтер).

Холопа – распоряжаемого держателя пространства по месту его жалкой жизни – скреещивают со схемой вестернизации власти. Теперь ему не дадут просто обитать там, где он обитал (на это не посягал и человекоубийца Иван). Власть перебрасывает холопа с места на место, сохраняя за ним функцию инструмента держания пространства. Агент модернизации – раб империи: не надо двух слов, сказал бы Ленин, – это одно и то же.

Колонизуемым, равно и колонизатором, является сам подданный. Вольнолюбивые подданные, убегая на юг и восток от царя и крепостного контроля, становятся невольным орудием держания территорий. На плечах казаков и вольных охотников империя пришла туда, куда не дошли бы ее войска, – до таежных заимок и рыбацких поселков по обоим берегам Тихого океана.

Трудно сказать, насколько в этом деле продолжает еще существовать человек. Но он крепко держится за свою жизнь и в каких-то пределах даже ощущает себя свободным. Но его судьба – судьба русского, в имени которого ясно обозначена принадлежность, «комплектность» – становится судьбой биомеханического института власти.

4. Солдат разбитой армии.

Гефтер видел себя рядовым в том движении, которое, начавшись как «Великое Освободительное движение XIX века» (Милюков), закончилось русским коммунизмом и созданием СССР. Он настаивал на том, что со времени восстания декабристов в 1825-м до Беловежских соглашений в 1991-м была масса измен и несколько революций, но не было разрыва континуума с его проектом освобождения рабов.

В это почти двухсотлетие уместилась не одна «русская Атлантида» (термин Гефтера), и не одно поколение ушло под нож. В том числе его собственное – гефтерово. Но именно тут и тогда мировое тело России впервые начинает мыслить себя и говорить по-русски. Хотя впервые вопрос о России – чаадаевский вопрос – был точно поставлен на французском Петром Чаадаевым. Вопрос таков: как в колоссальной стране, перестроенной Петром в подражание европейскому человечеству, однако не пережившей европейского исторического опыта, стать родной частью европейской семьи?

Как «повторить воспитание человеческого рода» в пределах одной отдельно взятой страны? Гефтер настаивал: это роковой вопрос, которым, говорил он, «возможно, не следовало задаваться». Но что сделано, то сделано, и сонмы «русских горемык» двинулись путем от Чаадаева и Герцена до Чернышевского и Ленина в поисках ответа на вопрос.

Уже Чаадаев связал теологию русской истории с теологией освобождения – указав читателю на «рабскую почву под ногами». И он же первый объяснил тонкую, затем часто терявшуюся мысль – рабство двояко. Рабство подданного императора – и рабство у всемирной истории, отчасти добровольное. Рабство проектировщиков-реконструкторов, где интенсификация любого из полюсов освобождения ведет к усилению проектного рабства.

5. Мировая армия восставших рабов.

Гефтер до своего конца не соглашался потерять эту биографическую принадлежность. Но он и себя не считал биографически цельным существом. И, отправившись в поход в 1941 году (Михаил Яковлевич с неизменным удовольствием говорил о «нашем поколении, остановившем фашизм в России»), он, по совету Христа, «с тем, кто принудил идти с ним одно поприще» – прошел два.

Армия менялась не только со смертью главнокомандующих. Гефтер никогда не был безгласным рядовым и пытался, сколько мог, влиять на направление «долгого марша сквозь институты». В конце его старый левый знал, что пришел к месту окончательного поражения коммунизма: не коммунизма вообще, а своего коммунизма. Гефтер говорил о «внеземном, не при-

крепляемом к реальности происхождении коммунизма в России» и недоумевал: «в силу чего вообще эти две стихии смогли встретиться?»

6. Ленин как практикующий Чаадаев.

Гефтер не был защитником Владимира Ульянова (Ленина), хотя некоторым могло и так показаться. Гефтера увлекала судьба человека, пытавшегося отыграть за весь XIX век России, найдя чаадаевской проблеме окончательное решение. (Да-да, ленинский «эндлэзунг».) Дорожа этой судьбой, он ужасался ей и, страшно сказать, – обдумывал для себя. За те 25 лет, что мы с ним разговаривали, центр гефтерова внимания к Ленину сильно смещался. В конце жизни его умом завладел Ленин последних лет, уже смертельно больной, полупарализованный, но пытающийся дать свой последний бой. На этот раз – уже не политический, а метафизический бой, особенно обреченный.

Советское и российское обращение с проблемой Ленина Гефтер с презрением отклонял. На его взгляд, Ленин совершил именно то, что пытался и не смог совершить XIX век в его аболиционистском мейнстриме – как сказал бы Солженицын, «стремени», ведущем течении – освобождения холопов. Попытка Ленина оказалась политически успешной и оттого привела к самому страшному, что происходило с Россией. Нежелание русского общества – не говоря уж об исторической науке и, тем более, о марксистской теории – разобраться в теме Ленина казалось Гефтеру интеллектуально аморальным, а главное – убогим. Бегством России от домашнего задания, притом начального, не самого сложного.

Ленин и революция 1917 года еще должны быть поняты в их оборванной драматической, нескончаемо страшной эскалации. Поняты как неудавшаяся попытка России вернуться в Мир. Это не удалось к концу жизни Гефтера, не удастся и по сей день.

7. Простор отсутствия Господина.

Вскоре после возникновения новой России Гефтер заговорил о провале. Еще не провале попытки сделать что-то, а провале-пробеле, еще одном просторе отсутствия на сокращенной территории Гипербореи.

Поначалу его вспугнуло скорей прошлое, чем будущее: опыт прошлого вдруг исчез из политики. Прошлое замолчало. Не одни «гранды гласности» отвернулись от русского опыта – от него отпрянули все. Он перестал быть нужным, но почему? «Все онемело», – сетовал Гефтер.

Но вскоре он стал более опасаться будущего. Простор отсутствия (термин Герцена – Гефтера) – особая ситуация. Это не «политический вакуум», заполняемый чем угодно, это запрос. Он ждет и взыскует себе Господина. Над беспечным, бестолковым российским хаосом нависла тень Распорядителя – причем там, где некому было распоряжаться, да может, и не нужно. Гефтер первый опознал в мнимом «хаосе» реконкисту минимонополий и микромонополий, поощряемую «реформаторами». Да, то еще был плюрализм – но плюрализм распорядителей людьми, а не самих людей. Немногие смели сражаться за свой ясно очерченный интерес – большинство билось за возвращение и переучреждение Господина.

Фигура президента насторожила Михаила Яковлевича задолго до 1993 года: место без функции, фокусирующее беспредельные притязания, – знакомый симптом русской власти. Он ставил на Россию несовпадений, Россию как страну стран, федерацию разновеликих суверенов – и вдруг почувствовал, что еще раз проигрывает.

8. 1993.

После XX съезда некоторые звали Гефтера «сталинистом», поскольку он упорно настаивал на рефлексии эпохи – на самоотчетливости поворота партии и страны. Признания преступлений он требовал вместе с уважением к внутренней жизни и вменяемости преступившего общества.

Но так и в 1990-е годы Гефтер до последней возможности оставался «ельцинистом». После расстрела 4 октября я буквально вырвал у него выход из Президентского Совета. Но «ельцинист» Гефтер не любил Ельцина – он мыслил его как русскую фигуру. Вдумываясь в загадку появления, ее масштаб и непонятные тогда следствия.

Гефтер приветствовал Ельцина сперва вопреки Горбачеву – вопреки лидеру, так боявшемуся ошибаться, что кончил выдворением из собственного кабинета. Михаил Яковлевич приветствовал в Ельцине выход на сцену иной – дочаадаевской России. России, может, и невежественной, но альтернативной – благоразумно уклонившейся от мирового замаха и надрыва Чаадаева – Ульянова.

Вот одна из возможных несостоявшихся России Гефтера. Не обольщаясь Ельциным, он соблазнился отблеском у того платоновского начала. Часто цитируемая Гефтером ельцинская фраза «я рая не заслужил» и весь любопытный рассказ президента о рае как деревеньке, где каждый живет неподалеку от старых друзей, – будто с листа «Чевенгура».

И о 1993 году Гефтер говорил как о возвратном симптоме неоконченной революции 1917-го – не считая и тут, что расчет вполне состоялся. Дело не в том, что Гефтер брезгливо отшатнулся от крови 4 октября – он всегда с отвращением относился к пальбе со страху по людям. Главное же, он увидел событие конца. Конца едва начавшейся дороги России домой, чтобы жить с Миром в мире. В Ельцине 1993 года Гефтер распознал страшный пробел русской способности к нормальному существованию. Пробел, из которого сквозило чем-то еще худшим. Присказка «если мы не устроимся миром в России, то взорвем мир» стала у него после вторжения в Чечню окончательным анализом. В этот анализ вошла и необычная для русских готовность убивать попусту, и знакомая по концу 1940-х наша подлая готовность объяснять необъяснимое, с еще более презренной готовностью подчиняться. Такой набор свойств — клеймо мертвеца при жизни. Гефтер всегда любил платоновское определение фашизма: фашизм превращает человека в труп, но живой, очень активный труп.

9. Дочаадаевское шунтирование России.

Ошибся Гефтер – или, угадав начало, не угадал продолжения? Если рассмотреть Ельцина как архаическую, допетровскую фигуру если не из сказок Афанасьева, то времен Московского царства, – то куда углубился этот обходной шурф? Гефтер чувствовал, что не туда, и, говоря о «черной дыре Ельцина», испытывал сомнения насчет будущего. Стало привычным рассматривать ельцинское правление как промежуток – оборванную на взлете неудачу. Но что если шунтирование более чем удалось? Преемник Ельцина казался питерским западником, «немцем в Кремле», пока последние годы не переменяли образ... или дорисовали портрет?

Чем политически могла стать «контрреволюция революции Петра» – против ожидания Пушкина запоздавшая почти на 200 лет? Опять же, экспериментом, но теперь это был эксперимент нечаадаевской России. Кажущееся многим гефтеровское преувеличение осевой роли Чаадаева в XIX веке – осевом освободительном времени русской культуры – негативно подтвердилось. Русскость без Чаадаева и Герцена оказалась не нуждающейся в высокой русской культуре, даже тяготящейся ею. Но она не нуждается и в «древнем православии», а ее церковный эксперимент малоотличим от потех Петра и шутовского венчания карла с карлицей в Ледовом дворце.

Возникла Россия, как при Анне Иоанновне, озабоченная делами Европы, но не всерьез, и вовсе не видя причин извлекать некий опыт.

Можно сказать, что последний эксперимент с «проектом Россия» удался, как все прочие до него, неокончательно и не вполне. Полигон «Россия» принял еще одну «государственность», сформировав еще одну систему командования сил Гипербореи: Систему РФ.

10. Эксполярный полигон.

Гефтер называл Россию «Великий Маргинал». Он имел в виду, что пространство России возникло на пересечении движений Азии в Европу и Европы в Азию, но не одно это. Он определял Россию как «Азию, которая, отграничив собой Европу, окончательно ее доопределила... Россия – это Европа, вошедшая в тело Азии окончательно и навсегда. Она воздействовала на азиатские судьбы не извне, как это часто толкуют, но и на внутреннюю Азию самой России». Что-то подобное возможно имеет в виду Теодор Шанин, говоря об эксполярной экономике и шире – эксполярных режимах.

Гефтер же предпочитал метафору России как полигона Мира миров. Но полигон никак не может стать государством. Тем более, все еще оставаясь местом экспериментальной власти, порожденной неостановленной революцией 1917–2016 годов.

В рамках XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север-Юг» состоялось заседание секции «Организационное разнообразие: внешний и внутренний аспекты»

*По материалам Московской высшей школы
социальных и экономических наук*

Организация требует междисциплинарности в анализе и консультационной помощи – вывод, сделанный участниками секции «Организационное разнообразие: внешний и внутренний аспекты» XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север-Юг», состоявшегося 18-19 марта 2016 года в Московской высшей школе социальных и экономических наук.

В докладе профессора Игоря Гуркова (НИУ ВШЭ) **«Искусство быть собой – как предотвратить развитие организационных патологий в условиях экономического кризиса»** был проведен анализ типичных путей реагирования российских предприятий на кризисные явления. Докладчик показал, что попытки снижения операционных затрат, проводимые в компаниях, в конечном итоге ведут к сокращению такой важной составляющей организации как человеческий капитал и к снижению их конкурентоспособности. В таких условиях было предложено основные усилия направлять на создание нового бизнеса, отвечающего новым реалиям рынка, даже если это направление временно ведет к повышению операционных затрат.

Михаил Иванов (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе **«Лидерские организации как фактор организационного многообразия»** поделился авторской типологией организаций. Особое внимание докладчик уделил типу организаций, где в максимальной степени ценятся лидерские качества ее работников. Именно лидерские качества управленцев и рядовых сотрудников могут в значительной степени помочь в преодолении кризисных явлений.

Доклад Артура Вафина (ГАУГН при Институте философии РАН) на тему **«Соотношение индивидуальной и корпоративной идеологии (культуры)»** содержал сравнительный анализ персональной и организационной идеологий. Автор показал, из каких компонентов возникает персональная идеология и как она начинает работать на благо организационной идеологии. Особое место докладчик уделил организационной идеологии, ориентированной на человека и его нужды. В этом направлении работы особые функции могут передаваться психологам и коучам, стремящимся к более точной настройке работы каждого члена организации и организации в целом.

Людмила Чеглакова (НИУ ВШЭ) в докладе **«Движение в будущее: замена старых традиций на новые в крупной инфраструктурной компании»** поделилась опытом участия в консалтинговом проекте, направленном на совершенствование организационной культуры компании. На этапе организационной диагностики скрупулезному анализу было подвергнуто большинство правил и процедур, опирающихся на организационную культуру. Полезные правила и процедуры были отделены от не полезных, которые в дальнейшем подлежат постепенной замене на более ценные.

В докладе **«Феноменологические риски организационного дизайна»** Анна Федорова (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, г. Саратов) был изложен авторский метод консультативной работы с руководителями организаций. Сутью данного метода является помощь руководителю в системном осознании рисков, которые сопровождают управление организацией и ее функционирование. Опыт докладчика показывает, что большинство рисков плохо осознаются и дифференцируются руководителями. Поэтому работа в направлении их систематизации и осознания ведет к росту качества и аккуратности в работе управленца.

Особый интерес у участников секции вызвал доклад профессора Елены Варшавской (НИУ ВШЭ) на тему **«Занятость в неформальном секторе России (или где работают те, кого не видит Правительство)»**. Опираясь на богатую статистику, докладчик показала структуру данной занятости по отраслям и регионам РФ. Ведущая идея доклада состояла в том, что занятость в неформальном секторе экономики – это нормальная реальность, с которой не стоит бороться и которую не надо оценивать как исключительно негативное явление. Если же оценивать ее как проблему, то надо признать, что это, скорее, следствие патологий в формальном секторе экономики, чем патология сама по себе.

Доклад **«Стратегии поведения менеджеров в ситуации организационного конфликта»**, сделанный Кирой Решетниковой (НИУ ВШЭ), был посвящен изложению многоаспектного эмпирического исследования. Одна из наиболее популярных моделей поведения в конфликте Томаса-Киллмена была проверена с точки зрения длительности опыта, пола и других особенностей работников современных российских организаций. В результате были выявлены важная специфика каждого из типов поведения в конфликте и наличия разного сочетания условий.

Известный конфликтолог Любовь Цой (Московская школа конфликтологии) в докладе **«Специфика «offline» и «online» коммуникаций в разрешении организационных конфликтов»** продемонстрировала собственный метод работы. Он включает в себя создание специального форума в Интернете, на котором сотрудникам организации рекомендуется общаться преимущественно на межличностные темы с тем, чтобы вывести их за пределы деловой коммуникации в ходе выполнения основных обязанностей. По мнению докладчика, такое разделение видов коммуникации ведет к росту организационной эффективности.

В докладе **«Модели и процедуры оценки управленцев в международных фармацевтических компаниях»**, сделанном на секции Евгением Вучетичем (компания СЕО, г. Москва), были подробно проанализированы этапы работы по оценке работников. Докладчик показал, как специфика современной ситуации влияет на технологию оценки, изменяет очередность, структуру и наполнение каждого из этапов взаимодействия консалтинговой и клиентской компаний.

Заключительный доклад секции **«Факторы управления талантами в секторе информационных технологий»**, который был представлен Ольгой Мондрус (НИУ ВШЭ), содержал теоретический анализ концепций управления талантами, разработанных к настоящему времени в различных традициях психологии и наук об управлении. Было убедительно показано, насколько неоднородны представления о сущности таланта и насколько различными могут быть практические последствия такой концептуальной неоднородности. Докладчик выделила так называемые локусы внимания к различным аспектам таланта, учет которых позволяет внести элемент регулярности в программы управления талантами.

При подведении итогов секции участники выделили междисциплинарный характер сделанных докладов. Было отмечено, что дискуссионная площадка симпозиума «Пути России» на протяжении многих лет является местом, позволяющим встретиться друг с другом и «сверить часы» представителям различных дисциплин, занимающихся таким сложным междисциплинарным предметом как организация.

Рубрику ведет **ХАЛИЛОВ Тимур Александрович**,
научный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf).

Или на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».**

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны.**

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы, рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации (или рецензию специалистов в изучаемой области науки). Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в соответствующей отрасли науки, (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Рецензент несет ответственность за предоставляемую на рукопись рецензию.

Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение «данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК», а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости внешнего рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Поступившая в редакцию рукопись направляется на рецензирование в редакционный совет. [статья проходит, помимо внешних рецензий, обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов)] и в 2-х недельный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в об-

суждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью при отсутствии рецензии, не соответствующую профилю журнала или оформленную с нарушением порядка и условий публикации. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Никакие материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. предоставлять рецензии (скан) на статью (если нет возможности провести рецензирование статьи, редакция имеет возможность Вам в этом помочь) подписанные и заверенные по месту работы рецензента (оригинал направляется на адрес:

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.;

2. уточнять, в какой рубрике размещать статью;

3. указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;

4. предоставлять копию проверки в текстовом или графическом файле *скриншот результата проверки на антиплагиат.* (через программы : Антиплагиат, Advego Plagiatus, (с результатом не менее 80 % уникальности);

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Объем полного текста рукописи

Средний объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также таблицы, рисунки, примечания и ссылки, должен быть – **8- 20 страниц**, В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение .doc..rtf или .docx (Microsoft Word).

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт (1,5) Times New Roman, размер 14

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;

- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности)- необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация

- **Аннотация** характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну.

- Объем текста аннотация (резюме) должен быть не менее 200-250 слов.

- **Ключевые слова**, (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (учитывать специфику английского языка, не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология.»

3). Англоязычная аннотация

- **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,
- **Author names** ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом,
- **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>
- **Abstract и Key words:** Англоязычная версия аннотации статьи (резюме) должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология.»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языке) Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках) Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.

Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « — || ».

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

После текста прописными буквами дается рубрика:

6) БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

(пристатейные списки литературы)

Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии

с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Шрифт сноска: Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Подробное описание оформления **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК** см. на сайтах: <http://www.hist-edu.ru>: <http://www.akademus07.ru>

7) REFERENCES:

(пристатейные списки литературы на английском языке и [транслитерация названия статьи])

Название статьи в ссылках должна быть дублирована на английский язык и транслитерирована (написана латинскими буквами) в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой**.

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Язык. Необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en] ; (in Russ.). (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Maslieva S. N. Integration and inclusion: paradigmatic characteristics. [Integracija i inkluzija: paradigmatic'naja harakteristika]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2014. no. 2 (24). Pp. 159-165. (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia. [Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnykh vod]. Stavropol, 2015 , p. 1 (in press).

Примеры описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) *Russian Journal of Electrochemistry*, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

При наличии DOI, какое бы библиографическое описание было неточным, ссылка на статью будет однозначно правильно установлена.

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Подробное описание и примеры оформления в **REFERENCES** см. на сайтах:
<http://www.hist-edu.ru>: <http://www.akademus07.ru>

8) Информация об авторе:

Авторы статьи. фамилии и инициалы авторов следует указывать **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности)- необходимо привести официальное **ПОЛНОЕ** название учреждения (без сокращений). если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки.

Information about the author:

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом.

Affiliation. Необходимо указывать **ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ**. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://eLibrary.ru>

9) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 8. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть **на русском и английском языках**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- **Фотографии, отпечатки экранов мониторов** (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуночную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст

Соответствие нормам этики. Для публикации результатов оригинальной работы необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. В случае проведения исследований с участием животных – соответствовал ли протокол исследования этическим принципам и нормам проведения биомедицинских исследований с участием животных. В обоих случаях необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайты журнала: <http://www.hist-edu.ru> <http://www.akademus07.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.

Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas*»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2016. Том 8 № 2/1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.03.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 233 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»